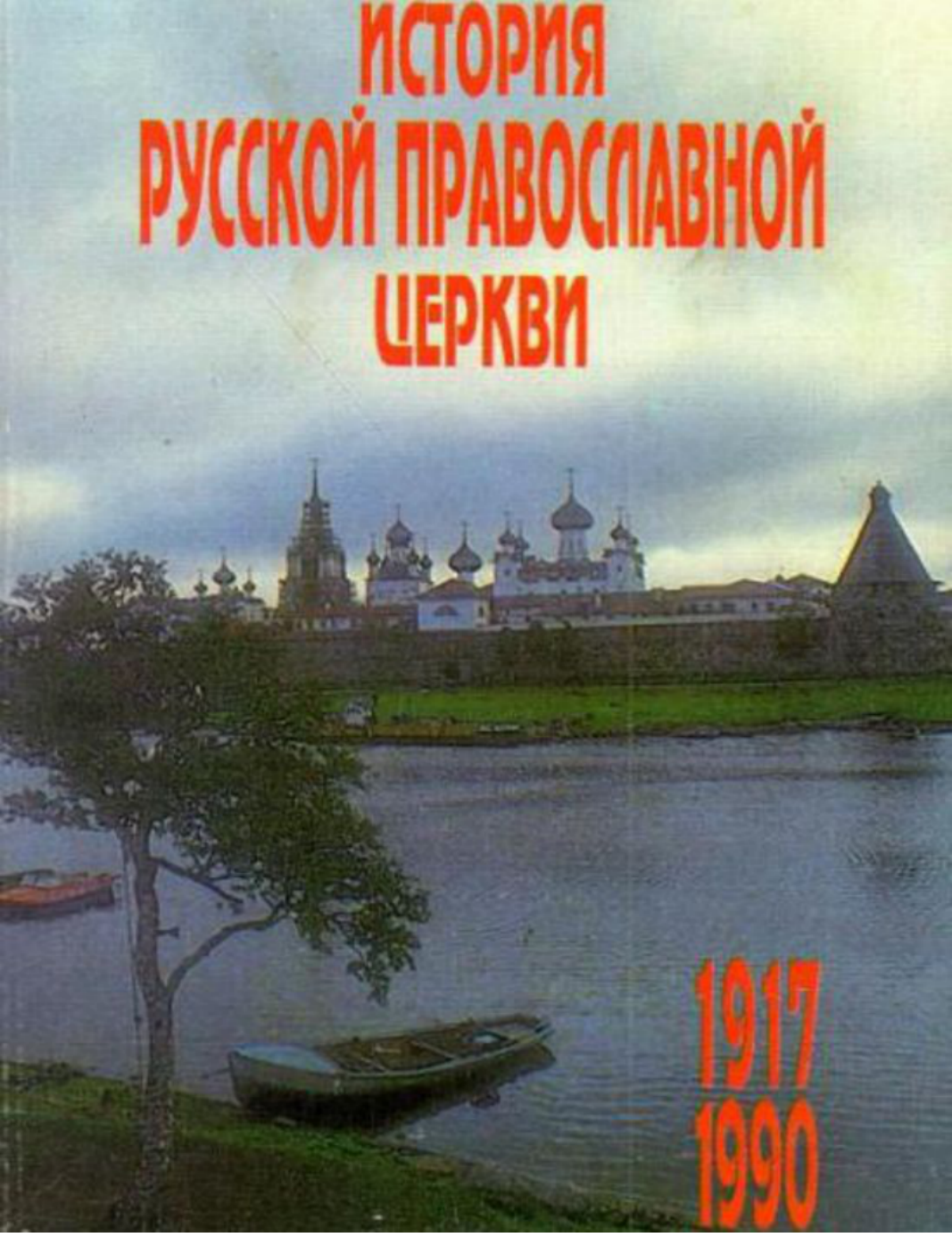
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ



1917
1990

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена судьбе православия в России в XX столетии, времени небывалом в истории нашего Отечества по интенсивности и сложности исторических событий.

Задача исследователя, взявшего на себя труд описания живой, продолжающейся церковно-исторической эпохи, существенно отлична от задач, стоящих перед исследователями завершенных периодов истории, - здесь не может быть ни всеобъемлющих обобщений, ни окончательных выводов и приговоров. Вполне сознавая это, автор настоящего исследования протоиерей Владислав Цыпин стремится к более точному и продуманному описанию событий, фактов и людских судеб, предпочитая не давать им оценку, а представить суждения о них самих участников событий. В этом смысле настоящая книга является, несомненно, лишь введением в историю Русской Церкви XX в., материалом для будущих капитальных исследований, собранным и систематизированным одним из свидетелей этой эпохи.

- История Русской Православной Церкви 1917 – 1990
  - I. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918
  - II. Русская Православная Церковь в годы гражданской войны 1918–1922
  - III. Русская Православная Церковь 1922–1925
  - IV. Русская Православная Церковь 1925–1928
  - V. Русская Православная Церковь 1929–1941
  - VI. Русская Православная Церковь в Великую Отечественную войну
  - VII. Русская Православная Церковь в послевоенные годы
  - VIII. Русская Православная Церковь 1958–1970
  - IX. Русская Православная Церковь 1970–1980
  - X. Русская Православная Церковь в 1980–е годы
  - XI. Церковная диаспора
  - XII Приложение
    - Обращение Священного Синода ко всем чадам Православной Российской Церкви по поводу отречения Императора Николая II и отказа Великого Князя Михаила воспринять власть до решения Учредительного Собрания. 1917 г.
    - Послание Патриарха Тихона Совету Народных

Комиссаров. 1918 г.

- Послание Патриарха Тихона чадам Православной Российской Церкви. 1919 г.
- Послание архисвятейшего Патриарха Тихона к архипастырям Русской Православной Церкви. 1919 г.
- Послание Патриарха Тихона о помощи голодающим и изъятии церковных ценностей. 1922 г.
- Завещание Патриарха Тихона. 1925 г.
- Обращение православных епископов из Соловецкого лагеря особого назначения к правительству СССР ("Соловецкое послание"). 1926 г.
- Послание заместителя патриаршего местоблюстителя, Митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и временного при нем Патриаршего Священного Синода ("Декларация" Митрополита Сергия). 1927 г.
- Послание патриаршего местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Российской Церкви. 1925 г.
- Литература

История Русской Православной Церкви 1917 – 1990

I. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918

Поместный Собор Русской Православной Церкви, состоявшийся в 1917-1918 годах, совпал с революционным процессом в России, с установлением нового государственного строя. На Собор призваны были Святейший Синод и Предсоборный Совет в полном составе, все епархиальные архиереи, а также по два клирика и по три мирянина от епархий, протопресвитеры Успенского собора и военного духовенства, наместники четырех лавр и настоятели Соловецкого и Валаамского монастырей, Саровской и Оптиной пустыни, представители от монашествующих, единоверцев, военного духовенства, воинов действующей армии, от духовных академий, Академии Наук, университетов, Государственного Совета и Государственной Думы. Среди 564 членов Собора было 80 архиереев, 129 пресвитеров, 10 диаконов, 26 псаломщиков, 20 монашествующих (архимандритов, игуменов и иеромонахов) и 299 мирян. В деяниях Собора участвовали представители единоверных православных Церквей: епископ Никодим (от Румынской) и архимандрит Михаил (от Сербской).

Широкое представительство на Соборе пресвитеров и мирян было связано с тем обстоятельством, что он явился исполнением двухвековых чаяний православного русского народа, его устремлений к возрождению соборности. Но Устав Собора предусматривал особую ответственность епископата за судьбу Церкви. Вопросы догматического и канонического характера после их рассмотрения полнотой Собора подлежали утверждению на совещании епископов.

Поместный Собор открылся в Успенском соборе Кремля в день его храмового праздника — 15 (28) августа. Торжественную литургию совершил митрополит Киевский Владимир в сослужении митрополитов Петроградского Вениамина и Тифлисского Платона.

После пения Символа веры члены Собора поклонились мощам Московских святителей и в преднесении кремлевских святынь вышли на Красную площадь, куда уже крестными ходами стекалась вся православная Москва. На площади было совершено молебное пение.

Первое заседание Собора состоялось 16 (29) августа в храме Христа Спасителя после литургии, совершенной здесь митрополитом Московским Тихоном. Целый день оглашались

приветствия Собору. Деловые заседания начались в третий день деяний Собора в Московском епархиальном доме. Открывая первое рабочее заседание Собора, митрополит Владимир произнес напутственное слово: «Мы все желаем успеха Собору, и для этого успеха есть основания. Здесь, на Соборе представлены духовное благочестие, христианская добродетель и высокая ученость. Но есть нечто, возбуждающее опасения. Это — недостаток в нас единомыслия… Поэтому я напомню Апостольский призыв к единомыслию. Слова Апостола „будьте единомысленны между собою“ имеют великое значение и относятся ко всем народам, ко всем временам. В настоящее время разномыслие сказывается у нас особенно сильно, оно стало основополагающим принципом жизни… Разномыслие расшатывает устои семейной жизни, школы, под его влиянием многие отошли от Церкви… Православная Церковь молится о единении и призывает едиными усты и единым сердцем исповедать Господа. Наша Православная Церковь устроена „на основании апостол и пророк, сущу краеугольну самому Иисусу Христу. Это скала, о которую разобьются всякие волны“».

Своим Почетным Председателем Собор утвердил святого митрополита Киевского Владимира. Председателем Собора был избран святой митрополит Тихон. Составлен был Соборный Совет, в который вошли Председатель Собора и его заместители архиепископы Новгородский Арсений (Стадницкий) и Харьковский Антоний (Храповицкий), протопресвитеры Н. А. Любимов и Г. И. Шавельский, князь Е. Н. Трубецкой и Председатель Государственного Совета М. В. Родзянко, которого в феврале 1918 года сменил А. Д. Самарин. Секретарем Собора был утвержден В. П. Шеин (впоследствии архимандрит Сергий). Членами Соборного Совета избраны были также митрополит Тифлисский Платон, протоиерей А. П. Рождественский и профессор П. П. Кудрявцев.

После избрания и поставления Патриарха на большинстве соборных заседаний председательствовал Преосвященный Новгородский Арсений, возведенный в сан митрополита. В трудном деле руководства соборными деяниями, которые часто приобретали неспокойный характер, он обнаружил и твердую властность, и мудрую гибкость.

Собор открылся в дни, когда Временное правительство агонизировало, теряя контроль не только над страной, но и над разваливающейся армией. Солдаты толпами бежали с фронта, убивая офицеров, учиняя беспорядки и грабежи, наводя страх на мирных жителей, в то время как Кайзеровские войска стремительно двигались вглубь России. 24 августа (6 сентября),

по предложению протопресвитера армии и флота, Собор обратился к бойцам с призывом образумиться и продолжать исполнять свой воинский долг. «С болью душевной, с тяжкой скорбью, — говорилось в воззвании, — Собор взирает на самое страшное, что в последнее время выросло во всей народной жизни и особенно в армии, что принесло и грозит еще принести Отечеству и Церкви неисчислимые беды. В сердце русского человека стал затуманиваться светлый образ Христов, начал гаснуть огонь веры православной, начало слабеть стремление к подвигу во имя Христа… Непроглядная тьма окутала Русскую землю, и стала гибнуть великая могучая Святая Русь… Обманутые врагами и предателями, изменой долгу и присяге, убийствами своих же братии, грабежами и насилиями запятнавшие свое высокое священное звание воина, молим вас, — опомнитесь! Загляните в глубину своей души, и ваша… совесть, совесть русского человека, христианина, гражданина, может быть, скажет вам, как далеко вы ушли по ужасному, преступнейшему пути, какие зияющие, неисцелимые раны наносите вы Родине–матери своей».

Собор образовал 22 отдела, которые готовили доклады и проекты определений, выносившиеся на заседания. Важнейшими отделами были Уставный, Высшего Церковного управления, епархиального управления, благоустроения приходов, правового положения Церкви в государстве. Большинство отделов возглавили архиереи.

11 октября 1917 года Председатель отдела Высшего Церковного Управления епископ Астраханский Митрофан выступил на пленарном заседании с докладом, который открывал главное событие в деяниях Собора — восстановление Патриаршества. Предсоборный Совет в своем проекте устройства Высшего Церковного Управления не предусматривал Первосвятительского сана. При открытии Собора лишь немногие из его членов, главным образом монашествующие, были убежденными поборниками восстановления Патриаршества. Тем не менее, когда вопрос о Первом епископе был поставлен в отделе Высшего Церковного Управления, он встретил широкую поддержку. Мысль о восстановлении Патриаршества с каждым заседанием отдела приобретала все больше приверженцев. На 7–ом заседании отдел решает не медлить с этим важным вопросом и предложить Собору восстановить Первосвятительский Престол.

Обосновывая это предложение, епископ Митрофан напомнил в своем докладе, что Патриаршество стало известно на Руси со времени ее Крещения, ибо в первые столетия своей истории Русская Церковь пребывала в юрисдикции Константинопольского

Патриарха. Упразднение Патриаршества Петром I явилось нарушением святых канонов. Русская Церковь лишилась своего главы. Но мысль о Патриаршестве не переставала теплиться в сознании русских людей как «золотая мечта». «Во все опасные моменты русской жизни, — сказал епископ Митрофан, — когда кормило церковное начинало крениться, мысль о Патриархе воскресала с особой силой… Время повелительно требует подвига, дерзновения, и народ желает видеть во главе жизни Церкви живую личность, которая собрала бы живые народные силы». 34–е Апостольское правило и 9–е правило Антиохийского Собора повелительно требуют, чтобы в каждом народе был Первый епископ.

Вопрос о восстановлении Патриаршества на пленарных заседаниях Собора обсуждался с необычайной остротой. Голоса противников Патриаршества, вначале напористые и упрямые, в конце дискуссии звучали диссонансом, нарушая почти полное единомыслие Собора.

Главным аргументом сторонников сохранения синодальной системы было опасение, что учреждение Патриаршества может сковать соборное начало в жизни Церкви. Повторяя софизмы архиепископа Феофана (Прокоповича), князь А. Г. Чаадаев говорил о преимуществах «коллегии», которая может соединять в себе различные дарования и таланты в отличие от единоличной власти. «Соборность не уживается с единовластием, единовластие несовместимо с соборностью», — настаивал профессор Б. В. Титлинов вопреки бесспорному историческому факту: с упразднением Патриаршества перестали созываться и Поместные Соборы. Протоиерей Н. В. Цветков выставил против Патриаршества мнимо догматический довод: оно, мол, образует средостение между верующим народом и Христом. В. Г. Рубцов выступил против Патриаршества, потому что оно нелиберально: «Нам нужно уравняться с народами Европы… Не будем возвращать деспотизм, не повторим XVII века, а XX век говорит о полноте соборности, чтобы народ не уступил своих прав какой-то главе». Здесь налицо подмена церковно–канонической логики поверхностной политической схемой.

В выступлениях сторонников восстановления Патриаршества, кроме канонических принципов, в качестве одного из наиболее весомых доводов приводилась сама история Церкви. В речи И. Н. Сперанского была показана глубокая внутренняя связь между существованием Первосвятительского престола и духовным ликом допетровской Руси: «Пока у нас на Святой Руси был верховный пастырь…, наша Православная Церковь была совестью государства… Забывались заветы Христовы, и Церковь в

лице Патриарха дерзновенно поднимала свой голос, кто бы ни были нарушители… В Москве идет расправа со стрельцами. Патриарх Адриан — последний русский Патриарх, слабенький, старенький…, берет на себя дерзновение… „печаловаться“, ходатайствовать за осужденных».

Многие ораторы говорили об упразднении Патриаршества как о бедствии для Церкви, но мудрее всех сказал об этом архимандрит Илларион (Троицкий): «Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В Окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа должно биться русское православное сердце. Орел петровского, на западный образец устроенного, самодержавия выклевал это русское православное сердце, святотатственная рука нечестивого Петра свела Первосвятителя Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Церкви Российской от Бога данной ему властью поставит снова Московского Патриарха на его законное неотъемлемое место».

Ревнители Патриаршества напомнили о государственной разрухе, переживаемой страной при Временном правительстве, о печальном состоянии народного религиозного сознания. По словам архимандрита Матфея, «последние события свидетельствуют об удалении от Бога не только интеллигенции, но и низших слоев…, и нет влиятельной силы, которая остановила бы это явление, нет страха, совести, нет первого епископа во главе русского народа… Посему немедля мы должны избрать духоносного стража нашей совести, нашего духовного вождя -Святейшего Патриарха, за которым и пойдем ко Христу».

В ходе соборного обсуждения мысль о восстановлении сана Первоиерарха была освещена со всех сторон и предстала перед членами Собора как повелительное требование канонов, как исполнение вековых народных чаяний, как живая потребность времени.

28 октября (10 ноября) прения были прекращены. Поместный Собор большинством голосов вынес историческое постановление:

1. «В Православной Российской Церкви высшая власть — законодательная, административная, судебная и контролирующая — принадлежит Поместному Собору, периодически, в определенные сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян.

2. Восстанавливается Патриаршество, и управление церковное возглавляется Патриархом.

3. Патриарх является первым между равными ему

епископами.

4. Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору».

Опираясь на исторические прецеденты, Соборный Совет предложил процедуру избрания Патриарха: при первом туре голосования соборяне подают записки с именем предлагаемого ими кандидата в Патриархи. Если один из кандидатов получит абсолютное большинство голосов, он считается избранным. Если же ни один из кандидатов не получит больше половины голосов, проводится повторное голосование, при котором подаются записки с именами трех предлагаемых лиц. Получивший большинство голосов считается избранным в кандидаты. Туры голосования повторяются, пока три кандидата не получат большинства голосов. Потом жребием из них будет избран Патриарх.

30 октября (12 ноября) 1917 года было проведено голосование. Архиепископ Харьковский Антоний получил 101 голос, архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов) - 27, митрополит Московский Тихон — 22, архиепископ Новгородский Арсений — 14, митрополит Киевский Владимир, архиепископ Кишиневский Анастасий и протопресвитер Г. И. Шавельский — по 13 голосов, архиепископ Владимирский Сергий (Страгородский) - 5, архиепископ Казанский Иаков, архимандрит Иларион (Троицкий) и бывший обер–прокурор Синода А. Д. Самарин — по 3 голоса. Еще несколько лиц было предложено в Патриархи одним или двумя соборянами.

После четырех туров голосования Собор избрал кандидатами на Первосвятительский престол архиепископа Харьковского Антония, архиепископа Новгородского Арсения и митрополита Московского Тихона, — как говорили о нем в народе, — «самого умного, самого строгого и самого доброго из иерархов Русской Церкви…» Архиепископ Антоний, блестяще образованный и талантливый церковный писатель, был видным церковным деятелем двух последних десятилетий синодальной эпохи. Давний поборник Патриаршества, он был поддержан многими на Соборе как бесстрашный и опытный церковный вождь.

Другой кандидат, архиепископ Арсений, умный и властный иерарх, обладавший многолетним церковно–административным и государственным опытом (в прошлом член Государственного Совета), по свидетельству митрополита Евлогия, «возможности стать Патриархом ужасался и только и молил Бога, чтобы „чаша сия миновала его“. А святитель Тихон во всем полагался на волю Божию. Не стремясь к Патриаршеству, он готов был принять на себя этот крестный подвиг, если Господь призовет его.

Избрание состоялось 5 (18) ноября в храме Христа Спасителя. По окончании Божественной литургии и молебного пения, священномученик Владимир, митрополит Киевский, вынес ковчежец с жребиями на амвон, благословил им народ и снял печати. Из алтаря вышел слепой старец схииеромонах Зосимовой пустыни Алексий. Помолившись, он вынул из ковчежца жребий и передал его митрополиту. Святитель прочитал громко: „Тихон, митрополит Московский — аксиос“.

Ликующее тысячеустое „аксиос“ сотрясло огромный переполненный храм. В глазах молящихся стояли слезы радости. По отпусте знаменитый на всю Россию своим могучим басом протодиакон Успенского собора Розов возгласил многолетие: „Господину нашему Высокопреосвященнейше му митрополиту Московскому и Коломенскому Тихону, избранному и нареченному в Патриархи богоспасаемого града Москвы и всея России“.

В этот день святитель Тихон совершал литургию в Троицком подворье. Весть об избрании его Патриархом принесло ему посольство Собора во главе с митрополитами Владимиром, Вениамином и Платоном. После пения многолетия митрополит Тихон произнес слово: „…Сейчас я изрек по чиноположению слова: „Благодарю и приемлю и нимало вопреки глаголю“… Но, рассуждая по человеку, могу многое глаголить вопреки настоящему моему избранию. Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: „Плач, и стон, и горе“, и такой свиток должен был съесть пророк Иезекииль. Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне Патриаршем служении, и особенно в настоящую тяжкую годину! Подобно древнему вождю еврейского народа Моисею, и мне придется говорить ко Господу: „Для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка. *Я* один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня“ (Числ. 11, 11 — 14). Отныне на меня возлагается попечение о всех церквах Российских и предстоит умирание за них во вся дни. А к сим кто доволен, даже и из крепких мене! Но да будет воля Божия! Нахожу подкрепление в том, что избрания сего я не искал, и оно пришло помимо меня и даже помимо человеков, по жребию Божию“.

Интронизация Патриарха состоялась 21 ноября (3 декабря) в праздник Введения в Успенском соборе Кремля. Для торжества настоло вания из Оружейной палаты взяты были жезл святителя

Петра, ряса священномученика Патриарха Ермогена, а также мантия, митра и клобук Патриарха Никона.

29 ноября на Соборе была оглашена выписка из „Определения“ Священного Синода о возведении в сан митрополита архиепископов Харьковского Антония, Новгородского Арсения, Ярославского Агафангела, Владимирского Сергия и Казанского Иакова.

* * *.

Восстановлением Патриаршества дело преобразования всей системы церковного управления завершено не было. Краткое определение от 4 ноября 1917 года было восполнено другими развернутыми „Определениями“: „О правах и обязанностях Святейшего Патриарха…“, „О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете“, „О круге дел, подлежащих ведению органов Высшего Церковного Управления“. Патриарху Собор предоставил права, соответствующие каноническим нормам: нести попечение о благополучии Русской Церкви и представлять ее перед государственной властью, сноситься с автокефальными Церквами, обращаться ко всероссийской пастве с учительными посланиями, заботиться о своевременном замещении архиерейских кафедр, давать епископам братские советы. Патриарх, по „Определениям“ Собора, является епархиальным архиереем Патриаршей области, которую составляют Московская епархия и ставропигиальные монастыри.

Поместный Собор образовал два органа коллегиального управления Церкви в промежутках между Соборами: Священный Синод и Высший Церковный Совет. К компетенции Синода были отнесены дела иерархическо–пастырского, вероучительного, канонического и литургического характера, а в ведение Высшего Церковного Совета — дела церковно–общественного порядка: административно–хозяйственные и школьно–просветительские. И наконец, особо важные вопросы — о защите прав Церкви, о подготовке к предстоящему Собору, об открытии новых епархий — подлежали совместному решению Священного Синода и Высшего Церковного Совета.

В состав Синода входили, помимо его Председателя–Патриарха, 12 членов: митрополит Киевский по кафедре, 6 архиереев по избранию Собора на три года и пять епископов, вызываемых по очереди на один год. Из 15 членов Высшего Церковного Совета, возглавляемого, как и Синод, Патриархом, три архиерея делегировались Синодом, а один монах, пять

клириков из белою духовенства и шесть мирян избирались Собором. Выборы членов высших органов церковного управления состоялись на последних заседаниях первой сессии Собора перед его роспуском на рождественские каникулы.

Поместный Собор избрал в Синод митрополитов Новгородского Арсения, Харьковского Антония, Владимирского Сергия, Тифлисского Платона, архиепископов Кишиневского Анастасия (Грибановского) и Волынского Евлогия.

В Высший Церковный Совет Собор избрал архимандрита Виссариона, протопресвитеров Г. И. Шавельского и И. А. Любимова, протоиереев А. В. Санковского и А. М. Станиславского, псаломщика А. Г. Куляшова и мирян князя Е. Н. Трубецкого, профессоров С. Н. Булгакова, Н. М. Громогласова, П. Д. Лапина, а также бывшего министра исповеданий Временного правительства А. В. Карташова и С. М. Раевского. Синод делегировал в Высший Церковный Совет митрополитов Арсения, Агафангела и архимандрита Анастасия. Собор избрал также заместителей членов Синода и Высшего Церковного Совета.

13 (26) ноября Собор приступил к обсуждению доклада о правовом положении Церкви в государстве. По поручению Собора профессор С. Н. Булгаков составил Декларацию об отношениях Церкви и государства, которая предваряла „Определение о правовом положении Церкви в государстве“. В ней требование о полном отделении Церкви от государства сравнивается с пожеланием, „чтобы солнце не светило, а огонь не согревал. Церковь, по внутреннему закону своего бытия, не может отказаться от призвания просветлять, преображать всю жизнь человечества, пронизывать ее своими лучами“. Мысль о высоком призвании Церкви в государственных делах лежала в основе правового сознания Византии. Древняя Русь унаследовала от Византии идею симфонии Церкви и государства. На этом фундаменте строилась Киевская и Московская держава. При этом Церковь не связывала себя с определенной формой правления и исходила всегда из того, что власть должна быть христианской. „И ныне, — сказано в документе, — когда волею Провидения рушится в России царское самодержавие, а на замену его идут новые государственные формы, Православная Церковь не имеет определения об этих формах со стороны их политической целесообразности, но она неизменно стоит на таком понимании власти, по которому всякая власть должна быть христианским служением“. Меры внешнего принуждения, насилующие религиозную совесть иноверцев, признаны были несовместимыми с достоинством Церкви.

Острый спор возник вокруг вопроса о предполагавшемся в проекте „Определения“ обязательном Православии Главы государства и министра исповеданий. Член Собора профессор Н. Д. Кузнецов сделал резонное замечание: „В России провозглашена полная свобода совести и объявлено, что положение каждого гражданина в государстве… не зависит от принадлежности к тому или иному вероисповеданию и даже к религии вообще… Рассчитывать в этом деле на успех невозможно“. Но предостережение это не было учтено.

В окончательном виде „Определение“ Собора гласит: „1. Православная Российская Церковь, составляя часть Единой Вселенской Христовой Церкви, занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично–правовое положение, подобающее ей как величайшей святыне огромного большинства населения и как величайшей исторической силе, созидавшей Российское государство.

2. Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней церковной дисциплине и сношениях с другими автокефальными Церквами независима от государственной власти…

3. Постановления и указания, издаваемые для себя Православной Церковью, равно как и акты церковного управления и суда, признаются государством имеющими юридическую силу и значение, поскольку ими не нарушаются государственные законы…

4. Государственные законы, касающиеся Православной Церкви, издаются не иначе, как по соглашению с церковной властью…

7. Глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными…

22. Имущество, принадлежащее установлениям Православной Церкви, не подлежит конфискации и отобранию…“

Отдельные статьи „Определения“ носили анахронический характер, не соответствуя конституционным основам нового государства, новым государственно–правовым условиям, и не могли претвориться в жизнь. Однако в этом „Определении“ содержится бесспорное положение о том, что в делах веры, своей внутренней жизни Церковь независима от государственной власти и руководствуется своим догматическим учением и канонами.

Деяния Собора совершались и в революционное время. 25 октября (7 ноября) пало Временное Правительство, в стране была установлена Советская власть. 28 октября в Москве разразились

кровавые бои между занимавшими Кремль юнкерами и повстанцами, в руках которых был город. Над Москвой стоял грохот пушек и треск пулеметов. Стреляли во дворах, с чердаков, из окон, на улицах лежали убитые и раненые.

В эти дни многие члены Собора, приняв на себя обязанность медбратьев, ходили по городу, подбирая и перевязывая раненых. Среди них были архиепископ Таврический Димитрий (князь Абашидзе) и епископ Камчатский Нестор (Анисимов). Собор, стремясь остановить кровопролитие, направил делегацию для переговоров с Военно–революционным комитетом и комендатурой Кремля. Делегацию возглавил митрополит Платон. В штабе Военно–революционного комитета митрополит Платон просил прекратить осаду Кремля. На это получил ответ: „Поздно, поздно. Не мы испортили перемирие. Скажите юнкерам, чтобы они сдавались“. Но в Кремль делегация не смогла проникнуть.

„В эти кровавые дни, — писал впоследствии митрополит Евлогий, — в Соборе произошла большая перемена. Мелкие человеческие страсти стихли, враждебные пререкания смолкли, отчужденность изгладилась… Собор, поначалу напоминавший парламент, начал преображаться в подлинный „Церковный Собор“, в органическое церковное целое, объединенное одним волеустремлением — ко благу Церкви. Дух Божий повеял над собранием, всех утешая, всех примиряя“. Собор обратился к враждующим с призывом к примирению, с мольбою о милосердии к побежденным: „Во имя Божие… Собор призывает сражающихся между собою дорогих наших братьев и детей ныне воздержаться от дальнейшей ужасной кровопролитной брани… Собор… умоляет победителей не допускать никаких актов мести, жестокой расправы и во всех случаях щадить жизнь побежденных. Во имя спасения Кремля и спасения дорогих всей России наших в нем святынь, разрушения и поругания которых русский народ никогда и никому не простит, Священный Собор умоляет не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу“.

В воззвании, изданном Собором 17 (30) ноября, содержится призыв к всеобщему покаянию: „Вместо обещанного лжеучителями нового общественного строения — кровавая распря строителей, вместо мира и братства народов — смешение языков и ожесточение, ненависть братьев. Люди, забывшие Бога, как голодные волки, бросаются друг на друга. Происходит всеобщее затемнение совести и разума… Русские пушки, поражая святыни кремлевские, ранили сердца народные, горящие верою Православною. На наших глазах совершается суд Божий над народом, утратившим святыню… К нашему несчастью, доселе не родилось еще власти воистину народной, достойной получить

благословение Церкви Православной. И не явится ее на Русской земле, пока со скорбною молитвою и слезным покаянием не обратимся мы к Тому, без Кого всуе трудятся зиждущие град“.

Тон этого послания не мог, конечно, способствовать смягчению сложившихся тогда напряженных отношений между Церковью и новым Советским государством. И все-таки в целом Поместный Собор сумел воздержаться от поверхностных оценок и выступлений узко политического характера, сознавая относительную значимость политических явлений в сравнении с религиозными и нравственными ценностями.

По воспоминаниям митрополита Евлогия, высшей точкой, которую духовно достиг Собор, явилось первое после интронизации появление на Соборе Патриарха: „С каким благоговейным трепетом все его встречали! Все — не исключая „левых“ профессоров… Когда… Патриарх вошел, все опустились на колени… В эти минуты уже не было прежних несогласных между собой и чуждых друг другу членов Собора, а были святые, праведные люди, овеянные Духом Святым, готовые исполнять Его веления… И некоторые из нас в этот день поняли, что в реальности значат слова: „Днесь благодать Святаго Духа нас собра…“

Заседания Собора приостановились на Рождественские каникулы 9 (22) декабря 1917 года, а 20 января 1918 года открылась вторая сессия, деяния которой продолжались по 7 (20) апреля. Они проходили в здании Московской духовной семинарии. Начавшаяся гражданская война затруднила передвижение по стране; и 20 января на Соборное заседание смогли прибыть только 110 членов Собора, что не обеспечивало кворума. Поэтому Собор вынужден был принять особое постановление: проводить заседания при любом количестве присутствующих членов Собора.

Главной темой второй сессии было устройство епархиального управления. Обсуждение ее началось еще до Рождественских каникул с доклада профессора А. И. Покровского. Серьезные споры разгорелись вокруг положения о том, что епископ „управляет епархией при соборном содействии клириков и мирян“. Предлагались поправки. Целью одних было резче подчеркнуть власть архиереев — преемников апостолов. Так, архиепископ Тамбовский Кирилл предлагал включить в „Определение“ слова о единоличном управлении епископа, осуществляемом лишь при помощи епархиальных органов управления и суда, а архиепископ Тверской Серафим (Чичагов) говорил даже о недопустимости привлечения мирян к управлению епархией. Предлагались, однако, и такие поправки,

которые преследовали противоположные цели: наделить клириков и мирян более широкими правами в решении епархиальных дел.

На пленарном заседании принята была поправка профессора И. М. Громогласова: заменить формулу „при соборном содействии клириков и мирян“ на слова „в единении с клиром и мирянами“. Но епископское совещание, охраняя канонические основания церковного строя, отвергло эту поправку, восстановив в окончательной редакции формулу, предложенную в докладе: „Епархиальный архиерей, по преемству власти от святых апостолов, есть Предстоятель местной Церкви, управляющий епархией при соборном содействии клира и мирян“.

Собор установил 35–летний возрастной ценз для кандидатов в архиереи. По „Определению о епархиальном управлении“ епископы должны избираться „из монашествующих или не обязанных браком лиц белого духовенства и мирян, причем для тех и других обязательно облачение в рясофор, если они не принимают пострижения в монашество“.

Согласно „Определению“ органом, при содействии которого архиерей управляет епархией, является епархиальное собрание, избираемое из клириков и мирян на трехлетний срок. Епархиальные собрания в свою очередь образуют свои постоянные исполнительные органы: епархиальный совет и епархиальный суд.

2 (15) апреля 1918 года Собор вынес „Определение о викарных епископах“. Его принципиальная новизна заключалась в том, что в ведение викарных епископов предполагалось выделить части епархии и установить для них местопребывание в городах, по которым они титуловались. Издание этого „Определения“ было продиктовано насущной потребностью в увеличении числа епархий и мыслилось как первый шаг в этом направлении.

Самое обширное из постановлений Собора — это „Определение о православном приходе“, по–другому названное „Приходским уставом“. Во введение к „Уставу“ дан краткий очерк истории прихода в древней Церкви и в России. В основе приходской жизни должен лежать принцип служения: „Под руководством преемственно Богопоставленных пастырей все прихожане, составляя единую духовную семью во Христе, принимают живое участие во всей жизни прихода, кто как может своими силами и дарованием“. В „Уставе“ дано определение прихода: „Приходом… называется общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющее часть епархии и находящееся в каноническом

управлении своего епархиального архиерея, под руководством поставленного священника–настоятеля“.

Священной обязанностью прихода Собор провозгласил заботу о благоустроении его святыни — храма. В „Уставе“ определен состав номинального прихода причта: священник, диакон и псаломщик. Увеличение и сокращение его до двух лиц предоставлялось на усмотрение епархиального архиерея, который, по „Уставу“, рукополагал и назначал клириков.

„Устав“ предусматривал избрание прихожанами церковных старост, на которых возлагались заботы о приобретении, хранении и употреблении храмового имущества. Для решения дел, связанных с содержанием храма, обеспечением клириков и избранием должностных лиц прихода, предполагалось созывать не реже двух раз в году приходское собрание, постоянным исполнительным органом которого должен был стать приходской совет, состоящий из клириков, церковного старосты или его помощника и нескольких мирян — по избранию приходского собрания. Председательство на приходском собрании и в приходском совете предоставлялось настоятелю храма.

Крайне напряженный характер приняла дискуссия о единоверии — давнем и сложном вопросе, отягощенном застарелыми недоразумениями и взаимными подозрениями. В отделе единоверия и старообрядчества не удалось выработать согласованный проект. Поэтому на пленарном заседании было представлено два диаметрально противоположных доклада. Камнем преткновения явился вопрос о единоверческом епископате. Один докладчик, епископ Челябинский Серафим (Александров), выступил против рукоположения епископов–единоверцев, усматривая в этом противоречие основанному на канонах территориальному принципу административного деления Церкви и угрозу отделения единоверцев от Православной Церкви. Другой докладчик единоверческий протоиерей Симеон Шлеев предложил учредить самостоятельные единоверческие епархии, после резкой полемики Собор пришел к компромиссному решению об учреждении пяти единоверческих викарных кафедр, подчиненных епархиальным архиереям.

Вторая сессия Собора совершала свои деяния, когда страна была охвачена гражданской войной. Среди русских людей сложивших свои головы в этой войне были и священники. 25 января (7 февраля) 1918 года бандитами в Киеве был убит митрополит Владимир. Получив это печальное известие, Собор вынес постановление, в котором говорится:

„1. Установить возношение в храмах за богослужением особых прошений о гонимых ныне за Православную веру и

Церковь и скончавших жизнь сбою исповедниках и мучениках…

2. Установить по всей России ежегодное молитвенное поминовение в день 25 января или в следующий за сим воскресный день (вечером)… исповедников и мучеников“.

На закрытом заседании 25 января 1918 года Собор вынес экстренное постановление о том, чтобы „на случай болезни, смерти и других печальных для Патриарха возможностей предложить ему избрать несколько блюстителей Патриаршего Престола, которые в порядке старшинства и будут блюсти власть Патриарха и преемствовать ему“. На втором специальном закрытом заседании Собора Патриарх доложил, что постановление это им выполнено. После кончины Патриарха Тихона оно послужило спасительным средством для сохранения канонического преемства Первосвятительского служения.

5 апреля 1918 года, незадолго до роспуска на Пасхальные каникулы, Собор архипастырей Русской Православной Церкви принял постановление о прославлении в лике святых святителей Иосифа Астраханского и Софрония Иркутского.

* * *

Последняя, третья, сессия Собора продолжалась с 19 июня (2 июля) по 7 (20) сентября 1918 года. На ней продолжалась работа над составлением „Определений“ о деятельности высших органов церковного управления. В „Определении о порядке избрания Святейшего Патриарха“ устанавливался порядок, в основном похожий на тот, по которому был избран Патриарх на Соборе. Предусматривалось, однако, более широкое представительство на избирательном Соборе клириков и мирян Московской епархии, для которой Патриарх является епархиальным архиереем. В случае освобождения Патриаршего Престола „Определением о Местоблюстителе Патриаршего Престола“ предусматривалось незамедлительное избрание Местоблюстителя из числа членов Синода соединенным присутствием Священного Синода и Высшего Церковного Совета.

Одно из важнейших постановлений третьей сессии Собора — „Определение о монастырях и монашествующих“, разработанное в соответствующем отделе под председательством архиепископа Тверского Серафима. В нем устанавливается возрастной ценз постригаемого — не меньше 25 лет; для пострига послушника в более юном возрасте требовалось благословение епархиального архиерея. Определение восстанавливало древний обычай избрания настоятелей и наместников братией с тем, чтобы

епархиальный архиерей, в случае одобрения избранного, представлял его на утверждение в Святейший Синод. Поместный Собор подчеркнул преимущество общежительства перед особожительством и рекомендовал всем монастырям по возможности вводить у себя общежительный устав. Важнейшей заботой монастырского начальства и братии должно быть строго уставное богослужение „без пропусков и без замены чтением того, что положено петь, и сопровождаемое словом назидания“. Собор высказался о желательности иметь в каждой обители для духовного окормления насельников старца или старицы. Всем монастырским насельникам предписывалось нести трудовое послушание. Духовно–просветительское служение монастырей миру должно выражаться в уставном богослужении, духовничестве, старчестве и проповедничестве.

На третьей сессии Собор вынес два „Определения“, призванных оградить достоинство священного сана. Опираясь на апостольские наставления о высоте священного служения и на каноны, Собор подтвердил недопустимость второбрачия для вдовых и разведённых священнослужителей. Второе постановление подтверждало невозможность восстановления в сане лиц, лишенных его приговорами духовных судов, правильными по существу и по форме. Неукоснительное соблюдение этих „Определений“ православным духовенством, строго хранящим канонические основания церковного строя, в 20 — 30–е годы уберегло его от дискредитации, которой подверглись группировки обновленцев, поправших и православный закон, и святые каноны.

13 (26) августа 1918 года Поместный Собор Русской Православной Церкви восстановил празднование памяти всех святых, в земле Российской просиявших, приуроченное ко второй неделе по Пятидесятнице.

На заключительном заседании 7 (20) сентября 1918 года Собор постановил созвать очередной Поместный Собор весной 1921 года.

Не все отделы Собора творили соборное деяние с одинаковым успехом. Заседая более года, Собор не исчерпал своей программы: некоторые отделы не успели выработать и вынести на пленарные заседания согласованные доклады. Ряд „Определений“ Собора не удалось осуществить из-за общественно–политической обстановки, которая сложилась в стране.

В решении вопросов церковного строительства, устроении всей жизни Русской Церкви в небывалых исторических условиях на основе строгой верности догматическому и нравственному учению Спасителя Собор стоял на почве канонической правды.

Политические структуры Российской Империи рухнули, эфемерным образованием оказалось Временное правительство, а Церковь Христова, руководимая благодатью Святого Духа, сохранила в эту переломную историческую эпоху свой Богозданный строй. На Соборе, ставшем актом ее самоопределения в новых исторических условиях, Церковь сумела очиститься от всего наносного, исправить деформации, которые она претерпела в синодальную эпоху, и тем обнаружила свою неотмирную природу.

Поместный Собор явился событием эпохального значения. Упразднив канонически ущербную и окончательно изжившую себя синодальную систему церковного управления и восстановив Патриаршество, он провел рубеж между двумя периодами русской церковной истории. „Определения“ Собора послужили Русской Церкви на ее многотрудном пути твердой опорой и безошибочным духовным ориентиром в решении крайне сложных проблем, которые в изобилии ставила перед нею жизнь.

II. Русская Православная Церковь в годы гражданской войны 1918–1922

Революционные преобразования в России затронули все стороны национальной жизни; они повлекли за собой коренной переворот в отношениях между государством и Церковью. Уже Временное правительство отменило обязательное преподавание Закона Божия и передало церковноприходские школы в ведение Министерства народного просвещения, сделав тем самым первый шаг к вневероисповедному государству. Возражения со стороны Поместного Собора и иерархии против этих мер не были приняты правительством. Делегация Собора во главе с архиепископом Кириллом безуспешно пыталась убедить премьер–министра Временного правительства А. Ф. Керенского отменить принятые законы. Глава правительства заявил, что Временное правительство исполнено решимости уничтожить те нити, которые мешают новому строю стать внеконфессиональным. Давая отчет Собору о поездке в Петроград, Н. Д. Кузнецов сказал, что беседа оставила у него тяжелое впечатление: "Нить, связующая государство с Церковью в их заботах о христианском просвещении народа, теперь уже порвалась".

После Октябрьского переворота сразу же началась подготовка законодательства об отделении Церкви от государства. Решительная ломка векового тесного союза Православной Церкви и государства страшила духовенство. Тревога усиливалась еще и оттого, что революционный процесс сопровождался эксцессами, жертвами которых становились православные храмы, монастыри, духовные лица. В Петербурге закрываются дворцовые церкви и конфискуется синодальная типография.

Тревожная атмосфера вокруг готовящегося декрета об отделении Церкви от государства нагнетается лекциями, которые в январе 1918 года читал И. А. Шпицберг, привлекавшийся обер–прокурором В. Н. Львовым для работы в синодальной комиссии по пересмотру законов о разводе. В своих выступлениях Шпицберг утверждал, что причащение будет запрещено как "колдовской акт", священные сосуды изъяты из храмов, а все духовенство объявлено контрреволюционным: "Попы — это вши на народном теле, это пособники мародеров и помещиков". Самым ударным местом в речах лектора был подстрекательский намек: "Патриарх еще жив".

10 января митрополит Петроградский священномученик Вениамин, обеспокоенный развитием событий и волнением своей

паствы, обратился с письмом в Совнарком: "Я… уверен, что всякая власть в России печется только о благе русского народа и не желает ничего делать такого, что бы вело к горю и бедам громадную часть его. Считаю своим нравственным долгом сказать людям, стоящим в настоящее время у власти, предупредить их, чтобы они не приводили в исполнение предполагаемого проекта об отобрании церковного достояния".

Святой Патриарх Тихон в первом обращении к всероссийской пастве характеризовал переживаемую страной эпоху как "годину гнева Божия": "В дни многоскорбныя и многотрудныя вступили мы на древлее место Патриаршее. Испытания изнурительной войны и гибельная смута терзают Родину нашу, скорби и от нашествия иноплеменных, и междоусобные брани. Но всего губительнее снедающая сердца смута духовная. Затмились в совести народной христианские начала строительства государственного и общественного; ослабла и сама вера, неистовствует безбожный дух мира сего".

Еще более резок обличительный тон послания Патриарха от 19 января (1 февраля) 1918 года: "Тяжкое время переживает наша святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонения воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины.. Святые храмы подвергаются или разрушению… или ограблению и кощунственному оскорблению…, чтимые верующим народом обители святые захватываются безбожными властелинами тьмы века сего… Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить это наступление на нее врагов неистовых? Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне святой матери нашей… противостаньте им силою вашей, вашего властного всенародного вопля… А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою".

Несмотря на резкие выражения, к которым прибегал Патриарх, в послании нет суждений политического характера, нет оценок нового государственного строя с точки зрения его политической целесообразности; в нем выражены лишь архипастырская озабоченность положением Церкви и осуждение кровавых беспорядков. Патриарх предает анафеме не советский строй, как поняли этот документ многие современники, а также церковные и нецерковные историки, а участников расправ над невинными людьми, никак не определяя при этом их политическую принадлежность. "Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это — поистине дело сатанинское, за

которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной. Властию, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной".

Издание этого документа в известной мере было обусловлено ошибочным убеждением Патриарха, которое разделяла с ним тогда большая часть духовенства, о непрочности нового государственного строя, несбывшейся надеждой на его скорое падение.

Декрет "Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви", опубликованный 23 января (5 февраля) 1918 года вышел тогда, когда напряженность в отношениях между Советским правительством и Православной иерархией достигли предельной остроты.

В Декрете последовательно проводится принцип секуляризации государства. Православная Церковь теряла свой прежний привилегированный статус. "В пределах республики, — говорилось в Декрете, — запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан. Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой… Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей… Школа отделяется от Церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом. Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах…"

В основном эти нормы соответствовали конституционным основам светских государств нового времени.

Принципиальная новизна заключалась, только, в последних параграфах Декрета: "Никакие церкви и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Все имущества существующих в России церквей и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной властью в бесплатное пользование соответственных

религиозных обществ".

Эти параграфы и вызвали обеспокоенность в церковных кругах. Возникли опасения, что осуществление Декрета сделает невозможной нормальную жизнь приходов, монастырей и духовных школ. По городам и селам России прокатилась волна крестных ходов, на которых возносились молитвы о спасении Церкви. Не везде крестные ходы проходили мирно. В Нижнем Новгороде, Харькове, Саратове, Владимире, Воронеже, Туле, Вятке крестные ходы, устроенные без разрешения местных властей, вызвали столкновения, приведшие к гибели людей.

* * *

В стране началась междоусобная борьба, в это же время фронте возобновилось немецкое наступление.

2 (15) марта 1918 года Патриарх Тихон обращается к пастве с посланием, в котором призывает русских людей дать отпор кайзеровской Германии, захватившей западные земли России: "К ужасам жизни, полной бедствий, когда голод, холод и страх за свою жизнь сковали помыслы всех одной заботой о нуждах земных, когда в междоусобной кровавой борьбе земля наша по слову Псалмопевца, "упоена кровми неповинными сынов и дщерей наших" (Пс. 105, 37), прибавилось ныне еще новое, тягчайшее для любящего Родину сердца русское горе: тот сильнейший враг, с которым уже более трех лет вел русский народ кровавую брань, в борьбе с которым погибли целые миллионы лучших сынов Русской земли, ныне устремляется с новой силой в глубину нашей Родины…, с неслыханной дерзостью шлет нам свои требования и предписывает принять самые позорные условия мира". На следующий день, 16 марта, в Брест–Литовске был подписан мирный договор, который глава Советского правительства метко назвал "похабным".

По этому договору от России отторгались Польша, Финляндия, Прибалтика, Украина, часть Белоруссии, Крым, Закавказье. Советское правительство, перед фактом развала армии и превосходящей силы врага, вынуждено было подписать этот договор, хотя он и вызвал разногласия и резкие споры в руководстве страны.

5 (18) марта Святитель Тихон обратился к пастве с посланием, в котором осудил подписание Брест–Литовского договора: "Благословен мир между народами, ибо все братия, всех призывает Господь мирно трудиться на земле, для всех уготовал Он Свои неисчислимые блага… И несчастный русский народ,

вовлеченный в братоубийственную кровавую войну, нестерпимо жаждет мира, но тот ли это мир, о котором молится Церковь, которого жаждет народ?.. Мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и славный город Киев, мать городов, колыбель нашего Крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской… Святая Православная Церковь, искони помогавшая русскому народу собирать и возвеличивать государство Русское, не может оставаться равнодушной при виде его гибели и разложения… Этот мир, подписанный от имени русского народа, не приведет к братскому сожительству народов… В нем зародыши новых войн и зол для всего человечества".

Гражданская война осложнилась вмешательством иностранных государств; Антанта поддерживала белые армии, которые изъявляли готовность в случае свержения Советской власти продолжать вести войну против Германии и ее союзников. Некоторые из белых генералов в борьбе с Советской властью сделали ставку на немецкие оккупационные войска. Русскую землю разделили на севере и юге, западе и востоке линии фронтов. По всей стране вспыхивали восстания и мятежи, помимо основных противостоящих друг другу сил: Красной и Белой армий, возникли национальные сепаратистские движения, всюду во множестве появлялись анархические бандитские формирования; русские города и села по несколько раз переходили из одних рук в другие.

Православные люди жили на территориях, контролируемых и красными, и белыми, и зелеными. К Православной Церкви принадлежали и воины, сражавшиеся друг против друга в братоубийственной войне. Патриарх Тихон, верховный пастырь Русской Церкви, считаясь с этим обстоятельством, старался избегать всякой политической вовлеченности в происходящие события. Весной 1918 года перед отъездом на юг к Деникину Патриарха посетил известный церковный деятель князь Г. И. Трубецкой. Впоследствии он вспоминал: "Я не просил разрешения Патриарха передать его благословение войскам Добровольческой Армии, и Святейшему Тихону не пришлось мне в этом отказывать, но я просил разрешения Его Святейшества передать от его имени благословение лично одному из видных участников белого движения, при условии соблюдения полной тайны. Патриарх, однако, не счел и это для себя возможным".

В огне гражданской войны погибали не только военные люди, но и мирные жители. Жертвами междоусобицы стали и многие священнослужители, часто подвергавшиеся репрессиям по обвинению в контрреволюционной агитации или в поддержке

белого движения.

31 марта (13 апреля) Патриарх Тихон в храме Московской духовной семинарии молился об упокоении рабов Божиих, за веру и Церковь Православную убиенных. Он помянул имена митрополита Киевского Владимира, протоиереев Иоанна Кочурова, Петра Скипетрова, Иосифа Смирнова, Павла Дернова, игумена Гервасия, иеромонаха Герасима, священников Михаила Чафранова, Павла Кушникова, Петра Покрывало, диакона Иоанна Касторского и других служителей алтаря Господня.

В 1918 — 1919 годах погибли архиепископ Пермский Андроник, Воронежский Тихон, Тобольский Ермоген, Черниговский Василий (Богоявленский), Астраханский Митрофан, Вяземский Макарий (Гиевушев), Енотаевский Леонтий (Вимпфен), Ревельский Платон (Кульбуш). Епископ Амвросий (Гудко) был убит в августе 1918 года по особому указанию Троцкого, нагрянувшего в Свияжск со своим штабом. В канун своей кончины на собрании братства православных приходов епископ Амвросий говорил: "Мы должны радоваться, что Господь привел нас жить в такое время, когда можем за Него пострадать. Каждый из нас грешит всю жизнь, а краткие страдания и венец мученичества искупают грехи всякие". В эти годы погибли также настоятель Казанского собора протоиерей Философ Орнатский, знаменитый на всю Россию московский протоиерей Иоанн Восторгов, осужденный за "антисемитскую пропаганду", протоиерей Николай Конюхов и священник Петр Дьяков из Пермской епархии, иеромонах Нектарий из Воронежа.

Петроградский протоиерей Алексий Ставровский после убийства Председателя Петроградского ЧК Урицкого был арестован как один из заложников и вывезен в Кронштадт. Заложников выстроили на плацу и объявили: "Каждый десятый будет расстрелян в возмездие за Моисея Соломоновича Урицкого, а остальных отпустят". Рядом с протоиереем Алексием Ставровским стоял совсем молодой священник, на которого выпал жребий, и отец Алексий предложил ему: "Я уже стар, мне недолго осталось жить…, иди себе с Богом, а я стану на твое место". После расстрела тело мученика было брошено в воды Финского залива.

Многие священнослужители, монахи и монахини были зверски замучены бандитами: их распинали на Царских вратах, варили в котлах с кипящей смолой, скальпировали, душили епитрахилями, "причащали" расплавленным свинцом, топили в прорубях.

13 (26) октября 1918 года Патриарх Тихон обратился с посланием к Совету Народных Комиссаров, в котором он выразил

свою скорбь о бедствиях, переживаемых русским народом от братоубийственной смуты, страданиях, выпавших на долю мучеников и исповедников. Послание заканчивается призывом: "Отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами поливаемая (Лк. 11, 51) и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. 26, 52)". Предостережение Патриарха оказалось пророческим.

* * *

Гражданская война, разделившая страну на противостоящие друг другу лагеря, затрудняла связь между Патриархией и епархиальными архиереями, находившимися в городах, занятых белыми армиями. Епархии Сибири и Юга России переходят на самоуправление, организуя местные временные высшие церковные управления.

В ноябре 1918 года в Томске состоялось Сибирское церковное совещание. В нем участвовали 13 архиереев, возглавлявших епархии Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также 26 членов Всероссийского Собора из духовенства и мирян, оказавшихся на территории, занятой колчаковскими войсками. Почетным председателем совещания был избран митрополит Казанский Иаков, а председателем — архиепископ Симбирский Вениамин (Муратовский). На совещании образовано было Высшее Временное Церковное Управление во главе с Омским архиепископом Сильвестром (Ольшанским). В Высшее Временное Церковное Управление вошли архиепископ Симбирский Вениамин (Муратовский), Уфимский Андрей (Ухтомский), священник Я. Галахов и Владимир Садовский, профессора П. Прокошев и А. Писарев.

Совещание постановило, что после прекращения своей деятельности Высшее Временное Церковное Управление обязано во всем дать отчет Святейшему Патриарху.

После разгрома войск Колчака одни священнослужители эмигрировали, другие, и среди них архиепископ Симбирский Вениамин, епископы Уфимский Андрей, Златоустовский Николай и Тобольский Иринарх, остались на Родине.

В мае 1919 года в Ставрополе состоялся Юго–Восточный русский церковный Собор. В Соборе участвовали епархиальные и

викарные епископы, клирики и миряне по выборам от Ставропольской, Донской, Кубанской, Владикавказской и Сухумско–Черноморской епархий, а также члены всероссийского Поместного Собора, оказавшиеся на юге страны, занятом войсками генерала А. И. Деникина. Своим Председателем Собор избрал архиепископа Донского Митрофана (Симашкевича). На Соборе было образовано Высшее Временное Церковное Управление. Его Председателем стал архиепископ Митрофан, членами — архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе), епископ Таганрогский Арсений (Смоленец), протопресвитер Г. И. Шавельский, профессор протоиерей А. П. Рождественский, граф В. Мусин–Пушкин и профессор П. Верховский. Впоследствии почетным Председателем Юго–Восточного Высшего Временного Церковного Управления был избран митрополит Киевский Антоний (Храповицкий).

После поражения Деникина Россию покинули митрополит Антоний, архиепископы Волынский Евлогий, Кишиневский Анастасий, Минский Георгий, Курский Феофан, епископ Лубенский Серафим (Соболев) и другие архиереи, застигнутые гражданской войной на юге страны. Архиепископ Таврический Димитрий, архиепископ Полтавский Феофан, епископ Севастопольский Вениамин (Федченков) находились тогда в Крыму на последнем клочке земли, оставшемся в 1920 году у белых. Председатель Высшего Временного Церковного Управления митрополит Новочеркасский и Донской Митрофан не покинул родной земли, затворившись в монастыре в Старочеркасске. На родине остались также престарелый Ставропольский архиепископ Агафодор, епископ Арсений (Смоленец) и еще несколько архиереев. После поражения Врангеля архиепископ Таврический Димитрий остался в России, а архиепископ Феофан и епископ Вениамин (Федченков), возглавлявший войсковое духовенство, эмигрировали.

Главнокомандующие белых армий в своих приказах провозглашали, что их войска сражаются за поруганную веру и оскорбление церковных святынь. Но вера христианская поругалась и белыми офицерами. Среди них были, конечно, благочестивые люди, но большинство было равнодушно к Церкви. По воспоминаниям современников, после одного из сражений летом 1920 года протоиерей Андроник Федоров отпевал убитых, тела которых лежали перед ним на голой земле. А в это время, заглушая панихиду, из вагона казачьего генерала Бабичева неслись пьяные голоса бражников, ревущих похабные частушки, разудалые звуки оркестра и топот пляски.

Другой белый генерал Ф. Ф. Абрамов в разговоре с одним

гражданским чиновником глумливо отозвался о том же священнике протоиерее Андронике Федорове: "Помилуйте, отец Андроник хочет всех нас уверить в непорочном зачатии Иисуса Христа… Ну можно ли говорить такие вещи в штабной церкви, где присутствует столько образованных людей. Я наблюдал за офицерами, и они почти все улыбались во время разглагольствования батюшки на эту пикантную тему".

* * *

Крайне сложно складывались церковные дела в национальных окраинах страны. Еще в марте 1917 года без благословения экзарха Грузии Платона (Рождественского) в Мцхете состоялся Собор местных епископов, клириков и мирян, который провозгласил восстановление автокефалии Грузинской Церкви. Временное Правительство признало грузинскую автокефалию. 8 сентября 1917 года Католикосом–Патриархом избран был епископ Кирион (Садзаглишвили).

29 декабря 1917 года Патриарх Тихон обратился к грузинским архиереям — Кириону, Леониду, Георгию и Пирру с отеческим увещанием, в котором, не отвергая принципиальную возможность провозглашения автокефалии, указывал, однако, на канонический путь решения этой проблемы: "Предлагаем вам… подчиниться требованиям Церкви Православной, и, следуя каноническому порядку, явиться на Всероссийский Священный Собор, и, познав свои заблуждения, предать свои вожделения об автокефальном устроении Грузинской Церкви на суд сего Всероссийского Собора… Только Собор Церкви может даровать независимость той или иной Поместной Церкви. Станем на путь мира и взаимной любви и совместно обсудим создавшееся положение".

Но призывы Патриарха Тихона в ту пору остались неуслышанными. Лишь в 1943 году при Католикосе–Патриархе Каллистрате было восстановлено каноническое общение между Русской и Грузинской Церквами.

* * *

Чрезвычайно запутанной в первые послереволюционные годы была картина церковных настроений на Украине. Уже летом 1917 года обосновавшаяся в Киеве Центральная Рада стала поощрять церковный сепаратизм. Министром исповеданий Рада назначила

Миколу Безносова, бывшего епископа Никона, который сразу после Февральской революции сложил с себя сан и обвенчался со своей наложницей. На просьбу архиепископа Волынского Евлогия пожалеть Церковь и сместить министра–ренегата глава Рады Голубович ответил отказом, сославшись на хорошую осведомленность Безносова в церковных делах. Под покровительством Центральной Рады сепаратистами сколачивается самочинная Украинская Церковная Рада, куда кроме пресвитеров и мирян вошел и находившийся на покое в Киеве епископ Алексий (Дородницын).

Встревоженный опасным развитием событий, Патриарх Тихон благословил митрополита Киевского Владимира на поездку в Киев для усмирения церковной смуты в его епархии. Отчуждение от святителя части украинских клириков и даже Лаврских монахов, одиночество, в котором он оказался в Киеве, создало обстановку, в которой стало возможным его убийство от рук бандитов–анархистов. Митрополит, соименный Крестителю Руси равноапостольному князю Владимиру, первым из архиереев принял мученическую смерть в городе, который явился колыбелью Православия на Руси.

Всю осень 1917 года в Киеве проходили многолюдные приходские собрания; большинство приходов отвергло происки учинителей раскола. Шла подготовка к Всеукраинскому Церковному Собору, на который испрошено было благословение Патриарха Тихона. Официальным представителем Патриарха на Собор командируется митрополит Платон; вместе с ним в Киев прибыли митрополит Харьковский Антоний и архиепископ Волынский Евлогий.

Собор открылся 7 (20) января 1918 года. Он заседал под председательством епископа Пимена (Пегова) - сторонника компромиссной линии — с перерывами, вызванными драматическими событиями гражданской войны, — переходом Киева из рук в руки.

18 января перед временным роспуском Собора по предложению священника Марычева проведено было голосование об автокефалии Украинской Церкви. 150 голосами против 60 домогательства раскольников были отвергнуты.

Заседания Собора возобновились в июле. 9 (22) июля 1918 года Киевский Собор большинством голосов принял "Положение о временном Высшем Церковном Управлении Православной Церкви на Украине", утвержденное затем Всероссийским Собором. По этому "Положению" украинские епархии составили автономную церковную: область во главе с Киевским митрополитом.

После захвата Киева петлюровцами в декабре 1918 года

арестованы были митрополит Киевский Антоний, преемник священномученика Владимира и Волынский архиепископ Евлогий. Петлюровцы передали узников в руки польских оккупантов. И только при посредничестве стран Антанты эти архиереи были освобождены и переправлены на юг России, занятый белой армией.

Петлюровская Директория объявила об отмене постановления Всероссийского Церковного Собора об автономии Украинской Церкви и о провозглашении Украинской Церкви автокефальной. Из числа сепаратистов был составлен самочинный Священный Синод во главе с архиепископом Екатеринославским Агапитом. Синод запретил поминовение за богослужением Патриарха Тихона и митрополита Антония. После прихода в Киев Красной армии Украинский Синод распался; архиепископ Агапит, оказавшийся вскоре на территории, занятой Добровольческой армией, и лишенный там сана за учинение раскола, принес покаяние; таким образом автокефалисты на Украине остались без архиерея.

Но воспользовавшись новой оккупацией Киева польской армией в апреле 1920 года, клирики и миряне нескольких приходов объявили о создании новой Всеукраинской Церковной Рады, которая, открыто попирая святые каноны, отвергла всех епископов как ставленников Москвы и вновь провозгласила автокефалию.

Чтобы пресечь печальное развитие церковных событий на Украине, Патриарх Тихон в 1921 году упразднил автономию Украинской Церкви и установил для нее статус Экзархата, назначив Экзархом архиепископа Гродненского Михаила (Ермакова), впоследствии митрополита Киевского.

Автокефалисты, однако, не прекратили своих раскольнических деяний. В октябре 1921 года Церковная Рада по инициативе бывшего петлюровского министра В. Чеховского, без согласия Священноначалия, созвала самочинный "Всеукраинский Собор", в деяниях которого не участвовал ни один епископ. Собор провозгласил автокефалию.

10 (23) октября в Софийском соборе взбунтовавшиеся пресвитеры совершили лжехиротонию запрещенного женатого протоиерея Василия Липковского в сан митрополита. На другой день самочинный "митрополит" хиротонисал во епископа своего сотоварища Нестора Шараповского. Вдвоем они "рукоположили" Теодоровича, Ярещенко, Орлика; и так в течение недели народилась лжеиерархия, которая в народе получила название "липковщины" и "самосвятства". "Самосвяты" увлекли за собой часть украинской паствы, захватив до полутора тысяч приходов.

* * *

В годы гражданской войны брожение захватывает и епархии Центральной России. В среде духовенства произошло расслоение — появились модернистские группировки, подхватившие идейное наследие "группы 32 священников", призывавшие к революции в Церкви, к всестороннему обновлению.

Еще при Временном правительстве 7 марта 1917 года в Петербурге был образован "Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян", который возглавили священники А. П. Введенский, А. И. Боярский, И. Егоров. "Союз", пользовавшийся покровительством обер–прокурора Синода В. И. Львова, издавал на синодальные средства газету "Голос Христа" и журнал "Соборный разум". В своих публикациях обновленцы ополчались на традиционные формы обрядового благочестия, на канонический строй церковного управления. Главным очагом обновленческой пропаганды стала церковь святые Захария и Елизаветы, где настоятелем служил священник А. Введенский. Патриарх Алексий впоследствии назвал демагогические заявления обновленцев, объединившихся вокруг А. Введенского, "керенщиной в церковной ограде". Свои филиалы "Союз" открыл в Москве, Киеве, Одессе, Новгороде, Харькове и других городах.

Позиции "Союза" особенно укрепились после того, как редактором "Церковно–общественного вестника" стал профессор Петр. Духовной академии Б. В. Титлинов, превративший этот журнал в рупор модернистских идей. На Соборе 1917–18 годов Титлинов и его единомышленники выступили против восстановления Патриаршества. 1 января 1918 года в газете "Знамя Христа" священник А. Введенский писал, что после избрания Патриарха в Церкви можно оставаться лишь для того, чтобы уничтожить Патриаршество изнутри.

После прекращения деятельности "Союза демократического духовенства и мирян" в 1919 г. священник Иоанн Егоров создает в Петербурге новую модернистскую группировку под названием "Религия в сочетании с жизнью". В своей приходской церкви он затевает самочинные нововведения: выносит Святой Престол из алтаря на середину храма; принимается за исправление богослужебных последований, пытается перевести богослужение на современный русский язык, учит о рукоположении собственным вдохновением. Священник А. Боярский в Колпине под Петербургом организует еще одну обновленческую группировка "Друзей церковной реформации". В 1921 году священник Александр Введенский сколотил "Петербургскую

группу прогрессивного духовенства".

В среде епископата обновленцы нашли себе опору в лице заштатного епископа Антонина (Грановского), который совершал богослужения в московских храмах с соблазнительными новшествами, произвольно изменял чинопоследования, переделывал тексты молитв. В Пензе низложенный за распутство бывший епископ Владимир Путята объединил вокруг себя откровенно раскольническое сборище под названием "Народная церковь".

Давая отпор антиканоническим модернистским посягательствам, Патриарх Тихон 4 ноября 1921 года обратился к пастве с особым посланием, в котором подчеркивал недопустимость богослужебных нововведений: "Божественная красота нашего истинно назидательного в своем содержании и благодатно действенного церковного богослужения, как оно создано веками апостольской верности, молитвенного горения, подвижнического труда и святоотеческой мудрости и запечатлено Церковью в чинопоследованиях, правилах и уставе, должна сохраниться в Святой Православной Русской Церкви неприкосновенно как величайшее и священнейшее ее достояние…"

Крайним выражением болезненных процессов, происходивших в среде духовенства, явились случаи открытого ренегатства. Так, в журнале "Революция и Церковь" напечатано было заявление бывшего диакона: "Я снимаю с себя дарованный Николаем Романовым сан диакона и желаю быть честным гражданином РСФСР. Церковные законы и молитвы составлены под диктовку царей и капитала. Долой милитаризм, царей, капитал и попов! Да здравствует диктатура пролетариата!" Правда, надо отметить, что подобные декларации были явлением исключительно редким.

* * *

Серьезным потрясением церковной жизни явилось повсеместное вскрытие мощей святых угодников Божиих. 1 (14) февраля 1919 года Наркомат юстиции издал постановление об организованном вскрытии мощей. Вскрытие проводили специальные комиссии в присутствии священнослужителей, составлялись протоколы. Если в результате вскрытия обнаруживалось, что мощи сохранились не в целости, то это обстоятельство в целях атеистической пропаганды выдавалось за сознательный обман и подделку. И некоторые из православных

людей, превратно представляющие церковное учение о святых мощах, верили этому.

4 (17) февраля Патриарх Тихон разослал епархиальных архиереям указ об устранении поводов к соблазну верующих: "Благочестивое усердие верующих, — говорилось в указе, — окружая их останки благоговейным усердием, соорудило и для таковых честных мощей (речь идет о мощах, сохранившихся лишь частично в нетленном виде. — В. Ц.) драгоценные раки и оправы, иногда по подобию человеческого тела, располагая в них, в подобающих облачениях, кости праведников и другие частицы святых их мощей… Считая необходимым по обстоятельствам времени устранить всякий повод к глумлению и соблазну (в том, что доселе не вызывало соблазна и было лишь благочестивым народным обычаем), поручено Вашему Высокопреосвященству… с архипастырской заботливостью и рассуждением устранить всякие поводы к соблазну в отношении святых мощей во всех случаях, когда и где это признано будет вами необходимым и возможным".

Но исполнение этого указа для многих архиереев оказалось затруднительным и даже рискованным делом. Попытка освидетельствовать мощи перед их публичным вскрытием подчас служила основанием для судебного разбирательства.

1 ноября 1920 года в Новгороде перед ревтрибуналом предстал епископ Хутынский Алексий (Симанский) вместе с архимандритами Никодимом и Анастасием, игуменами Гавриилом и Митрофаном, протоиереем Стояновым, иеродиаконом Иоанникием. Подсудимые обвинялись в тайном освидетельствовании мощей, почивавших в Софийском соборе, перед их официальным вскрытием. Епископ Алексий виновным себя не признал, заявив: "Освидетельствование мощей считаю делом исключительно церковным и отчет в этом могу дать только своим собратьям–епископам". Трибунал приговорил его к 5 годам заключения, других обвиняемых — к 2 и 3 годам, но ввиду близкой победы в гражданской войне все осужденные были амнистированы.

В том же 1920 году Московский трибунал судил видных пастырей и церковно–общественных деятелей: игумена Иону (Сторожева), протоиерея Николая Цветкова, Председателя Совета объединенных приходов А. Д. Самарина, бывшего обер–прокурора Синода, членов совета: Рачинского, Н. Д. Кузнецова. Они обвинялись в распространении клеветнических слухов об оскорбительном для верующих поведении участников вскрытия мощей преподобного Саввы Сторожевского, в частности в том, что Н. Д. Кузнецов подал в Совнарком жалобу: "Грубость и издевательство членов комиссии по вскрытию мощей дошли до

того, что один из членов комиссии несколько раз плюнул на череп Саввы, останки коего составляют святыню русского народа". А. Д. Самарин и Н. Д. Кузнецов были приговорены к расстрелу, но, как сказано в приговоре, "ввиду победоносного завершения борьбы с интервентами" суд "заменил смертную казнь заключением в концентрационный лагерь впредь до победы мирового пролетариата над мировым империализмом". Другие обвиняемые получили разные сроки тюремного заключения.

В 1919 — 1920 годах вскрыты были мощи святого Митрофана Воронежского, преподобного Макария Калязинскою, преподобного Евфимия Суздальского, святителя Питирима Тамбовского, преподобного Нила Столобенского, святого Иоасафа Белгородского. Всего до осени 1920 года было учинено 63 публичных вскрытия.

Мощи преподобного Сергия Радонежского были вскрыты 11 апреля 1919 года. В канун вскрытия, совершенного в ночное время, перед воротами Лавры собралась толпа богомольцев, молебны преподобному пелись всю ночь. Наутро народ впустили в Лавру. Перед ракой с мощами святого сияло пламя свечей. В течение трех дней тысячи богомольцев подходили вереницей к раке и прикладывались к обнаженным мощам преподобного.

4 (17) декабря 1920 года состоялось вскрытие мощей преподобного Серафима Саровского. До недавних пор мощи преподобного находились в безвестности, в 1991 году они были обретены.

* * *

На исходе гражданской войны в крайне затруднительном положении оказались священнослужители, находившиеся на территориях, занятых белыми армиями, и после поражения белых не сумевшие или не пожелавшие эмигрировать. Многие из них были осуждены за совершение молебных пений о победе белого оружия. В 1920 году в заключении скончался Омский архиепископ Сильвестр (Ольшанский), возглавлявший при Колчаке Сибирское временное высшее церковное управление.

Сознавая всю тяжесть ситуации, стремясь уберечь пастырей Русской Церкви от печальных последствий их вовлеченности в политическую борьбу, Святейший Патриарх еще в 1919 году, в день памяти преподобного Сергия Радонежского 25 сентября (8 октября) обратился к архипастырям Русской Православной Церкви с посланием, в ко тором призывал их отказаться от всяких политических выступлений:

"Доныне… брань не прекращается, и кровь обильным потоком льется по всему обширному пространству Русской земли, взаимная вражда между борющимися сторонами все чаще и чаще проявляется в жестоких кровавых расправах не только над теми, кто принимал непосредственное и деятельное участие в этой борьбе, но и над теми, кто только подозревается в таковом участии, иногда и без достаточных к тому оснований… Не минуют эти ужасы и нас, служителей Церкви Христовой, и много уже и архипастырей, и пастырей, и просто клириков сделались жертвами кровавой политической борьбы. И все это за весьма, быть может, немногими исключениями, только потому, что мы, служители и глашатаи Христовой Истины, подпали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы к ниспровержению Советского строя. Но мы с решительностью заявляем, что такие подозрения несправедливы; установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение… Указывают на то, что при перемене власти служители Церкви иногда приветствуют эту смену колокольным звоном, устроением торжественных богослужений и разных церковных праздников. Но если это и бывает где-либо, то совершается или по требованию самой новой власти или по желанию народных масс, а вовсе не по почину служителей Церкви, которые по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов, должны памятовать канонические правила Святой Церкви, коими она возбраняет своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать каким-либо партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций. Памятуйте, отцы и братия, и канонические правила, и завет святого Апостола: "Блюдите себя от творящих распри и раздоры, уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, повинуйтесь "всякому человеческому начальству" в делах мирских" (1 Пет. 2, 13).

За годы гражданской войны в рядах российского епископата произошла серьезная убыль: одни архиереи умерли естественной смертью, другие погибли, третьи оказались за пределами России. А между тем Поместный Собор постановил значительно увеличить число архиерейских кафедр, в каждой епархии открыть по несколько викариатств. И постановление это было исполнено, несмотря на, казалось бы, неодолимые препятствия. В 1918 году совершено было 4 архиерейские хиротонии — примерно столько, сколько совершалось их в дореволюционные годы, а вот в 1919

году — во епископы хиротонисал 14 ставленников, в 1920 — 30 кандидатов, в 1921 году состоялось 39 архиерейских хиротоний. Среди преемников апостолов, получивших благодать святительства в безмерно трудные годы гражданской войны, были выдающиеся деятели нашей церковной истории, бесстрашные и мудрые архипастыри, столпы Церкви: митрополиты Петр (Полянский), Вениамин (Федченков), архиепископы Иларион (Троицкий), Петр (Зверев), епископы Серафим (Звездинский), Афанасий (Сахаров), Павлин (Крошечкин).

На Поместном Соборе в 1918 году вынесено было постановление о созыве очередного Собора в 1921 году. Но обстоятельства не позволили выполнить это постановление.

Затруднены в своей деятельности были тогда и постоянные органы Высшего Церковного управления. Большая часть членов Синода оказалась в эмиграции. В начале 1921 года в заседаниях Священного Синода могли участвовать, помимо Святейшего Патриарха Тихона, только митрополит Владимирский Сергий (Страгородский), митрополит Крутицкий Евсевий (Никольский) и архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков), назначенный Экзархом Украины. Распался за убылью своих членов и прекратил деятельность и Высший Церковный Совет. В сущности, в 1921 году высшая церковная власть осуществлялась единолично Патриархом, опиравшимся на своих немногочисленных помощников и ближайших советников. Затруднена была и связь между церковным центром и епархиальными кафедрами.

Потому еще в ноябре 1920 года Святейший Патриарх, Святейший; Синод и Высший Церковный Совет, состоявший тогда из Председателя и трех членов: протопресвитера Н. Любимова, протоиерея А. Станиславского и Александра Куляшова, принимают постановление о самоуправлении епархией при невозможности для последней поддерживать связь с каноническим центром, а также и в случае прекращения деятельности Высшего Церковного управления.

III. Русская Православная Церковь 1922–1925

Летом 1921 года, после ужасов гражданской войны, русский народ постигло еще одно бедствие: голод. Жестокая засуха дотла выжгла посевы в Поволжье и Предуралье, на юге Украины и на Кавказе. В конце года голодало 20 миллионов человек. Жители голодающих, вымирающих деревень, обезумев от страданий и отчаяния, разбредались куда глаза глядят, пытаясь выбраться из голодного края, и устилали дороги непогребенными человеческими и конскими трупами. В судах голодающих губерний разбирались дела о трупоедстве и людоедстве.

Сострадая великому народному горю, Святитель Тихон обратился к российской пастве, к Восточным Патриархам, к папе и архиепископу Кентерберийскому с посланиями, в которых, во имя христианской любви, призывал провести сборы продовольствия и денег для вымирающего Поволжья. Под председательством Патриарха Тихона был образован "Всероссийский общественный комитет помощи голодающим" (Помгол), в который вошли известные общественные деятели, большей частью бывшие кадеты — Прокопович, Кишкин, Кускова. В храмах собирались средства для голодающих. Помгол распределял и помощь, поступавшую из-за рубежа.

27 августа 1921 года ВЦИК распустил Помгол. Вместо него был образована "Центральная комиссия помощи голодающим" при ВЦИКе. В декабре 1921 года эта Комиссия обратилась к Патриарху с настоятельным призывом к пожертвованию. 19 февраля 19.22 года Патриарх Тихон издал воззвание, в котором призвал церковноприходские советы жертвовать драгоценные церковные украшения, если только они не имеют богослужебного употребления. В печати, однако, начали появляться статьи с обвинением церковной власти в глухоте к народному бедствию, а 23 февраля ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих.

Патриарх отреагировал на декрет новым посланием к пастве, в котором он заявил о недопустимости изъятия священных предметов "употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство — миряне отлучением от нее, священнослужители — извержением из сана" (Ап. 73, Двукр. 10). Это послание было разослано епархиальным архиереям. Приходские советы вынесли решение о недопустимости изъятия из храмов богослужебных

предметов.

Когда декрет ВЦИК стал приводиться в исполнение, вокруг храмов собирались толпы народа; произошли столкновения, пролилась человеческая кровь. В связи с этим в разных городах страны возбуждены были уголовные дела.

В Москве судили группу духовных лиц, обвиняемых в подстрекательстве к беспорядкам при изъятии церковных ценностей. В качестве свидетеля на суд вызвали святого Патриарха Тихона. После допроса Патриарха 9 мая 1922 года "Правда" писала: "В Политехнический музей на процесс "благочинных" и на допрос Патриарха набилась тьма народа. Патриарх смотрит на беспримерный вызов и на допрос свысока. Он улыбается наивной дерзости молодых людей за судейским столом. Он держится с достоинством. Но мы присоединимся к грубому святотатству московского трибунала и вдобавок к судебным вопросам бухнем еще один, еще более неделикатный вопрос: откуда такое достоинство у Патриарха Тихона?"

Суд вынес суровые приговоры: несколько обвиняемых священников — Заозерский, Добролюбов, Надеждин, Вишняков, Орлов, Фрязинов, Соколов, иеромонах Макарий (Телегин) и прихожан московских храмов (Тихомиров, Рахманов и Брусилова — племянница знаменитого полководца) были осуждены на смертную казнь, другие осуждены на разные сроки. Трибунал вынес также постановление о привлечении Патриарха Тихона и архиепископа Крутицкого Никандра (Феноменева) к суду в качестве обвиняемых. Постановления о привлечении к ответственности Патриарха выносили и провинциальные трибуналы, через которых проходили дела о беспорядках, учиненных в разных городах и селах страны в связи с проведением в жизнь декрета об изъятии церковных ценностей.

Масло в огонь подливали некоторые эмигрантские публикации. В "Русской мысли" в этой исключительно трудной для Церкви ситуации напечатаны были поистине безумные глаголы: "Недалеко то время, когда Святейший Патриарх возьмет в свои руки бразды народного правления, чтобы затем передать их в руки исторически сложившейся власти; он укажет и будущего носителя этой власти". Патриарха стали вызывать на допросы; потом он был подвергнут домашнему аресту, лишившему его возможности участвовать в общественных богослужениях.

* * *

В такой обстановке и была осуществлена обновленцами раскольническая авантюра. Никем не уполномоченная группа петроградских священников: А. Введенский, А. Боярский, Е. Белков с псаломщиком С. Стаднюком — выехала в Москву. Если верить словам А. Введенского, они стали хлопотать о помиловании осужденных трибуналом: "Мы были во всевозможных инстанциях, где можно и где, может быть, и нельзя, мы подавали всюду бумаги с просьбой простить этих осужденных. Нам заявили: да, лично вас мы… знаем, знаем также, что ваша церковная деятельность ничего общего с политикой не имеет,… но все-таки засвидетельствуйте на бумаге, что вы осуждаете всякую политику, идущую вне действительно церковных задач… Мы охотно письменно засвидетельствовали это, подали заявление… Нам представители власти сказали: "Церковь как Церковь будет существовать, Церковь как политическая организация существовать больше не будет. Если угодно, переговорите об этом с Патриархом".

12 мая петроградские священники явились в Троицкое подворье и потребовали от Святейшего оставить Патриарший Престол, лживо утверждая, что ими уже исходатайствовано разрешение на созыв Поместного Собора для устроения пришедших в расстройство церковных дел. "Я никогда не хотел быть Патриархом, — ответил Святейший, — Патриаршество меня тяготит как крест — это вы хорошо знаете. Я с радостью приму, если грядущий Собор снимет с меня вообще Патриаршество, а сейчас я передаю власть одному из старейших иерархов и отойду от управления Церковью". Во главе церковного управления Патриарх Тихон поставил митрополита Ярославского Агафангела, назначив его своим заместителем. Митрополит Агафангел, получив письмо от Патриарха, решил подчиниться его выбору, но не смог выехать в столицу.

5 (18) мая петроградские священники А. Введенский, Е. Белков и приставший к ним московский священник С. Калиновский вновь являются в Троицкое подворье. Битый час они уговаривают Святейшего, который уже понимал, с кем имеет дело, передать им Патриаршую канцелярию до прибытия в Москву митрополита Агафангела. В конце концов Патриарх уступил просителям, наложив на заготовленное ими прошение резолюцию: "Поручается наименованным ниже лицам принять и передать Высокопреосвященнейшему митрополиту Агафангелу, по приезде в Москву, синодские дела…"

Резолюцию Патриарха о передаче канцелярии церковные авантюристы объявили актом передачи им церковной власти и, сговорившись с епископом Бернским Леонидом, случайно

оказавшимся в Москве, а также с известным своими назойливыми модернистскими выходками заштатным епископом Антонином (Грановским), заявили об образовании Высшего Церковного управления.

На другой день после аудиенции в Троицком подворье 8 (19) мая Патриарх был переведен в Донской монастырь, а его покои в подворье заняло самочинное Высшее Церковное управление.

Первый председатель Высшего Церковного управления епископ Антонин (1869 — 1927) был выпускником Киевской духовной академии. Среди студентов он выделялся блестящими учебными успехами и непомерным честолюбием, которое и подтолкнуло его к принятию пострига. По воспоминаниям современников, это был человек удивительно нелюдимый, угрюмый, внутренне надломленный. Уже после пострига был случай, когда он тайком ушел из академии, швырнув в комнату через форточку рясу, клобук и четки, и пропадал целую ночь невесть где. После окончания академии в 1891 году Антонин преподавал в школах, ошеломляя учеников и коллег своими чудачествами. В Москве, например, где он служил смотрителем духовного училища, завел медведя и никогда не разлучался с ним. В Туле, где состоял инспектором семинарии, врывался ночью в спальни, делал обыски, рылся в личных вещах семинаристов

В начале века будущий расколоучитель перебрался в Петербург. Здесь служил он в цензурном комитете, написал исследования о "Книге Варуха", высоко оцененное библеистами, посещал религиозно–философские собрания, где сблизился с В. Розановым, прозвавшим его Левиафаном. Любопытную характеристику дал Антонину познакомившийся с ним на религиозно–философских собраниях сторонний наблюдатель, человек из художественной среды и по вероисповеданию католик: "На меня особенно сильное впечатление произвел архимандрит Антонин из Александро–Невской Лавры… Поражал его громадный рост, поражало прямо демоническое лицо, пронизывающие глаза и черная как смоль, не очень густая борода. Но не менее меня поразило и то, что стал изрекать этот иерей с непонятной откровенностью и прямо-таки цинизмом. Главной темой его беседы было общение полов…, и вот Антонин не только не вдался в какое-либо превозношение аскетизма, а напротив, вовсе не отрицал неизбежности такого общения и всяких форм его".

В 1903 году архимандрит Антонин был хиротонисан во епископа Нарвского. В революцию 1905 года он прекратил за богослужением возносить имя Государя, а в светском журнале

рассуждал о сочетании законодательной, исполнительной и судебной власти как о земном подобии Божественной Троицы, за что и был уволен на покой, но в 1913 году его назначили на Владикавказскую кафедру; вскоре, однако, по болезни снова уволен был на покой в Богоявленский монастырь. Во время Поместного Собора он ходил по Москве в рваном подряснике, иногда оставался на ночь на улице, спал на скамейке, жалуясь на то, что его забыли и бросили. После Собора он привлек к себе внимание в церковной среде самочинным ("богослужебным") новшеством, повлекшим за собой запрещение в священнослужении.

Из числа известных церковных деятелей к обновленцам присоединился в 1917 году профессор Петербургской духовной академии Б. Титлинов и бывший обер–прокурор Синода В. Львов.

В мае 1922 года обновленцы созвали учредительное собрание своих сторонников и провозгласили образование "Живой Церкви". На собрании живоцерковников был избран Центральный Комитет из десяти человек во главе с протоиереем В. Красницким.

В газете "Живая Церковь", которую стал издавать этот ЦК, печатались статьи против монашества. Одна из них, посвященная монастырям, называется "Гнезда бездельников". В другой статье протоиерей В. Красницкий откровенно провозгласил свою цель: "Духовенство должно быть освобождено от мертвящего гнета монашества, оно должно получить в свои руки органы церковного управления. И непременно получить доступ к епископскому сану".

Для захвата церковного управления на местах Высшее Церковное Управление направило по епархиям 56 уполномоченных, вменив им в обязанность "изгнание монахов, то есть архиереев из архиерейских домов" и захват православных храмов. Обвиняя архиереев в контрреволюционности, уполномоченные домогались их высылки из епархий. Раскольники добились устранения видных иерархов и среди них митрополитов Новгородского Арсения (Стадницкого), Казанского Кирилла (Смирнова), Ярославского Агафангела, архиепископов Крутицкого Никандра, Харьковского Нафанаила, епископов Псковского Геннадия (Туберозова), Волынского Аверкия.

Трагические события произошли в Петрограде. Вернувшись из Москвы в Петроград, А. Введенский пытался вовлечь в обновленческую авантюру приблизившего его прежде к себе митрополита Вениамина. 25 мая он предъявил митрополиту "Удостоверение" с подписью епископа Вернского Леонида в том, что, согласно резолюции Патриарха Тихона, он является членом Высшего Церковного Управления и командируется в Петроград по делам церковного управления. Митрополит обратил внимание на

отсутствие на этой бумаге подписи Патриарха и отказался признать "Удостоверение". А через день, за воскресной литургией в петроградских церквах зачитано было послание митрополита Вениамина к пастве, в котором священники Введенский и Белков, без воли своего епископа отправившиеся в Москву и принявшие там на себя высшее управление Церковью, отлучались от церковного общения впредь до принесения покаяния.

В понедельник в покои митрополита явились представители власти вместе с Введенским: один для ареста архиерея, другой — для принятия канцелярии. Введенский подошел к митрополиту под благословение, но святитель благословения не дал, сказав: "Отец Александр, мы же с вами не в Гефсиманском саду". В обязанности управляющего Петроградской епархией вступил первый викарий митрополита епископ Ямбургский Алексий (Симанский).

29 мая (10 июня) в Петрограде открылся процесс по делу о церковных ценностях. Политическая власть в городе находилась тогда в руках Зиновьева (Апфельбаума), расстрелянного в 1936 году. На скамью подсудимых посадили 86 обвиняемых и среди них митрополита Вениамина, епископа Венедикта (Плотникова), настоятеля Казанского Собора протоиерея Н. Чукова (впоследствии митрополит Григорий), настоятеля Исаакиевского собора протоиерея А. К. Богоявленского, архимандрита Сергия (Шеина), председателя правления совета петроградских приходов профессора Ю. Л. Новицкого, членов правления И. М. Ковшарова, профессора В. Бенешевича. Подсудимые обвинялись в причастности к волнениям, которые были учинены при изъятии ценностей из петроградских церквей. Главным свидетелем обвинения выступил протоиерей В. Красницкий.

Когда трибунал предоставил последнее слово обвиняемым, священномученик Вениамин сказал: "Второй раз в своей жизни мне приходится предстать перед народным судом.. В первый раз я был на суде народном 5 лет тому назад, когда в 1917 году происходили выборы митрополита Петроградского. Тогдашнее Временное правительство и высшее петроградское духовенство меня выбирать не хотели — их кандидатом был преосвященнейший Андрей Ухтомский. Но приходские собрания и рабочие на заводах называли мое имя. Я был, вопреки своему собственному желанию, избран подавляющим большинством голосов в митрополита Петроградского. Почему это произошло? Конечно, не потому, что я имел какие-либо большие достоинства…, а только потому, что меня хорошо знал простой петроградский народ, так как я в течение 23 лет перед этим учил и проповедовал в церкви на окраине Петрограда. И вот 5 лет я в

сане митрополита работал для народа и на глазах народа, и служил ему, нес в народные массы только успокоение и мир, а не ссору и вражду. Я был всегда лоялен по отношению к гражданской власти и никогда не занимался никакой политикой… Так, продолжалось дело до 28 мая, когда вдруг неожиданно я оказался в глазах власти врагом народа и опасным контрреволюционером. Я, конечно, отвергаю все предъявленные мне обвинения и еще раз торжественно заявляю (ведь, быть может, я говорю в последний раз в своей жизни), что политика мне совершенно чужда, я старался по мере сил быть только пастырем душ человеческих. И теперь, стоя перед судом, я спокойно дожидаюсь его приговора, каков бы он ни был, хорошо помня слова апостола: "Берегитесь, чтобы вам не пострадать, как злодеям, а если кто из вас пострадает, как христианин, то благодарите за это Бога" (1 Пет. 4, 15 — 16). Потом святитель заговорил об обстоятельствах дела, посвятив большую часть слова защите некоторых обвиняемых. Когда он закончил последнее слово, председатель сказал: "Вы все говорите о других, трибуналу желательно узнать, что вы скажете о самом себе?" Митрополит вновь встал. "О себе? Что же я могу вам о себе еще сказать? Разве лишь одно… Я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре — жизнь или смерть, — но, что бы вы в нем ни провозгласили, — я с одинаковым благоговением обращу свои очи горе, возложу на себя крестное знамение, — святитель широко перекрестился, — скажу: "Слава Тебе, Господи Боже, за все!"

22 июня (5 июля) был оглашен приговор трибунала: "… Виновность Казанского (Вениамина), Новицкого, Ковшарова, Богоявленского, Чукова, Елачича, Чельцова, Огнева, Шеина (архимандрита Сергия), Плотникова (епископа Венедикта), Бычкова, Петровского установлена в том, что первый, являясь представителем Православной Русской Церкви Петроградской епархии, а последние — членами правления приходов в период проведения Советской властью Декрета об изъятии церковных ценностей от 23 февраля 1922 года… вошли в соглашение с Патриархом Тихоном для проведения одинаковой линии в вопросе изъятия церковных ценностей, в духе того нелегального воззвания Патриарха Тихона, распространенного им в феврале месяце сего года, призывавшего население Республики к возмущениям, с каковой целью… придали организации характер деятельности, поставившей себе целью борьбу с Советской властью…"

Трибунал приговорил митрополита Вениамина (Казанского), епископа Венедикта (Плотникова), архимандрита Сергия (Шеина), протоиерея Н. К. Чукова, протоиерея Л. К. Новицкого, И.

М. Ковшарова, профессора Н. Ф. Огнева, И. А. Елачича к расстрелу. Других обвиняемых, среди них — Бычкова, Парийского, Петровского, Толстопятова — к разным срокам лишения свободы, 22 человека, в том числе известный канонист профессор Бенешевич, были оправданы.

Сразу после вынесения приговора петроградским трибуналом, обновленческое Высшее Церковное Управление оглашает свой "приговор" по тому же делу — документ изумительной низости и бесстыдства: "Бывшего петроградского митрополита Вениамина (Казанского), изобличенного в измене своему архипастырскому долгу…, лишить священного сана и монашества. Председателя и членов правления приходов Петроградской епархии Новицкого, Ковшарова, Елачича и Огнева… отлучить от Православной Церкви. Членов того же правления священнослужителей епископа Венедикта (Плотникова), протоиерея Богоявленского, Чукова, Чельцова, архимандрита Сергия (Шеина) уволить от должности и лишить священного сана…" Других осужденных священнослужителей Высшее Церковное Управление "запретило" в священнослужении, мирян, проходивших по делу, "отлучило" от причастия на разные сроки.

10 августа "Известия" напечатали сообщение о помиловании 6 приговоренных по этому делу к смертной казни. В ночь с 12 на 13 августа приговор трибунала о смертной казни 4 других осужденных — митрополита Вениамина, архимандрита Сергия, профессора Ю. П. Новицкого и Н. М. Ковшарова — был приведен в исполнение.

Священномученик Вениамин (в миру Василий Казанский) родился в 1872 году в Олонецкой епархии. В 1895 году студентом Петроградской духовной академии принял монашеский постриг, через год был рукоположен в иеромонаха. После академии проходил административно–педагогическое послушание. В 1905 году в сане архимандрита назначен ректором Петербургской семинарии, а 24 августа 1910 года — хиротонисан во епископа Гдовского, четвертого викария Петербургской епархии. Епископ Вениамин любил совершать богослужения в окраинных церквах столицы, где молились рабочие, бедные люди. На Рождество и Пасху он совершал богослужения на Путиловском и Обуховском заводах.

После февральской революции епископ Вениамин стал предстоятелем Петроградской Церкви. После Октябрьской революции он, вероятно, самый далекий от политики русский иерарх, менее других архиереев подозревался в контрреволюционных настроениях.

За несколько дней до расстрела митрополит Вениамин отправил письмо одному из питерских благочинных. "В детстве и отрочестве, — писал он, — я зачитывался Житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, жалел всей душой, что времена не те и не придется переживать, что они переживали. Времена переменились, открывается возможность терпеть ради Христа от своих и от чужих. Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступать этот Рубикон и всецело предаваться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжких страданий внутреннего покоя, он и других влечет на страдания, чтобы они переняли то состояние, в котором находится счастливый страдалец… Я радостен и покоен, как всегда. Христос — наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее иметь надо нам, пастырям. Забыть свои самонадеянность, ум, ученость и силы и дать место Благодати Божией… Теперь время суда. Люди и ради политических убеждений жертвуют всем…

Нам ли христианам, да еще иереям, не проявлять подобного мужества даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры во Христа, в жизнь будущего века!.."

В разгар петроградского процесса в печати появился так называемый "Меморандум трех". Маститые иерархи — митрополит Владимирский Сергий (Страгородский), архиепископы Нижегородский Евдоким (Мещерский) и Костромской Серафим (Мещеряков) - признали обновленческое Высшее Церковное Управление "единственной канонической церковной властью". Примеру видных архиереев последовала примерно половина русского епископата. Одни, будучи в состоянии растерянности, другие — подогреваемые честолюбием, третьи — надеясь ввести обновленческое движение в русло церковной законности и возглавить Высшее Церковное Управление. По словам митрополита Мануила, многие архиереи и клирики рассуждали тогда так: "Если уже мудрый Сергий признал возможным подчиниться Высшему Церковному Управлению, то ясно, что и мы должны последовать его примеру".

5 (18) июня 1922 года с посланием "К архипастырям, пастырям и всем чадам Русской Православной Церкви" обратился заместитель Патриарха митрополит Агафангел. В этом послании он объявлял Высшее Церковное Управление "незакономерным" учреждением и призвал епархиальных архиереев не подчиняться ему и временно перейти на самоуправление, все дела решать самостоятельно, "по совести и архиерейской присяге".

Половина епископов и клириков, большая часть мирян не дрогнула перед натиском церковных авантюристов. Благочестивый народ в массе своей не пошел за раскольниками. Храмы, захваченные ими, стояли пустыми, а в православных приходах, сохранивших верность Патриарху, за богослужением продолжали возносить имена изгнанных архиереев.

В обновленческих же церквах творилось беззаконие. Уже в мае епископы Антоний и Леонид рукоположили во епископа Подольского протоиерея И. И. Альбинского без принятия им монашества. А вскоре церковный народ стал свидетелем откровенного глумления раскольников над церковными канонами: во епископов стали "хиротонисать" женатых священников без разлучения с женами, рукополагать во все три священные степени второбрачных. После отказа Алексия (Симанского) от подчинения Высшему Церковному Управлению и одновременно от управления Петроградской епархией обновленцы рукоположили во епископа Петроградского женатого протоиерея Н. Соболева, о чем В. Красницкий победоносно объявил в июньском выпуске "Живой Церкви": "Революционные священники не постеснялись одни, без монаха–епископа, войти в митрополичью крестовую церковь…, а потом — сесть за стол в митрополичьей гостиной и открыть действия своего революционного епархиального управления. Мало того, среди петроградского духовенства нашелся достойный член, почтенный протоиерей, который пожертвовал собою, чтобы принять крест управления столь взволнованной и смущенной епархией… Революционная стихия победила в Петрограде и на церковном фронте".

6 июня Высшее Церковное Управление вынесло постановление, в котором просило государственную власть произвести следствие по делу о контрреволюционной деятельности в храме Христа Спасителя. Просьба была уважена, и вскоре в кафедральном храме Москвы водворились обновленцы.

6 августа живоцерковники созвали в Москве "Всероссийский съезд белого духовенства". Съезд созван был для подготовки обновленческого Собора. Постановление съезда ходатайствовать перед предстоящим Собором о введении белого епископа и о разрешении второбрачия клирикам вызвало раскол в расколе. Епископ Антонин, протестовавший против столь радикального даже по его мнению проекта, был с площадной бранью выгнан со съезда.

Порвав с В. Красницким, епископ Антонин образовал новую группировку "Церковное возрождение". К "возрожденцам" примкнули столпы петроградского обновленчества: Введенский,

Боярский, Белков. Первый редактор газеты "Живая Церковь" московский священник С. В. Калиновский объявил о выходе из Высшего Церковного Управления в связи с утратой веры в Бога, после чего стал заниматься атеистической пропагандой. В результате нового, очередного разделения из "Церковного возрождения" выделился Союз общин древлеапостольской Церкви (СОДАЦ) во главе с Введенским и Боярским. Протоиерей Белков основал "Союз религиозных трудовых коммунистов". В Саратове возникла "Пуританская партия революционного духовенства и мирян", в Пензе — "Свободная трудовая церковь".

Отношения между раскольниками носили базарный характер. 10 сентября в храме Страстного монастыря состоялось вполне театральное действо, разыгранное живоцерковниками во главе с лжепротопресвитером В. Красницким. После кощунственного рукоположения во епископа некоего Константина Антонин сказал слово, в котором клеймил живоцерковников как отступников от веры. В ответ прозвучали бранные слова епископа Николая (Федотова). Народу больше понравилась не лишенная остроумия речь Антонина в адрес живоцерковников. Раздались угрозы. Новопоставленный упал в обморок, а Федотов и Красницкий спрятались в алтаре, и не шелохнувшись просидели там до тех пор, пока народ не разошелся по домам.

За мнимо идейными разногласиями у обновленцев стоял вполне материальный интерес. О нравственной нечистоте обновленческой среды не без остроумия говорил их бывший предводитель епископ Антонин: "Ко времени Собора 1923 года не осталось ни одного пьяницы, ни одного пошляка, который не пролез бы в Церковное Управление и не покрыл бы себя титулом или митрой… Вся Сибирь покрылась сетью архиепископов, наскочивших на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков".

В свою очередь хлесткую характеристику дал Антонину находившийся в эмиграции митрополит Антоний (Храповицкий), которую перепечатала "Живая Церковь": "Я вполне допускаю вероятность того, что среди 40 тысяч русского духовенства нашлось несколько негодяев, восставших против Святейшего Патриарха, имея во главе известного всем развратника, пьяницу и нигилиста, побывавшего клиентом дома умалишенных еще 20 лет назад".

Но общая цель — борьба с православной Тихоновской Церковью — все-таки заставила обновленцев, разделившихся по сектам и охваченным взаимной грызней, искать союза. В конце 1922 года было образовано новое Высшее Церковное Управление, в которое епископ Антонин, Красницкий и Введенский вошли как главы отдельных фракций. Кроме них, членами Высшего

Церковного Управления стали "беспартийные" — архиепископ Нижегородский Евдоким и митрополит Владимирский Сергий, который реального участия в деятельности этого сборища не принимал.

Обновленческий раскол распространился и на Украину. Там обновленцы домогались автокефалии. В феврале 1923 года после удаления из Харькова Патриаршего Экзарха митрополита Михаила (Ермакова) в Киеве был созван съезд епископов, клира и мирян, который образовал Временное Всеукраинское Высшее Церковное Управление. Ключевой фигурой в этом учреждении становится протоиерей Иосиф (Кречетович). Из архиереев Временное Всеукраинское Высшее Церковное Управление поддерживали архиепископ Пимен (Пегов), епископ Лоллий.

Крайние реформаторы на Украине уже прежде отделились от Православной Церкви в самосвятский раскол, и потому обновленчество проявило большую умеренность в посягательствах на церковные законы. Обновленцы не вводили на Украине белого епископата, не допускали и второбрачия клириков. Украинские раскольники поддерживали общение с обновленческим Высшим Церковным Управлением в Москве надеясь (и не напрасно!) добиться от него автокефалии, в которой им отказывали Патриарх Тихон и законная церковная власть.

2 мая 1923 года в захваченном у Православной Церкви храме Христа Спасителя открылось обновленческое сборище, притязательно названное Поместным Собором, Деловые заседания "Собора" проходили в "III Московском доме Советов". В лжесоборе участвовало 476 делегатов, которые разбились на партии: 200 живоцерковников, 116 депутатов Союза общин древлеапостольской Церкви 10 — из "Церкви возрождения", 3 беспартийных обновленца и 66 депутатов, названных "умеренными тихоновцами", — православные по убеждениям епископы, клирики и миряне, малодушно подчинившиеся обновленческому Высшему Церковному Управлению. Почетным председателем избрали епископа Антонина, незаконно возведенного в сан митрополита, председателем — самочинного митрополита Сибирского Петра Блинова.

Лжесобор узаконил противоканонические реформы прежнего Высшего церковного управления: закрытие монастырей, белый епископат, допустимость второбрачия для духовенства. Благодаря сопротивлению "умеренных тихоновцев" были отвергнуты догматические и литургические реформы, предложенные в докладах Введенского и Красницкого. Оба предводителя обновленчества награждены были за учиненный ими раскол: Введенский титулом архиепископа Крутицкого, Красницкий

саном протопресвитера.

Важнейшей акцией разбойничьего сборища стал заочный суд над Патриархом Тихоном. Собор обновленческих епископов вынес приговор: "Патриарх Тихон перед совестью верующих подлежит самой строгой ответственности и каре — лишению сана и звания Патриарх за то, что он направил всю силу своего морального и церковного авторитета на ниспровержение существующего гражданского общественного строя нашей жизни". Под этим позорным документом стоит 54 подписи. Возглавляет список имя лжемитрополита Антонина (Грановского). Под приговором нет подписей авторов "Меморандума трех", которые не участвовали в судебном заседании. Приговор "Архиерейского Собора" был представлен полноте разбойничьего сборища. И общим составом лжесобор вынес резолюцию, в которой говорилось: "Собор на основании канонов Церкви сим объявляет Патриарха Тихона лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирское положение. Отныне Патриарх Тихон — мирянин Василий Белавин. Осуждая бывшего Патриарха Тихона…, Собор признает, что и самое восстановление Патриаршества было актом определенно политическим, контрреволюционным… Поэтому Собор отменяет восстановление Патриаршества". Святой Тихон, ознакомившись с приговором обновленческого Собора, отверг его, объявив его "неправильным и по форме и по существу".

В советской и обновленческой церковной печати раскольники требуют суровой кары для Патриарха. Лжемитрополит Антонин домогается его смертной казни. В результате разрушительных действий раскольников церковное управление оказалось обезглавленным, архиереи изгнаны с кафедр, большинство храмов захвачено обновленцами, духовенство и церковный народ повержен в смятение.

В такой обстановке 16 июня 1923 года Патриарх Тихон обратился в Верховный суд РСФСР с заявлением, в котором просил освободить его из-под стражи. "Я окончательно отмежевываюсь, — писал он, — как от зарубежной, так и от внутренней монархически–белогвардейской контрреволюции". 25 июня Патриарх Тихон смог вернуться к отправлению своих первосвятительских обязанностей.

Весть об освобождении Патриарха вызвала у православного народа великую радость. Получив возможность свободно передвигаться по городу, Патриарх тотчас отправился на Лазаревское кладбище, где тогда погребали популярного в Москве протоиерея Алексия Мечева. Когда люди увидели возле могилы священника Патриарха, они с любовью и преданностью подходили под его первосвятительское благословение. Патриарх

смог убедиться, что православный народ не ушел от него.

28 июня Святейший обратился к Церкви с посланием, в котором объяснил свою политическую позицию: "Я, конечно, не выдавал себя за такого поклонника Советской власти, каким объявляют себя церковные обновленцы…, но зато я и далеко не такой враг ее, каким они меня выставляют… Со временем многое у нее стало изменяться, и теперь, например, приходится просить Советскую власть выступить на защиту обижаемых русских православных в Холмщине и Гроднинщине, где поляки закрывают православные церкви… Я решительно осуждаю всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно ни исходило".

1 июня 1923 года после литургии в Донском монастыре Патриарх произнес проповедь, в которой сказал, что дело Церкви "сеять учение Христа о мире всего мира, о братстве, о всепобеждающей любви. Взбаламученное страстями человеческое море особенно теперь в этом нуждается".

В тот же день он обратился к пастве с новым посланием, заявив, что "Российская Православная Церковь аполитична и не желает… быть ни белой, ни красной Церковью. Она должна быть и будет Единою, Соборною, Апостольскою Церковью, и всякие попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, ввергнуть Церковь в политическую борьбу должны быть отвергнуты и осуждены". В этом послании Патриарх осудил обновленчество: "Обновленцы… толкают Церковь к сектантству, вводят совершенно не нужные реформы, отступая от канонов". Суровые слова нашел он и для характеристики тех эмигрантов, которые толкали Церковь на путь "политической борьбы совместно с проживающими в России и за границей злоумными противниками Советской власти". Патриарх призвал их смириться и покаяться, угрожая в противном случае церковным судом.

15 июля святитель Тихон обратился к пастве с новым посланием, и в нем дезавуировал все действия обновленческого Высшего Церковного Управления: "Торжественно и во всеуслышание… свидетельствуем, что все эти столь решительные заявления о соглашении с нами и о передаче нами прав и обязанностей Патриарха… Высшее Церковное Управление, составленному священниками Введенским, Красницким, Калиновским и Белковым, есть ложь и обман, и что перечисленные лица овладели церковной властью путем захвата, самовольно… И как воспользовались они захваченной церковной властью? Они употребили ее не на создание Церкви, а на то, чтобы сеять в ней семена пагубного раскола, чтобы лишать кафедры православных епископов, оставшихся верными своему долгу…, чтобы преследовать благоговейных Священников… Всем

этим они отделили себя от единства Вселенской Церкви и лишились благодати Божией. А в силу этого, все распоряжения не имеющей канонического преемства незаконной власти, правившей Церковью в наше отсутствие, не действительны и ничтожны".

2 (15) апреля 1924 года Патриарх Тихон издал указ о запрещении в священнослужении и предании церковному суду обновленческих лжемитрополитов Евдокима (Мещерского) и Антонина (Грановского).

После возвращения Патриарха Тихона к отправлению своих первосвятительских обязанностей его ближайшими помощниками в управлении церковным кораблем, установлении нормальных отношений с государственной властью и очищении Церкви от обновленческой скверны становятся архиепископы Тверской Серафим (Александров), Уральский Тихон (Оболенский) и Верейский епископ Иларион (Троицкий), которых Патриарх включает в образованный им Временный Синод.

В августе 1923 года эти архиереи вместе с Патриархом обращаются с воззванием к Русской Церкви, в котором заявляют о решительном отмежевании от всякой контрреволюции: "Возврат к прежнему строю невозможен, Церковь не служанка тех ничтожных групп русских людей, где бы они ни жили — дома или за границей, которые вспомнили о ней только тогда, когда были обижены русской революцией, и которые хотели бы ею воспользоваться для своих личных целей. Церковь признает и поддерживает Советскую власть, ибо нет власти не от Бога". Это воззвание вырывало из рук обновленцев главное их оружие — обвинение православного духовенства в нелояльности к Советской власти.

Часть православных эмигрантов смущена была переменой в отношении Патриарха Тихона к государственной власти. Но митрополит Антоний (Храповицкий) тогда достаточно правильно понимал ситуацию, в которой находилась Русская Церковь и ее глава, и предостерегал паству от неверных оценок. В статье "Не надо смущаться" он писал: "Настоящее заявление Патриарха имеет для Церкви уже несомненно благодетельное значение; оно избавило ее от духовного безначалия, от опасности превратиться в беспоповскую секту. Православная Церковь снова приобретает… если не правовое, то терпимое положение и получает возможность постепенно освобождаться от той шайки лжеепископов и лжепопов, не верующих в Бога, не стыдящихся людей и совершенно незаконно назвавших себя "живой церковью", вместо принадлежащего им по праву названия "церковь лукавнующих".

Изменение в политической позиции Патриарха Тихона и большей части православного епископата обусловлено было не только тактическим расчетом, но и соображениями принципиального характера: гражданская война закончилась, государственная власть перестала быть предметом кровавой междоусобной брани. В стране существовало одно законное правительство — Советское. На смену режиму военного коммунизма с неизбежными по военному времени нарушениями законности пришел НЭП, что создавало возможность для построения правового государства, в котором Православная Церковь могла занять принадлежащее ей место. Заявление Патриарха в Верховный суд в сущности означало, что он признал законность Советской власти.

В январе 1924 года Патриарх издал указ о молитвенном поминовении государственной власти за богослужением: "О стране Российской и властех ея", а 21 марта 1924 года Президиум ВЦИК принял постановление о прекращении дела Патриарха Тихона и его сподвижников митрополита Никандра, митрополита Арсения и В. А. Гурьева.

После возвращения Патриарха к управлению церковным кораблем началось массовое возвращение в Церковь священников, примкнувших к раскольникам не по убеждениям, а "страха ради иудейска". Вместе с ними возвращаются в Церковь и храмы, которые, пока настоятели их пребывали в расколе, стояли полупустыми. Осквернённые храмы окроплялись святою водою, что вызывало особое раздражение у обновленцев.

Под омофор Патриарха возвратились и иерархи, среди них митрополит Сергий (Страгородский), архиепископ Серафим (Мещеряков), епископы Филипп (Ставицкий), Севастиан (Вести), Софроний (Арефьев), Никон (Пурлевский). Возвращаются в Церковь и лжеархиереи обновленческого поставления Антоний Панкеев, Петр Савельев.

11 сентября 1924 года в храме Иоанна Предтечи в Москве архиепископ Серафим (Мещеряков), обновленческий лжемитрополит всея Белоруссии, принес перед Патриархом и народом покаяние: "В настоящий торжественный священный момент я, бывший архиепископ Серафим, всенародно каюсь в своих церковно–дисциплинарных преступлениях… Святой Отец наш! Прости меня, блудного твоего сына, за мое пребывание на стороне обновленческого раскола и приими в молитвенно–каноническое общение… Прости меня, окаянного, за признание беззаконного Высшего церковного управления, Собора 23 года и обновленческого Синода. Прости меня, многогрешного, за мои недостойные выступления против твоей святыни… Простите

меня… и вы, архипастыри и пастыри, и своей всепрощающей любовью согрейте и озарите закат моей жизни… Простите меня… и вы, братья и сестры, вы — непоколебимые представители исконного русского благочестия, примите от меня земной поклон за то, что своей стойкой преданностью и верностью Православной Церкви сохранили нам драгоценную жизнь ее законного главы Патриарха, и помолитесь обо мне Господу Богу…" "Бог простит, Бог простит", — отвечал ему народ в умилении.

Оказавшись у разбитого корыта, обновленцы лихорадочно ищут способ избежать полного провала своей авантюры. В Высшем Церковном Совете возобновляются грызня и распри, стихшие на короткое время перед созывом лжесобора. Протопресвитер В. Красницкий выходит из Высшего Церковного Совета. Вслед за этим Высший Церковный Совет увольняет на покой своего председателя Антонина, который в знак протеста снимает с себя подаренный ему раскольниками сан митрополита и впредь именует себя скромнее — епископом.

В начале августа в Москве состоялось совещание обновленческих лжеепископов и уполномоченных Высшего Церковного Совета, на котором Высший Церковный Совет был упразднен, а вместо него образован Синод, составленный для придания ему видимости законности в основном из епископов старого поставления. Председателем Синода был избран лжемитрополит Евдоким, но подлинным вожаком раскол стал Александр Введенский, успевший обзавестись архиепископским саном, несмотря на то, что был женат.

Часть обновленцев, не желая приносить покаяния в содеянном, стремилась, однако, к воссоединению с Православной Церковью, выражая настроения этих кругов, Евдокимовский Синод издал в конце августа послание, целью которого было подготовить почву для переговоров с Патриархом. "Общественное мнение и религиозная совесть верующих на бывшего Патриарха Тихона возложили две вины, — говорится в нем, — одну — в непризнании им нового государственного строя и Советской власти, вторую — в приведении в полное расстройство всех церковных дел. В первой своей вине бывший Патриарх Тихон открыто, перед всем миром, покаялся…, но вторая вина еще по–прежнему лежит на бывшем Патриархе".

Несмотря на оскорбительный тон Послания, Патриарх ради спасения заблудших, ради церковного мира был готов к переговорам с обновленцами. В этом его поддерживал Временный Патриарший Синод. Архиепископы Серафим (Александров), Тихон (Оболенский), Иларион (Троицкий) открыли переговоры с лжемитрополитом Евдокимом об условиях восстановления

церковного единства.

Решительным противником таких переговоров был бывший ректор Московской духовной академии архиепископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), настоятель Данилова монастыря. Строгий монах, знаток Типикона и канонов, человек бескомпромиссной твердости, он объединил вокруг себя тех архипастырей и церковных деятелей, которые предостерегали Патриарха от малейших уступок раскольникам. Частыми посетителями настоятельских покоев Данилова монастыря; были митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Гурий (Степанов), архиепископ Серафим (Самойлович), епископ Пахомий (Кедров). Патриарх в шутку называл Даниловский монастырь "конспиративным Синодом".

В конце сентября 1923 года в Донском монастыре состоялось совещание 27 православных архиереев для обсуждения результатов переговоров с лжемитрополитом Евдокимом о преодолении раскола. Архиепископ Феодор не явился на совещание, но в нем участвовало много его сторонников и единомышленников.

Архиепископ Тверской Серафим (Александр) доложил собратиям о ходе переговоров. "Все наше разделение, — сказал он, — основано на недовольстве некоторых иерархов и православных мирян личностью Патриарха Тихона". Архиепископ Серафим довел до сведения епископов предложение Евдокима открыть общий Собор из тихоновцев и обновленцев под председательством Патриарха Тихона, на котором Патриарх должен сам отказаться от возглавления Русской Церкви, после чего Собор отменит постановление о лишении его сана и уволит на покой в сущем сане.

Когда Святейшему впервые доложили об этом проекте, он сказал: "Надоел я вам, братцы, возьмите метелку и гоните меня". На Совещании в Донском монастыре архиепископ Тихон Уральский высказался за принятие предложенных условий. Против компромиссной линии возражали митрополит Казанский Кирилл, архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский). Закрытым голосованием проект соглашения с Евдокимовским Синодом был отвергнут.

Весной 1924 года с Патриархом Тихом вел переговоры о воссоединении коновод "живой церкви", отделившийся от обновленческого Синода лжепротопресвитер В. Красницкий. Благодаря твердой позиции, занятой тогда митрополитами Кириллом, Петром (Полянским), временным управляющим Петроградской епархии епископом Венедиктом, переговоры эти были прерваны и окончились ничем.

Ареной самой ожесточенной борьбы обновленчества с Православной Церковью стал очаг раскола — Петроград. В 1923 году из 123 петроградских храмов 113 были захвачены раскольниками. Самой большой из православных церквей, которую удалось отстоять, был Спасо–Преображенский собор на Литейном, где настоятелем служил протоиерей Сергей Тихомиров. Храмы, отнятые обновленцами, стояли полупустыми, а православным негде было собираться для молитвы, некому было совершать для них требы. В городе осталась горсть священников и ни одного православного архиерея.

23 сентября 1923 года в Москве по просьбе делегации православной петроградской паствы состоялась хиротония во епископа Лужского Мануила (Лемешевского). При наречении святой Тихон сказал ставленнику: "Посылаю тебя на страдания, ибо кресты и скорби ждут тебя на новом поприще твоем, но мужайся и верни мне епархию". По приезде в Петроград епископ Мануил совершил богослужение в маленькой церквушке святых бессеребренников Косьмы и Дамиана и зачитал обращение Патриарха к петроградской пастве. Сердца смятенных, запуганных людей — пастырей и мирян — воспрянули. Деморализованные священники, подчинившиеся обновленческому Высшему церковному управлению, стали приносить покаяние и возвращаться под Первосвятительский омофор. В октябре 1923 года в отступничестве пред епископом Мануилом покаялась братия Длександро–Невской Лавры. Церкви, в которых служил епископ Мануил, всегда были переполнены молящимися. Люди стояли в притворе, на паперти, на улице за оградой. Богослужения продолжались по 3–4 часа, а потом еще часами архипастырь благословлял народ.

Проповеди его были немногословны, безыскусны. Говорил он, по воспоминаниям современников, кратко, отрывисто, часто повторял одно и то же. Неустанно призывал паству к терпению, молитвенному бдению, к верности Христу. "Дайте пост уму, — призывал он, — бросьте хоть на время увеселения, кинематографы, театры, пока наша Мать–Церковь так страдает".

Благодаря его пастырской и исповеднической ревности к декабрю 1923 года из 113 обновленческих храмов 85 вернулись в Православие.

Обновленцы, перед угрозой полного краха, вновь прибегнули к интригам против православных, обвиняя их в политической нелояльности. В конце концов они добиваются своего. 3 февраля 1924 года, в день иконы Божией Матери "Ограда и утешение", епископ Мануил был арестован и в октябре приговорен к трехлетней ссылке в Соловецкий лагерь. Несколько ранее, в конце

1923 года, арестован был и ближайший помощник Патриарха архиепископ Верейский Иларион (Троицкий), которого заменил в Патриаршем Синоде архиепископ Крутицкий Петр (Дроздов), епископ Самарский Анатолий (Грисюк), епископ Балахнинский Филипп (Гумилевский), епископ Лука (Войно–Ясенецкий) и другие архипастыри. Лишены были свободы и вернувшиеся из обновленческого раскола епископ Артемий (Ильинский), Софроний (Старков). Большинство архиереев ссылали в Соловецкий лагерь особого назначения. Самым страшным местом на Соловках была штрафная командировка, расположенная в основанном схииеромонахом Иисусом Голгофско–Распятском скиту на Анзерском острове.

В конце 1924 года здоровье Святейшего Патриарха Тихона, потрясенное выпавшими на его долю многими тяжкими испытаниями, резко пошатнулось. Святитель Тихон страдал хроническим воспалением почек, общим склерозом и грудной жабой. 13 января он согласился переехать из Донского монастыря в частную клинику Бакуниной на Остоженке, где в его лечении участвовал знаменитый врач профессор Плетнев. В клинике его здоровье заметно поправилось. Но 2 апреля после зубоврачебной операции состояние Патриарха Тихона внезапно резко ухудшилось.

Тем временем Синод вел переговоры с представителем государственной власти Тучковым об издании нового обращения к пастве от лица Патриарха. В праздник Благовещения состоялось экстренное заседание Синода, на котором обсуждался текст этого документа.

После заседания около 10 часов вечера изнемогший Патриарх попросил келейника помочь ему умыться. При этом он сказал: "Теперь я усну… крепко и надолго. Ночь будет длинная, темная, темная". У больного начался бред, он впал в забытье. Потом, без четверти 12, открыв глаза и узнав, который час, он начал креститься: "Ну Слава Богу, Слава Тебе Боже, — повторил он трижды, осенил себя крестным знамением. Руки бессильно упали. Святейший Патриарх Тихон отошел ко Господу в Благовещение 1925 года в 23 часа 45 минут.

Погребение почившего состоялось в Донском монастыре. 40 скорбными ударами колокола православная Москва была извещена о великой потере. В монастырь отовсюду двинулись верные чада Церкви проститься со своим Предстоятелем. Чтобы войти в собор, люди по 9–10 часов выстаивали в очереди, которая тянулась на три версты. Торжественные панихиды совершались во всех российских церквах; заупокойные панихиды по почившему отслужили Восточные Патриархии. Погребение Святителя

состоялось 12 апреля в Вербное воскресенье. В ограде Донского монастыря об упокоении души Святейшего молились не меньше 300 тысяч человек. Отпевание совершили 56 архиереев и около 500 пресвитеров. Мощи святого нашли упокоение в Малом Донском соборе, возле гроба с телом убитого незадолго до его кончины верного келейника Патриарха Якова Полозова.

Через неделю после преставления Патриарха Тихона, 15 марта в "Известиях" напечатан был текст "Воззвания", подписанный им в день кончины. Он получил наименование "Завещание Патриарха".

В нем говорится: "В годы великой гражданской разрухи по воле Божией, без которой ничего в мире не совершается, во главе Русского государства стала Советская власть, принявшая на себя тяжкую обязанность — устранение жутких последствий кровопролитной войны страшного голода… Представители Советской власти еще в январе 1918 года издали декрет о полной свободе граждан веровать во что угодно и по этой вере жить. Таким образом, принцип свободы совести, провозглашенный Конституцией СССР, обеспечивает всякому религиозному обществу, и в том числе и нашей Православной Церкви права и возможности жить и вести свои религиозные дела, согласно требованиям своей веры… Пора понять верующим христианскую точку зрения, что "судьбы народов от Господа устрояются" и принять происшедшее как выражение воли Божией. Не погрешая против нашей веры и Церкви, не переделывая чего-либо в них, словом, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок церковной жизни и деятельности с новым государственным строем осуждая всякое сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитацию против нее.

…Призываем и церковноприходские общины и особенно их исполнительные органы… не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что Советская власть — действительно народная рабоче–крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая.. Деятельность православных общин должна быть направлена не в сторону политиканства, совершенно чуждого Церкви Божией, а на укрепление веры Православной, ибо враги Святого Православия — сектанты католики, протестанты, обновленцы, безбожники и им подобные стремятся использовать всякий момент в жизни Православной Церкви во вред ей… Достаточно посмотреть на происходящее в Польше, где 350 находившихся там церквей и монастырей осталось лишь 50.

Остальные были или закрыты, или обращены в костелы… С глубоко скорбью мы должны отметить, что некоторые из сынов России, и даже архипастыри и пастыри…, занялись за. границей деятельностью, коей они не призваны и, во всяком случае, вредной для нашей Церкви… Мы решительно заявляем: у нас нет с ними связи, как это утверждают враги наши, они чужды нам. Мы осуждаем их вредную деятельность. Они вольны в своих убеждениях, но они в самочинном порядке и вопреки канонам… действуют от нашего имени и от имени Святой Церкви, прикрываясь заботами о ее благе. Не благо принес Церкви и народу так называемый Карловацкий Собор, осуждение коего мы снова подтверждаем…

…Мы выражаем твердую уверенность, что установка чистых, искренних отношений побудит нашу власть относиться к нам с полным доверием, даст нам возможность преподать детям наших пасомых Закон Божий, иметь богословские школы для подготовки пастырей, издавать в защиту Православной веры книги и журналы…"

Этот документ положил основание тому курсу, которого твердо придерживались все преемники Патриарха Тихона, стоявшие у кормила высшей церковной власти.

Патриарх Тихон (в миру Василий Иванович Белавин) родился 19 января 1865 года в деревне Клин Торопецкого уезда Псковской епархии в семье священника, который вскоре после рождения сына был переведен в уездный город. С ранних лет душа мальчика, которого отец постоянно брал с собой на службу, горела тихой любовью к храму. Образование он получил в духовном училище родного города, в Псковской семинарии и Петербургской академии.

Скромный, благодушный юноша, всегда готовый помочь друзьям, он снискал привязанность товарищей по учению. Семинаристы называли его в шутку архиереем, а в академии, словно предвидя ожидающее его будущее, студенты прозвали его за серьезность и степенность нрава Патриархом.

В 1888 году Василий Белавин закончил академию и был направлен в Псковскую семинарию преподавать догматику, нравственное богословие и французский язык. В 1891 году молодой учитель принял постриг с именем святителя Тихона Задонского.

Рукоположенный в сан иеромонаха, он через год был назначен инспектором Холмской семинарии. В том же 1892 году он был утвержден ректором семинарии с возведением в сан архимандрита. В Холме обстановка для ректора православной семинарии была непростой. Это был наполовину польский и

католический город; часть местного русского населения оставалась в унии; большим влиянием в городе пользовались еврейские общины. Будучи главным помощником местного архиерея, архимандрит Тихон высоко держал знамя Православия в этой исконно русской, но сильно ополяченной земле, при этом он умел не задевать религиозного и национально–щепетильного самолюбия польского народа. Будущий Патриарх показал себя человеком большого такта, чувства меры, мудрости и одновременно настойчивым и упорным ревнителем православного дела. Холмские священники полюбили его и то и дело приглашали служить в свои храмы.

По воспоминаниям митрополита Евлогия, "милый и обаятельный, он всюду был желанным гостем, всех располагал к себе, оживлял любое собрание, в его обществе всем было весело, приятно, легко… Он сумел завязать живые и прочные отношения с народом".

Из Холма святого Тихона перевели ректором семинарии в Казань, а 4 октября 1897 года в Александро–Невской Лавре состоялась его хиротония во епископа Люблинского, викария Холмской епархии. За короткое время пребывания на кафедре в Люблине, где его хорошо помнили и любили, новый епископ углубил свою связь с православным народом.

В декабре 1898 года епископ Тихон был назначен на зарубежную Алеутско–Американскую кафедру, которая находилась в Сан–Франциско. На новом поприще он неустанно трудился над распространением Православия в Америке. При нем сооружено было много новых храмов и на Аляске, и в Канаде, в Соединенных Штатах. В 1901 году епископ Тихон совершил закладку рального храма в Нью–Йорке во имя святителя Николая.

Через полтора года владыка освятил этот храм. На торжестве освящения он обратился к пастве со словами: "Не забывайте, что вы — род избранный, люди, взятые в удел, дабы возвещать окружающим вас инославным чудный свет Православия" Во время его архипастырского служения в Америке участились случаи присоединения к Православной Церкви новообращенных из протестантов. Епископ Тихон принял деятельное участие в переводе богослужебных книг на английский язык. В Канаде по его ходатайству была открыта викарная кафедра.

В 1905 году святитель Тихон был возведен в сан архиепископа, а через два года после этого переведен на одну из самых почетных в России кафедру Ярославскую — преемницу древней Ростовской. И в Ярославле он оставался тем же мудрым распорядительным, благожелательным архиереем, часто объезжал епархию, совершая службы в приходских и

монастырских храмах. Замечания клирикам всегда делал мягко и тактично, часто в шутливой форме, когда не кричал на подчиненных. Необычной была простота его домашнего обихода. Архиереи в ту пору передвигались исключительно в каретах, а владыка ка Тихон любил ходить по городу пешком. Ярославцы так полюбили своего архипастыря, что избрали его почетным гражданином города.

В 1913 году архиепископ Тихон был переведен в Литовскую епархию – в Вильно. Обстановка в Литве была подобна той, которую хорошо знал по Холмщине: влиятельная Католическая Церковь, смешанное русско–литовско–польско–еврейское население. В Вильно владыку застала первая мировая война. По распоряжению Святейшего Синода архиепископ Тихон переехал в Москву привезя с собой мощи Виленских чудотворцев. Но вскоре он перебрался Москвы в город, находившийся почти на линии фронта, — поближе к своей пастве. Он посещал госпитали, служил в них молебны, исповедовал и причащал раненых, напутствовал умирающих.

В войну его не раз вызывали в Петербург для участия в работе Синода, эти годы, когда на церковной, политической и общественной жизни сказывалось тлетворное влияние Распутина, архиепископ Тихон олицетворял совесть Русской Православной Церкви, он был одним из блюстителей ее святости и внутренней свободы.

После Февральской революции вместе с другими архипастырями был незаконно уволен из Синода обер–прокурором В. Львовым. 21 июня (8 июля) 1917 года архиепископ Тихон был избран волеизъявлением церковного народа на Московскую епархиальную кафедру, после чего Синод удостоил его сана митрополита. Поместный Собор избрал митрополита Тихона своим Председателем.

Вскоре после этого Божественным Промыслом он был возведен на восстановленный Патриарший Престол. Первое появление Патриарха Тихона после его интронизации на Соборе, по воспоминаниям свидетелей этого события, явилось пиком соборных деяний.

Не только поборники Патриаршества, но и прежние противники его восстановления с сыновней преданностью приветствовали Предстоятеля Русской Церкви, как своего великого господина и отца. Большим праздником для православного народа явилась его поездка в Петроград, состоявшаяся в мае 1918 года. На Московском вокзале народ встречал Патриарха на коленях, многие со слезами радости на глазах. Сопровождавшие его народные толпы во главе с

духовенством крестным ходом двинулись от вокзала к Лавре, под звон колоколов всех петроградских храмов. Патриарх Тихон совершил Божественные литургии в Троицком соборе Лавры, в Исаакиевском и Казанском соборах, и каждый раз при стечении несметных людских толп. Безмерная любовь православного народа к Патриарху обнаружилась и в скорбные дни прощания с ним.

Замечательно глубокую характеристику почившему Предстоятелю Русской Церкви дал митрополит Сергий (Страгородский), впоследствии Патриарх, в слове, произнесенном за литией в дни траура:

"Его святительская деятельность и до избрания в Патриархи не сопровождалась внешним блеском. Его личность не была заметна. Казалось, что он не имел никаких особенных дарований, которыми мог бы блистать. Как будто даже ничего не делал. Не делал, но при нем какой-то маленький приход превратился в Американскую Православную Церковь. То же было и в Литве, и в Ярославле… То же повторилось и здесь. Казалось, что он ничего не делал, но тот факт, что вы собрались здесь…, есть дело рук Святейшего. Он на себе одном нес всю тяжесть Церкви в последние годы… По своему характеру святитель отличался величайшей незлобивостью и добротой. Он всегда одинаково был верен себе: и на школьной скамье, и на пастырской и архипастырской ниве, вплоть до занятия Патриаршего Престола. Он имел особенную широту взгляда, способен был понимать каждого и всех простить. А мы очень часто его не понимали, часто огорчали своим непониманием, непослушанием, отступничеством. Один он безбоязненно шел прямым путем служения Христу и Его Церкви. За что любил его православный русский народ? Любил православный народ своего Патриарха потому, что он взрастил эти богатые добродетели на почве церковной при благодатной помощи Божией. "Свет Христов просвещает всех", — говорит слово Божие, и этот свет Христов был тем светочем, который путеводил почившего во время его земной жизни. Будем надеяться, что за высокие качества милосердия, снисходительности и ласки к людям Господь будет милостив к нему, предстоящему перед Престолом Божиим".

В 1989 году Патриарх Тихон был причислен Архиерейским Собором Русской Православной Церкви к лику святых.

IV. Русская Православная Церковь 1925–1928

В самый день погребения Патриарха Тихона, 12 апреля 1925 года, в Донском монастыре состоялось совещание архиереев, участвовавших в отпевании почившего. На совещании было вскрыто и оглашено завещание, составленное Патриархом на Рождество 1925 года: "В случае нашей кончины, наши Патриарший права и обязанности до законного выбора Патриарха предоставляем временно Высокопреосвященному митрополиту Кириллу. В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам вступить ему в отправление означенных прав и обязанностей таковые переходят к Высокопреосвященному митрополиту Агафангелу. Если же и сему митрополиту не представится возможности осуществить это, то наши Патриарший права и обязанности переходят к Высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому…"

Поскольку митрополиты Кирилл и Агафангел, находясь вне Москвы, не могли возглавить церковное управление, сонм архипастырей постановил, что "митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и во исполнение воли почившего Патриарха должен вступить в обязанности Патриаршего Местоблюстителя". Первым под этим актом подписался митрополит Нижегородский Сергий.

Каноны не дозволяют епископам назначать себе преемников. Но ввиду исключительных условий, в которых жила тогда Русская Цер ковь, созыв Православного Собора был невозможен, поэтому лучшего способа сохранить преемство Первосвятительского возглавления, по завещанию Патриарха, не было. Предвидя возможные осложнения Поместный Собор 1917–18 годов поручил Патриарху Тихону назначить себе преемников–местоблюстителей без оглашения их имен на пленарном заседании Собора, и Святитель исполнил это поручение. Подписи 58 архиереев под актом о передаче высшей церковной митрополиту Петру придают ему в известном смысле характерного избрания Предстоятеля Церкви.

В общении с людьми митрополит Петр отличался мягкостью и предупредительностью, но это не мешало ему проявлять настойчивость твердость в проведении канонически строгой церковной политики.

Непреклонную линию занял он в отношениях с обновленцами, расходясь в этом с другими, более уступчивыми

членами Патриаршего Синода.

Вскоре после того как митрополит Петр возглавил Русскую Церковь, он дал интервью газете "Известия". Слова корреспондента о том, что среди населения циркулируют слухи о неподлинности завещания Патриарха Тихона, митрополит Петр прокомментировал так: "Слухи эти никакого основания не имеют. Если об этом и говорят, то две–три кликуши с Сухаревки. Что касается верующих, то они в подлинности завещания не сомневаются". На вопрос: "Когда намерены вы осуществить чистку контрреволюционного духовенства и черносотенных приходов, а также созвать Комиссию для суда над зарубежными архиереями", — Митрополит ответил: "Для меня, как Местоблюстителя Патриаршего Престола, воля Патриарха Тихона священна, но я один не правомочен провести в жизнь эти пункты завещания".

С кончиной Патриарха Тихона обновленцы связывали надежду на крах Патриаршей Церкви. Часть раскольников главный упор в борьбе с Православной Церковью сделала на испытанный уже метод политических обвинений и клеветы: "Как принципиальные и ярые гонители человеческой мысли, — писала обновленческая газета, — "тихоновцы"… вредны вообще в культурном отношении, равнодушно смотреть на всю работу "тихоновцев" значит допускать эксплуатацию человека в самой недопустимой форме".

Но менее ретивые обновленцы взяли курс на так называемое "объединение с Тихоновской Церковью". 11 апреля обновленческий Синод, возглавляемый уже не митрополитом Евдокимом, ушедшим на покой, а лжемитрополитом Вениамином (Муратовским) (из епископов старого поставления) выступил с призывом к объединению, которое предполагалось осуществить на "III Соборе".

Некоторые из православных архипастырей и пастырей (митрополит Уральский Тихон, епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), влиятельный протоиерей Николай Чуков склонялись к тому, чтобы прислушаться к призывам умеренных обновленцев объединиться.

Резкую отповедь лицемерным происках раскольников дали митрополит Казанский Кирилл и епископ Яранский Нектарий (Трезвинский). Митрополит Петр, не пренебрегая контактами с обновленцами, занял, однако, твердую позицию: речь должна идти не о соединении, а лишь о присоединении к Православной Церкви отпавших от нее, в случае их покаяния.

28 июля 1925 года Местоблюститель Патриаршего Престола обратился к пастве с посланием: "Истинная Церковь едина, и едина пребывающая в ней благодать Святаго Духа. Не может быть

двух Церквей и двух благодатей. Не о соединении с Православной Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести истинное раскаяние в своих заблуждениях". В обращении к благочинным, причтам и приходским советам Московской епархии он писал, что "обновленцы протягивали православным руку примирения только затем, чтобы стащить их в бездну".

Между тем все лето 1925 года обновленцы готовили новое сборище, которое наименовали III Поместным Собором. Лжесобор открылся 1 октября. В нем участвовало 106 лиц, именовавших себя архиереями, более 100 "клириков" и столько же мирян. На лжесобор прибыл и представитель Константинопольского Патриарха архимандрит Василий (Аимопуло). "Собор" избрал Синод из 35 "епископов", "пресвитеров", и мирян. Внутри Синода образован был президиум в составе Председателя лжемитрополита Вениамина и 4–х членов, среди которых ключевой фигурой стал всевластный А. Введенский, украсивший себя титулом "митрополита". Старчески обессиленный Вениамин служил вывеской обновленческому Синоду, будучи покорной марионеткой в руках истинного верховода раскола Введенского. Главным деянием лжесобора явилась искусно разыгранная провокация, задуманная задолго до открытия разбойничьего сборища.

Незадолго до "Собора" обновленческим Синодом в Уругвай был направлен некий Соловейчик с титулом епископа Южной Америки. Через два месяца после выезда Соловейчик выступил с заявлением, которое можно было расценивать как свидетельство о раскаянии в грехе раскола. Прошел год, и Соловейчик прислал на имя лжесобора письмо, которое и было оглашено на нем: "Мое преступление перед Священным Синодом заключается в следующем: 12 мая 1924 года, за 4 дня до моего отъезда за границу, я имел двухчасовое совещание с Патриархом Тихоном и Петром Крутицким. Патриарх Тихон дал мне собственноручно написанное письмо следующего содержания: 1) что я принят и возведен в сан архиепископа, 2) что Святая Церковь не может благословить великого князя Николая Николаевича, раз есть законный и прямой наследник престола — великий князь Кирилл".

Грубая клевета на покойного Патриарха и Патриаршего Местоблюстителя дала Введенскому повод для недостойной остроты: "Оказывается, что тихоновский корабль плавает в международных водах, и трудно сказать, где главные капитаны: за рубежом или на Крутицах". Мира с тихоновцами не будет, — объявил он, пресекая примирительные попытки умеренных

обновленцев, — чтобы спасти Церковь от политики, необходима хирургическая операция". Под его диктовку составлена была резолюция: "Собор констатирует непрекращающуюся связь тихоновщины с монархистами, грозящую Церкви грозными последствиями, и отказывается от мира с верхушкой тихоновщины".

Домогаясь устранения Местоблюстителя митрополита Петра, обновленческие авторы публикуют в "Известиях" такую характеристику Первоиерарха: "Заматерелый бюрократ Саблеровского издания, который не забыл старых методов церковного управления. Он опирается на людей, органически связанных со старым строем, недовольных революцией, бывших домовладельцев и купцов, думающих еще посчитаться с современной властью".

Предвидя серьезные осложнения, митрополит Петр 5 и 6 декабря 1925 года издал два акта. В первом из них — "Завещании" — он писал: "В случае нашей кончины наши права и обязанности как Патриаршего Местоблюстителя до законного выбора нового Патриарха представляем временно, согласно воле в Бозе почившего Святейшего Патриарха Тихона, Высокопреосвященным митрополитам Казанскому Кириллу Ярославскому Агафангелу. В случае невозможности по каким-либо стоятельствам тому и другому митрополиту вступить в отправление наченных прав и обязанностей, таковые передать Высокопреосвященному митрополиту Арсению. Если же и сему митрополиту не представится возможным осуществить это, то права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя переходят к Высокопреосвященному митрополиту Нижегородскому Сергию".

В распоряжении, составленном днем позже, говорилось: "В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя, временно поручаю исполнение таковых обязанностей Высокопреосвященному Сергию (Страгородскому), митрополиту Нижегородскому. Если же сему митрополиту не представится возможности осуществить это, то во временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя вступит Высокопреосвященный Михаил (Ермаков), Экзарх Украины, или Высокопреосвященный Иосиф (Петровых), архиепископ Ростовский, если митрополит Михаил (Ермаков) лишен будет возможности выполнять это мое распоряжение. Возношение за богослужением моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, остается обязательным…"

10 декабря митрополит Петр был арестован. Его участь разделило еще несколько архиереев, проживавших в Москве:

архиепископы Владимирский Николай и Черниговский Пахомий, епископы Херсонский Прокопий, Иркутский Гурий, Ананьевский Парфений, Глуховский Дамаскин, Гомельский Тихон, Каргопольский Варсонофий и другие. Распоряжение Патриаршего Местоблюстителя вступило в силу.

14 декабря митрополит Сергий сообщил из Нижнего Новгорода викарию Московской епархии епископу Клинскому Гавриилу (Красновскому) о своем вступлении в исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Под документом стояла подпись: "За Патриаршего Местоблюстителя — Сергий, митрополит Нижегородский". Позже митрополит Сергий именовал себя Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, чьи обязанности он исполнял, оставаясь в Нижнем Новгороде. 30 декабря он возглавил там хиротонию во епископа Гдовского викария Ленинградской епархии Димитрия (Любимова), старца из вдовых протоиереев.

Между тем, 22 декабря в Донском монастыре под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского) состоялось совещание 10 епископов, оставшихся в Москве. Высказавшись критически о единоличном управлении Церковью митрополитом Петром, который будто бы не хотел созывать Собор, участники Совещания образовали Временный Высший Церковный Совет под председательством архиепископа Григория. В него вошли еще 6 архиереев, и среди них епископы Можайский Борис и Могилевский Константин (Булычев). Временный Высший Церковный Совет был легализован органами государственной власти. Так образовался новый, параллельный Местоблюстителю и его Заместителю Церковный Центр. Правда, в отличие от обновленцев, григорьевцы, — так их называли по имени Председателя Временный Высший Церковный Совет, — не посягали ни на православное вероучение, ни на овеянные веками богослужебные обряды, они заявляли о своей верности заветам Патриарха Тихона. Тем не менее налицо была опасность нового раскола.

Митрополит Сергий, узнав о самочинном образовании Временного Высшего Церковного Совета, 14 января 1926 года в письме Председателю Временного Высшего Церковного Совета заявил протест против его самоуправства. В ответном послании архиепископ Григорий пригласил митрополита Сергия войти в состав Временного Высшего Церковного Совета и даже возглавить его. Митрополит Сергий, однако, настаивал на роспуске самочинного учреждения и в конце концов запретил в священнослужении архиепископа Григория и его сторонников. Тогда архиепископ Григорий решает обратиться к митрополиту

Петру с просьбой утвердить Временный Высший Церковный Совет и аннулировать полномочия, переданные им митрополиту Сергию, ввиду невозможности для последнего управлять Церковью (подразумевался запрет на выезд из Нижнего Новгорода).

1 февраля состоялась встреча между членами Временного Высшего Церковного Совета и митрополитом Петром. Архиепископ Григорий уверял Главу Русской Церкви, что только Временному Высшему Церковному Совету удастся нормализовать отношения с государственной властью. При этом он ввел в заблуждение митрополита Петра, скрыв от него то обстоятельство, что Временный Высший Церковный Совет был образован, когда участники совещания в Донском монастыре знали уже о назначении Заместителя Местоблюстителя. От митрополита Петра они добились резолюции о временной передаче высшей церковиной власти "коллегии из трех архиереев": архиепископов Владимирского Николая, Томского Димитрия и Екатеринбургского Григория. Григорьевцы скрыли от митрополита Петра и то, что архиепископы Николай и Димитрий не имели возможности выехать в Москву. Резолюцию, вырванную обманом у Местоблюстителя, члены Временного Высшего Церковного Совета истолковали как передачу церковной власти архиепископу Григорию.

Ознакомившись с резолюцией, митрополит Сергий вступает в переписку с митрополитом Петром, чтобы изложить ему действительное состояние церковных дел. В поддержку митрополита Сергия высказались Экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков), архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), епископ Прилуцкий Василий (Зеленцов) и другие архипастыри. 22 апреля митрополит Петр послал своему Заместителю письмо, в котором объявил об упразднении Временного Высшего Церковного Совета и подтвердил ранее сделанное назначение заместителя Местоблюстителя. Григорьевцы, однако, не подчинились воле Главы Русской Церкви и, сохранив свою организацию, учинили новый церковный раскол.

Но несколькими днями раньше, до того, как были устранены недоразумения между митрополитами Петром и Сергием в связи с самочинным созданием Временного Высшего Церковного Совета 18 апреля 1926 года митрополит Агафангел из Перми обратился к всероссийской пастве с посланием, в котором, ссылаясь на завещание Патриарха Тихона, известил о своем вступлении в должность Местоблюстителя Патриаршего Престола. В письме митрополиту Сергию он предложил возносить в церквах свое имя вместо имени митрополита Петра.

Митрополит Сергий вступает в переписку с новым претендентом на высшую церковную власть и объясняет ему незаконность его притязаний, ибо поставленный Местоблюстителем митрополит Петр не отказывался от своих прав. "В распоряжении Святейшего, — пишет он, — нет ни слова о том, чтобы он принял власть лишь временно, до возвращения старейших кандидатов. Он принял власть законным путем и, следовательно, может быть ее лишен только на законном основа нии, то есть или в случае добровольного отхода, или по суду архиеев". В Москве состоялась встреча между двумя митрополитами Агафангелом и Сергием. Переписка продолжалась. В ней принял участие Местоблюститель Патриаршего Престола. В конце концов недоразумение, грозившее Церкви бедой, было преодолено. 17 июня 1926 год митрополит Агафангел телеграммой уведомил митрополита Сергия об отказе от должности Местоблюстителя.

Одной из главных забот митрополита Сергия как Заместителя Главы Русской Православной Церкви было устроение жизнеспособных и закономерных органов высшего церковного управления. После кончины Патриарха Тихона прекратил свое существование учрежденный им Временный Патриарший Синод. Для образования нового Синода и его легализации — признания его полномочий государственной властью — требовалось нормализовать отношения между Церковью и государством.

В середине 20–х годов условия, в которых жила Русская Православная Церковь, оставались по–прежнему исключительно трудными. Происходившая тогда в государстве яростная борьба за власть между политическими лидерами: Троцким (Бронштейном), Сталиным (Джугашвили), Зиновьевым (Апфельбаумом) и Каменевым (Розенфельдом) негативно сказывалась на всей жизни страны, создавала предпосылки для отмены НЭПа, обещавшего вывести государство на путь нормального политического и социального развития, приводила к ужесточению давления на Церковь. Многие из архиереев были высланы из епархиальных городов или сосланы на север, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Для некоторых своеобразной ссылкой были и столичные города Москва и Харьков, откуда епископы не могли выезжать в свои епархии. Но главным местом заключения архиереев, священников и мирян в 20–е годы был Соловецкий лагерь особого назначения, прообраз лагерей 30–50–х годов, устроенный во всенародно чтимой святыне — обители преподобных Савватия и Зосимы.

К 1926 году там находилось 24 епископа, среди них были маститые иерархи: архиепископы Приамурский Евгений (Зернов),

Костромской Серафим (Мещеряков), Херсонский Прокопий (Титов), Курский Ювеналий (Масловский), Черниговский Пахомий (Кедров), Верейский Иларион (Троицкий), епископ Лужский Мануил (Лемешевский). Старшим соловецкие архиереи признавали архиепископа Евгения. Это был человек большой житейской опытности и мудрости, аскет и постник, даже в голодном лагере в принятии пищи он не отступал от предписаний Устава. В общении с собратьями и сосланными священниками, с невинно осужденными, уголовниками, с надзирателями и охранниками лагеря он был исполнен христианской кроткой любви. Духовный авторитет его для соловецких православных христиан был непререкаем.

От вновь прибывших на Соловки поступали вести о церковных нестроениях, обсуждавшиеся с большой тревогой. 7 июня на продуктовом складе лагеря, которым заведовал казанский игумен Питирим (Крылов), состоялось совещание 17 архиереев, на котором обсуждалась современная церковная жизнь. Доклад сделал профессор Московской духовной академии И. В. Попов. В обсуждении доклада особенно живое участие принял архиепископ Иларион. В результате 7 июля 1926 года появилась знаменитая "Памятная записка соловецких епископов", обращенная к Правительству СССР. "Памятная записка" проникнута искренним стремлением "положить конец прискорбным недоразумениям между Церковью и Советской властью, тягостным для Церкви и напрасно осложняющим для государства выполнение его задач". В обращении подчеркивается невмешательство Церкви в политическую жизнь государства: "Церковь не касается перераспределения богатств или их обобществления, так как всегда признавала это правом государства, за действия которого не ответственна. Церковь не касается и политической организации власти, ибо лояльна в отношении правительств всех стран, в границах которых имеет своих членов. Она уживается со всеми формами государственного устройства от восточной деспотии старой Турции до республик Северо–Американских Штатов". Соловецкие епископы признают правомерность Декрета об отделении Церкви от государства, согласно которому ни Церковь не должна мешать гражданскому правительству, ни государство стеснять Церковь в ее религиозно–нравственной деятельности.

Правительство в этом документе, однако, подвергается критике за то, что оно как в своем законодательстве, так и в порядке управления, не остается нейтральным по отношению к вере и неверию, но совершенно определенно становится на сторону атеизма. Особенную озабоченность авторов "Памятной

записки" вызывает то обстоятельство, что "из всех религий… в наиболее стесненном положении находится Православная Церковь, к которой принадлежит огромное большинство русского населения… Ее положение отягчается еще тем обстоятельством, что отколовшаяся от нее часть духовенства, образовавшая из себя обновленческую схизму, стала как бы государственной церковью… Большая часть православных епископов и священнослужителей, находящихся в тюрьме или ссылке, подверглась этой участи за их усиленную борьбу с обновленческим расколом".

Касаясь недавнего прошлого, соловецкие епископы признают, что в первые послереволюционные годы "имели место политические выступления Патриарха…, но все изданные Патриархом акты… направлялись не против власти в собственном смысле. Они относятся к тому времени, когда… все общественные силы находились в состоянии борьбы, когда власти в смысле организованного правительства, обладающего необходимыми орудиями управления, не существовало. В то время слагающиеся органы центрального управления не могли сдерживать злоупотреблений и анархии ни в столицах, ни на местах… Проникнутая своими государственными и национальными традициями, унаследованными ею от своего векового прошлого, Церковь в эту критическую минуту народной жизни выступила в защиту порядка, полагая в этом свой долг перед народом… Но с течением времени, когда сложилась определенная форма гражданской власти, Патриарх Тихон заявил в своем воззвании к пастве о лояльности в отношении к Советскому Правительству…"

В заключение соловецкие епископы выражают надежду на то, что Церковь "не будет оставлена в… бесправном и стеснительном положении…, что законы об обучении детей Закону Божию и о лишении религиозных объединений прав юридического лица будут пересмотрены и… останки святых… перестанут быть предметом кощунственных действий и из музеев будут возвращены в храм. Церковь надеется, что ей будет разрешено организовать епархиальное управление, избрать Патриарха и членов Священного Синода…, созвать для этого, когда она признает это нужным, епархиальные съезды и Всероссийский Православный Собор. Церковь надеется, что правительство воздержится от всякого гласного или негласного влияния на выборы этих съездов (Соборов), не стеснит свободу обсуждения религиозных вопросов на этих собраниях и не потребует никаких предварительных обязательств, заранее предрешающих сущность их будущих постановлений…"

Обращение заканчивалось словами: "Если предложения

Церкви будут признаны приемлемыми, она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если ее ходатайство будет отклонено, она готова на материальные лишения, которым подвергается, встретит это спокойно, памятуя, что не в целости внешней организации заключается ее сила, а в единении веры и любви преданных ей чад ее, наипаче же возлагает свое упование на непреодолимую мощь Ее Божественного Основателя и на Его обетование о неодолимости Его создания".

"Памятная записка" соловецких епископов явилась проектом официального обращения от лица Церкви к государственной власти.

10 июля митрополит Сергий обратился в НКВД с просьбой о легализации высшего церковного управления, регистрации его собственной канцелярии и епархиальных советов, о разрешении проводить архиерейские соборы и издавать церковный журнал. Одновременно он представил проект обращения к всероссийской пастве. В нем подчеркивалась лояльность Церкви к гражданской власти, при этом, однако, в отличие от обновленческих манифестов, не затушевывались мировоззренческие различия между христианством и материализмом. Отделение Церкви от государства рассматривалось в проекте обращения в качестве гарантии от всякого вмешательства как Церкви в политику, так и государственной власти во внутрицерковные дела.

Проект этот, однако, гражданскими властями не был признан удовлетворительным, по–прежнему путь к правомерному устройству органов высшего и епархиального церковного управления оставался закрытым.

Архиепископ Иларион (Троицкий) обратился с Соловков с призывом к архиереям, ввиду церковных нестроений и невозможности созвать Собор, провести избрание Патриарха путем сбора подписей от архиереев. Кандидатом на Патриарший Престол он предложил митрополита Кирилла, срок ссылки которого истекал в ближайшее время. Митрополит Сергий поддержал предложение архиепископа Илариона. Практическое руководство проведением выборов поручено было епископу Рыльскому Павлину (Крошечкину); среди его помощников были иеромонах Таврион (Батозский) и миряне: отец и сын Кувшиновы, которые за короткое время объездили всю страну. К ноябрю было собрано 72 подписи. Но когда эта акция получила огласку, началась волна новых арестов и ссылок архиереев.

В ноябре 1926 года Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий был арестован. Кроме обвинения в проведении нелегальных выборов Патриарха, он обвинялся еще в связях с эмиграцией, которые усмотрены были в

его послании к карловацкому Синоду; в этом послании митрополит Сергий предлагал зарубежным собратьям либо воздерживаться от всяких нелояльных выступлений против Советского правительства, либо, если для них это неприемлемо, войти в юрисдикцию зарубежных Православных Церквей, освободив тем самым Патриархию от всякой ответственности за свои действия.

После ареста митрополита Сергия временное управление Русской Церковью взял на себя Иосиф (Петровых), незадолго до этого возведенный в сан митрополита Петроградского, но не получивший возможности поселиться в своем кафедральном городе и оставшийся в Ростове Великом. В распоряжении митрополита Петра он был назван третьим после митрополита Сергия кандидатом в Заместители Местоблюстителя. Предвидя, что и его вскоре лишат возможности управлять Церковью, митрополит Иосиф 8 декабря издал акт, в котором назначил временных заместителей архиепископов Свердловского Корнилия (Соболева), Астраханского Фаддея (Успенского) и Угличского Серафима (Самойловича).

Через несколько дней после издания этот документ вступил в силу. Поскольку архиепископы Корнилий и Фаддей не были на свободе, обязанности Заместителя взял на себя архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), викарный архиерей, состоявший в епископском сане с 1920 года. В послании к собратьям–епископам он просил "сократить переписку и сношения с ним до минимума", предоставляя им "все дела" кроме принципиальных и общецерковных, решать окончательно на местах".

В этой исключительно сложной для Русской Церкви обстановке усилили свою разрушительную деятельность обновленцы и григорьевцы, украинские самосвяты и булдовцы. Обстоятельства складывались для Церкви крайне тревожно, но в апреле 1927 года митрополит Сергий получил возможность вернуться к исполнению обязанностей Заместителя Местоблюстителя и даже переехать из Нижнего Новгорода в Москву.

18 мая митрополит Сергий созвал совещание епископов, на котором был образован Временный Патриарший Священный Синод. В него вошли митрополит Арсений, митрополит Тверской Серафим (Александров), архиепископ Костромской Севастиан (Вести), архиепископ Хутынский Алексий (Симанский), архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский), епископ Сумской Константин (Дьяков) (впоследствии митрополит и Экзарх Украины). Позже членами Синода стали также

митрополит Михаил (Ермаков), Экзарх Украины, митрополит Ташкентский Никандр (Феноменов), архиепископ Самарский Анатолий (Грисюк), архиепископ Вятский Павел (Борисовский), епископ Серпуховский Сергий (Гришин).

В августе 1927 года Патриарший Синод был официально зарегистрирован и утвержден Наркоматом внутренних дел.

Легализация Высшего Церковного Управления дала повод Восточным Патриархам Дамиану Иерусалимскому и Григорию Антиохийскому отправить послания митрополиту Сергию с благословением ему и его Синоду и с признанием его временной главой Патриаршей Русской Церкви. Несколько позже, 7 декабря, к Заместителю Местоблюстителя обратился Вселенский Патриарх Василий III. Он призвал митрополита Сергия к примирению с обновленцами ради восстановления единства Церкви.

Первое заседание Синода состоялось 25 мая, в этот же день по епархиям было разослано Постановление, в котором правящим архиереям предлагалось организовать при себе временные Епархиальные советы и зарегистрировать их в местных органах власти. Так началась долгая и трудная работа по воссозданию на гражданских законных основаниях всей церковно–административной структуры Московского Патриархата.

29 июля вышло "Послание пастырям и пастве", подписанное митрополитом Сергием и членами Синода. В литературе оно получило название "Декларация 1927 года". В "Послании" сообщалось церковному народу, что "теперь… Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление". В "Декларации" подчеркивалась патриотическая позиция Церкви в новых исторических условиях: "Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи". Одна из главных причин тех трудностей, с которыми столкнулась Церковь в устроении своей жизни в революционное десятилетие, заключалась, по "Декларации", в "недостаточном сознании многими представителями Церкви серьезности совершившегося в нашей стране; между тем, "в совершившемся", "как всегда и везде, действует та же Десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели".

На положение Церкви внутри страны неблагоприятное влияние оказывали политически неуравновешенные выступления духовных лиц, оказавшихся в эмиграции. Эти выступления решительно осуждались в "Декларации".

В заключение в "Послании" говорится о неотложной

необходимости подготовки Второго Поместного Собора.

В "Декларации 1927 года" конкретизированы положения, которые уже были выдвинуты в документах, составленных Патриархом Тихоном за два последних года его Первосвятительского служения. В ней повторены также многие мысли, выраженные в "Памятной записке соловецких епископов". В "Декларации", однако, в отличие от "Памятной записки", отсутствует всякий критический элемент в оценке политики Советского правительства по отношению к Церкви.

В целях укрепления пошатнувшейся церковной дисциплины Синод распорядился о возношении во всех храмах Московской Патриархии имени Заместителя Патриаршего Местоблюстителя вслед за именем митрополита Петра. 21 октября Синод издал указ о возобновлении поминовения государственной власти с присовокуплением апостольских слов, обосновывающих молитву за власть: "Еще молимся о Богохранимей стране нашей, властех и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте".

В конце 1927 года Синод начал увольнять на покой сосланных архиереев. Эта мера вызвала недовольство у части духовенства. Бурные споры, недоумения и возражения вызвала и сама Декларация. Группа архиереев во главе с митрополитом Иосифом (Петровых) пошла на отделение от Предстоятеля Церкви. Епископ Козловский Алексий (Буй), временный управляющий Воронежской епархией, епископ Глазовский Виктор (Островидов), управляющий Боткинской епархией, отделились от митрополита Сергия.

Особенно тревожная ситуация складывалась в Ленинграде: викарные епископы Ленинградской епархии Гдовский Димитрий (Любимов) и Нарвский Сергий (Дружинин), часть пресвитеров и мирян, в том числе влиятельные в церковных кругах профессор–протоиерей Василий Верюжский, протоиерей Викторин Добронравов, протоиерей Сергий и Александр Тихомировы 26 декабря 1927 года заявили об отделении от митрополита Сергия.

Их действия были одобрены митрополитом Иосифом (Петровых). В своем послании в Ленинград митрополит Иосиф заявил: "Для осуждения и обезвреживания последних действий митрополита Сергия (Страгородского), противных духу и благу Святой Христовой Церкви, по внешним обстоятельствам, не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений. Пусть эти распоряжения приемлет одна всетерпящая бумага да всевмещающий бесчувственный воздух".

6 февраля 1928 года с посланием к Заместителю

Местоблюстителя обратился митрополит Ярославский Агафангел со своими викариями архиепископом Угличским Серафимом (Самойловичем), архиепископом Ростовским Евгением (Кобрановым), митрополитом Иосифом (Петровых), находившимся тогда в Ярославской епархии, и архиепископом Варлаамом (Ряшенцевым). В этом послании они осудили Заместителя Местоблюстителя за "бесцельное и неоправдываемое перемещение епископов, часто вопреки желанию их самих и их паствы, назначение викариев без ведома епархиальных архиереев" и заявили о своем отделении от него.

8 февраля митрополит Сергий писал старейшему русскому иерарху митрополиту Агафангелу: "Мы с Вами подошли уже к той черте, у которой все земные ценности и всякие земные счеты теряют свою абсолютную значимость, и остается только одно: дать добрый ответ на судилище Христовом… Ни веры святой мы не предаем, ни от свободы церковной не отрекаемся", — писал он ему, умоляя не становиться на путь раскола.

В своем ответе митрополит Агафангел писал: "Мы ни одним словом не обмолвились, что отделяемся от Вас по разномыслию в вере, тайно действии и молитве, а только в порядке административного управления", но митрополит Сергий в новом письме митрополиту Агафангелу разъяснял, что административный разрыв с ним равносилен разрыву с первым епископом и означает раскол.

11 апреля Синод предал церковному суду с запрещением в священнослужении митрополита Иосифа (Петровых), викарных архиереев Ярославской епархии, а митрополиту Агафангелу сделал последнее предупреждение. 10 мая митрополит Агафангел и его викарии заявили о том, что они не порывают молитвенного общения с Заместителем Местоблюстителя, раскол не учиняют, но при этом отказываются выполнять те распоряжения, которые смущают их совесть.

Постановлением от 30 мая 1928 года Синод признал это заявление удовлетворительным и снял запрет с архиепископа Варлаама и епископа Евгения.

Вскоре после этого 16 октября 1928 года митрополит Агафангел скончался.

Некоторые из архиереев, находившихся на покое, выразили несогласие с митрополитом Сергием и Синодом и, не отвергая правомочности власти Заместителя Местоблюстителя, не поминали его имени, ограничиваясь возношением имени Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра. Такой позиции придерживались митрополит Кирилл, архиепископ Феодор (Поздеевский), епископы Арсений

(Жадановский), Серафим (Звездинский), Афанасий (Сахаров), Григорий (Лебедев).

Лица, выступившие с критикой действий Заместителя Местоблюстителя и отделившиеся от него, делали это по разным причинам. Одни, недовольные частыми перемещениями архиереев с кафедры на кафедру и их увольнениями, считали, что митрополит Сергий пошел слишком далеко по пути компромисса, хотя в принципе и сами считали необходимым добиваться нормализации отношений между Церковью и государственной властью. Другие выступили против митрополита Сергия и изданной им и временным Синодом "Декларации" потому, что не видели нужды торопиться, надеясь, что пройдет еще некоторое время, и политическая ситуация в стране решительно изменится, и все вернется на круги своя. Третьи в исключительно трудных условиях потеряли чувство духовного равновесия, исполнились апокалипсической тревоги и уже не считали особенно важным сохранение церковной структуры. Они готовы были уйти в катакомбы. Между тем митрополит Сергий главную цель своей церковной политики видел в том, чтобы сохранить для многомиллионной российской паствы православные приходы и храмы, сохранить духовенство, он не хотел ставить православный народ перед жестким выбором между катакомбами и обновленческой схизмой.

Решительное большинство епископов и церковного народа с пониманием отнеслось к церковной политике митрополита Сергия и поддерживало его.

Местоблюститель Патриаршего Престола, хотя и с оговорками, одобрил церковно–политическую линию, выбранную Заместителем. Митрополита Сергия поддерживали такие выдающиеся церковные деятели, как митрополиты Михаил (Ермаков), Никандр (Феноменов), Серафим (Чичагов), архиепископы Василий (Зеленцов) (не безусловно), Евгений (Зернов), Петр (Зверев), епископы Мануил (Лемешевский), Николай (Ярушевич), Венедикт (Плотников).

Архиепископ Верейский Иларион (Троицкий) написал из соловецкого лагеря на волю письмо с осуждением отделившихся от митрополита Сергия. Касаясь в этом письме вынужденных переводов и увольнений архиереев, он заметил: "Что и других переводят, так что ж делать, поневоле делают, как им жить дома нельзя. Прежде по каким пустякам должность меняли — и еще рады были, а теперь заскандалили".

Святейший Патриарх Алексий, в ту пору архиепископ Хутынский, вспоминал впоследствии: "Когда Преосвященный Сергий принял на себя управление Церковью, он подошел

эмпирически к положению Церкви в окружающем мире и исходил тогда из существующей действительности. Все мы, окружающие его архиереи, были с ним согласны. Мы всем Временным Синодом подписали с ним "Декларацию" 1927 года в полном убеждении, что выполняем свой долг перед Церковью и ее паствой".

29 марта 1928 года Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Временный Синод издали "Деяние", в котором подробно изложена была позиция высшей церковной власти относительно обвинений, выдвинутых против митрополита Сергия. Полномочия Заместителя Патриаршего Местоблюстителя выводятся здесь из того обстоятельства, что митрополит Петр передал ему свои права и обязанности "без всяких ограничений".

В разъяснение смутивших многих верующих людей слов из "Декларации" о "радостях и неудачах" в "Деянии" говорится, что эти слова относятся к внешнему благополучию и бедствиям народной жизни, но вовсе не к распространению неверия, как представляли это злонамеренные критики "Декларации". По поводу перевода митрополита Иосифа в Одессу сделано основательное замечание, что если он не признает прав Заместителя Местоблюстителя на перемещение епископов, то почему он не возражал против сделанного митрополитом Сергием ранее перевода его из Ростова на Ленинградскую кафедру. Действия тех епископов, которые отделились от митрополита Сергия, характеризуются в "Деянии" как раскольнические.

Церковные нестроения в конце 20–х годов приобрели крайне тревожный характер. В 1942 году митрополит Сергий, обращаясь к той эпохе, писал: "В нашей Церкви воцарился невообразимый хаос, напоминавший состояние Вселенской Церкви во времена арианских смут, как оно описывается у Василия Великого… Мы могли рассчитывать только на нравственную силу канонической правды, которая и в былые времена не раз сохраняла Церковь от конечного распада. И в своем уповании мы не посрамились. Наша Православная Церковь не была увлечена и сокрушена вихрем всего происходящего. Она сохранила ясным свое каноническое сознание, а вместе с этим и канонически законное возглавление, то есть благодатную преемственность Вселенской Церкви и свое законное место в хоре автокефальных Церквей".

V. Русская Православная Церковь 1929–1941

В 1929 году НЭП был отменен; началась принудительная массовая коллективизация — раскрестьянивание России, сопровождавшееся попранием законности — высылкой миллионов крестьянских семей в Сибирь и на Север.

Русская Церковь разделила судьбу народа, и ее не миновала горькая чаша репрессий. В начале 1929 года за подписью Кагановича на места была отправлена директива, в которой подчеркивалось, что религиозные организации (церковные советы, мусаваллиаты, синагогальные общества и то есть) являются единственной легально действующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы. Этим фактически была дана команда к широкому применению административных и репрессивных мер в борьбе с религией.

8 марта 1929 года ВЦИК и СНК издали новое постановление о религиозных объединениях. Этим постановлением священнослужители исключались из состава "двадцаток"; религиозным объединениям воспрещалась благотворительная деятельность; частное обучение религии, дозволенное Декретом 1918 года об отделении Церкви от государства, интерпретировалось в предельно суженном объеме лишь как право родителей обучать религии своих детей. Вводилась 5–дневная рабочая неделя, и воскресенье переставало быть выходным днем.

Началось массовое закрытие церквей. В 1928 году Русская Православная Церковь имела более 30 тысяч приходов (вместе с обновленческими, григорианскими и самосвятскими приходами в нашей стране оставалось еще 39 тысяч общин) - 2/3 от дореволюционного количества. В 1928 году закрыто было 534 церкви, а в 1929 — уже 1119 храмов. В 1930 году упразднение православных общин продолжалось с нарастающим темпом. В Москве из 500 храмов к 1 января 1930 года оставалось 224, а через два года — только 87 церквей, находившихся в юрисдикции Патриархии. В Рязанской епархии в 1929 году было закрыто 192 прихода, в Орле в 1930 году не осталось ни одной православной церкви.

Закрытые храмы использовались под производственные цеха, склады, квартиры и клубы, а монастыри — под тюрьмы и колонии. Многие храмы уничтожались, разрушались православные святыни русского народа. В Москве в июле 1929

года уничтожили часовню Иверской Божией Матери, в 1930 году — Симонов монастырь, в 1931 году взорвали храм Христа Спасителя.

По всей стране с колоколен снимались колокола под предлогом того, что они мешают слушать радио. Колокольный звон запрещен был в Москве, Ярославле, Пскове, Тамбове, Чернигове.

Иконы сжигались тысячами; в газетах появлялись сообщения о том, как то в одной, то в другой деревне их сжигали целыми телегами; уничтожались иконы древнего письма. Сжигали богослужебные книги; при разгроме монастырей гибли и рукописные книги, археографические памятники, представляющие исключительную культурную ценность; драгоценная церковная утварь переплавлялась на лом.

Закрытие храмов и уничтожение святынь сопровождалось арестами священнослужителей, высылками и ссылками их, этапированием в места заключения, где томились уже тысячи священников и десятки архиереев.

В 1929 году Русская Церковь потеряла одного из своих самых замечательных иерархов — архиепископа Илариона, поборника восстановления Патриаршества, ревностного и неустрашимого борца с обновленчеством, ревнителя церковного единства, выдающегося богослова. Его мирское имя — Владимир Алексеевич Троицкий. Родился он в 1885 году. По окончании Московской духовной академии защитил магистерскую диссертацию "Очерки из истории догмата Церкви"; приняв постриг, служил профессором и инспектором родной академии. На Поместном Соборе он 32–летним архимандритом оказался одним из кандидатов на Патриарший Престол.

В 1920 году был рукоположен в сан епископа Верейского. Когда вспыхнул обновленческий раскол, епископ Иларион стал ближайшим помощником Патриарха в борьбе против смуты. Оказавшись в ссылке на Соловках, исповедник Православия сохранил свой жизнерадостный, общительный, неунывающий характер; он скрашивал тяготы соузников непоколебимым благодушием, веселостью, остроумием. Работая на рыболовных топях вместе с другими епископами и священниками, архиепископ Иларион шутил, перефразируя стихиру Троице: "Вся подает Дух Святый: прежде рыбари богословцы показа, а теперь наоборот - богословцы рыбари показа".

"Соловки, — говорил он, — это замечательная школа — нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения и трудолюбия". В лагере его полюбили все: не только собратья по священству, интеллигенция, дворяне, офицеры, невинно

сосланные крестьяне, но и соловецкая шпана. Часами он разговаривал с отпетым уголовником, и тот после такого разговора исполнялся особым уважением к нему. Под его началом на Соловках работала "артель Троицкого". По воспоминаниям одного из соузников, артель была и настоящей духовной школой. Архимандрит Иларион терпеть не мог лицемерия, притворства, елейности, самомнения. В разговоре с одним из вновь прибывших на Соловки иноков он спросил: За что же вас арестовали? — Да служил молебен у себя на дому, когда монастыри закрыли, — ответил тот. Ну, собирался народ, и даже бывали исцеления. — Ах вот как, даже исцеления бывали… Сколько же вам дали Соловков? — 3 года. — Ну это мало, за исцеления надо бы дать больше.

Человек необычайной физической силы, архимандрит Иларион; после вторичного пребывания на Соловках занемог, здоровье его было подорвано; в 1929 году Соловецкий лагерь заменили ему ссылкой в Алма–Ату. На этапе, в который исповедник отправлен был во вшивом рубище, он заразился сыпным тифом. Архимандрит Иларион скончался 15 декабря 1929 году в ленинградской тюремной больнице. Отпевал его митрополит Ленинградский Серафим (Чичагов). Погребение было совершено на кладбище Новодевичьего монастыря.

Грубые нарушения законности по отношению к верующим в нашей стране вызвали тревогу в зарубежных религиозных кругах и у общественности Запада. Папа Пий XI обратился с призывом к молиться за гонимую Русскую Церковь. В Великобритании архиепископ Кентерберийский организовал моление о страждущей Русской Церкви. Притеснения верующих наносили удар по престижу Советского государства. 15 февраля 1930 года было организовано интервью для газет "Известия" и "Беднота" у Митрополита Сергия и членов Синода митрополита Тверского Серафима, архиепископа Алексия (Симанского), архиепископа Филиппа (Гумилевекого) и епископа Питирима (Крылова). Целью интервью было дезавуировать развернувшуюся за рубежом кампанию дискредитации Советского правительства, обвинявшегося в религиозных гонениях. За этой зарубежной кампанией стояла искренняя озабоченность одних, политические расчеты других. Принести пользу Русской Церкви, действительно защитить ее шумная антисоветская кампания не могла. Поэтому митрополит Сергий и члены Синода нашли полезным для Церкви заявить: "Мы считаем излишним и ненужным это выступление папы Римского, в котором мы, православные, совершенно не нуждаемся. Мы сами можем защитить нашу Православную Церковь". По поводу выступления архиепископа

Кентерберийского было сказано, что оно "пахнет подталкиванием паствы на новую интервенцию, от которой так много пострадала Россия".

Через три дня Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергий дал интервью иностранным корреспондентам, в котором, не желая драматизировать ситуацию, сообщил, что Русская Церковь имеет около 30.000 приходов и 163 епископа, занимающих свои кафедры. Закрытие церквей в этом интервью объяснялось распространением атеизма. Митрополит Сергий не отрицал факты нарушения законности по отношению к верующим, но отрицал квалификацию их как гонений.

По словам митрополита Евлогия, главным побуждением для митрополита Сергия дать такое интервью служила забота о сохранении Русской Церкви. "Что было бы, — пишет он, — если бы Русская Церковь осталась без епископов, священников, без Таинств, — этого и не представить… Во всяком случае не нам, сидящим в безопасности, за пределами досягаемости, судить митрополита Сергия".

На другой день после встречи с иностранными журналистами Заместитель Местоблюстителя обратился к Советскому правительству с посланием, в котором протестовал против необоснованного закрытия церквей, арестов и ссылок священнослужителей, против причисления духовенства к нетрудовым элементам, против отказа детям духовных лиц в приеме в вузы. Митрополит Сергий ходатайствовал перед гражданской властью о возобновлении церковно–издательской деятельности, о восстановлении духовных школ.

"И ходатайство это возымело известный успех. В 1931 году волна массового закрытия церквей стихла. Заместитель Местоблюстителя получил разрешение на издание официального органа — "Журнала Московской Патриархии". Журнал выходил с 1931 по 1935 год, за пять лет было выпущено 24 номера. Помимо официальных документов, в нем помещались богословские статьи, в основном самого митрополита Сергия. В первом номере напечатана принципиально важная статья "О полномочиях Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя". "Ввиду отсутствия коллегиальных органов Высшего Церковного Управления, Патриарх Тихон, — пишет митрополит Сергий в этой статье, — имел единственную возможность сохранить преемственность церковной власти личным распоряжением указать лицо, которое бы по смерти Патриарха восприняло всю полноту Патриаршей власти для передачи будущему Патриарху. На это Патриарх имел поручение от Поместного Собора. Митрополит Петр, взявший на себя по завещанию Патриарха

бразды высшей церковной власти, передал ее своим распоряжением от 6 декабря 1925 года своему Заместителю, причем без всяких ограничений. Оговорки об ограничении прав Заместителя нет в этом документе, да и по существу дела ее не могло быть… Какой был бы смысл нагромождать лишнюю инстанцию — Заместителя, если бы последний не мог ничего делать больше предоставленного каждому епархиальному архиерею… Различие между Местоблюстителем и его Заместителем не в объеме Патриаршей власти, а только в том, что Заместитель является как бы спутником Местоблюстителя: сохраняет свои полномочия до тех пор, пока Местоблюститель остается в своей должности… Само собою понятно, что с возвращением Местоблюстителя к управлению Заместитель перестает управлять. За распоряжения своего Заместителя Местоблюститель ни в какой мере не может быть ответственным, и поэтому нельзя ожидать или требовать, чтобы Местоблюститель вмешивался в управление и своими распоряжениями исправлял ошибки Заместителя. Такое вмешательство повело бы только еще большему расстройству церковных дел и к анархии, как и всякое двоевластие. Как самостоятельный правитель, Заместитель сам и отвечает за свое правление перед Поместным Собором. Конечно, порядок вещей, когда Церковь управляется Заместителем, нельзя признать нормальным. Такой порядок может быть терпим лишь в качестве меры временной и переходной… Наш архипастырский долг думать о скорейшем созвании Поместного Собора".

Статья митрополита Сергия была ответом на полемические выпада против него со стороны григорьевцев и "непоминающих", которые критикуя его за самоуправство, умалчивали об очевидной для них невозможности вполне правомерного устройства высшего управления через созыв Собора.

Ревнуя о церковной дисциплине, противодействуя анархическому разложению, Синод еще 16 апреля 1929 года вынес постановление, в котором митрополит Иосиф (Петровых), епископ Димитрий (Любимов) и епископ Алексий (Буй), как запрещенные в священнослужении, приравнивались к обновленцам и григорианам.

Часть архиереев, находившихся на покое, не присоединяясь к митрополиту Иосифу, заявившему о своем отделении от митрополита Сергия, продолжала воздерживаться от поминовения имени Заместителя Местоблюстителя за богослужениями, которые они совершали архиерейским чином в монастырских и приходских храмах, в своих домовых церквях. Самыми видными в этой группе иерархов были митрополит Кирилл (Смирнов) и настоятель Даниловского монастыря бывший

ректор Московской духовной академии архиепископ Феодор (Поздеевский).

Свою позицию митрополит Кирилл изложил в письме викарию Казанской епархии епископу Афанасию (Малинину), которое он направил из-под Туруханска с тем, чтобы с содержанием его был ознакомлен и митрополит Сергий. Митрополит Кирилл писал: "Никакой Заместитель по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает… Заместитель назначается для управления текущими делами…, коренное же изменение самой системы церковного управления, на что отважился митрополит Сергий, превышает компетенцию и самого Местоблюстителя". Коренной реформой митрополит Кирилл называет учреждение "коллегиального церковного управления в виде Временного Патриаршего Синода".

"…До тех пор, — продолжает он, — пока митрополит Сергий не уничтожит учрежденного им Синода, ни одно из его административно–церковных распоряжений, издаваемых с участием так называемого Патриаршего Синода, я не могу признавать для себя обязательным к исполнению… Литургисать с митрополитом Сергием и единомышленными ему архипастырями я не стану, но в случае смертной опасности со спокойной совестью приму елеосвящение и последнее напутствие от священника Сергиева поставления".

18 сентября 1929 года митрополит Сергий обратился с первым письмом к митрополиту Кириллу, в котором, возражая против его доводов о неправомерности уравнивания прав Заместителя Местоблюстителя с правами Местоблюстителя, писал: "С титулом "Заместителя" произошло у нас то же, что и с титулом "Патриаршего Местоблюстителя". В завещании Святейшего Патриарха говорится только о переходе Патриарших прав и обязанностей, и уже сам владыка митрополит Петр решил именоваться Патриаршим Местоблюстителем, по букве же завещания его титул должен бы быть "Исполняющий обязанности Патриаршего Местоблюстителя", и уже потом за мной установился титул "Заместитель"… Несообразно и мои полномочия определять, играя на ходячем смысле слова "Заместитель". Отстаивая законность учреждения Временного Патриаршего Синода, который митрополит Кирилл сравнивал с самочинным григорианским Временным Высшим Церковным Советом, митрополит Сергий разъяснял, что Временный Высший Церковный Совет был образован "взамен единоличного заместительства", а… "Синод утвержден при Первоиерархе, причем в 1927 году я нарочито оговорил, что наш Синод не имеет полномочий на управление без меня".

Справедливо отмечая каноническую сбивчивость и двусмысленность рассуждения митрополита Кирилла о его отказе литургисать с епископами, единомысленными с митрополитом Сергием, которых он однако не признает лишенными благодати священства, митрополит Сергий писал: "Вы порвали с нами евхаристическое общение и в то же время не считаете ни себя учинившими раскол, ни нас, стоящими вне Церкви. Для церковного мышления такая теория совершенно неприемлема, — это попытка сохранить лед на горячей плите. Из всех видимых связей церковного тела — евхаристическое общение есть самое существенное, настолько, что при его отсутствии остальные связи единства не удержат".

В своем ответе митрополит Казанский продолжал настаивать на различении прав Местоблюстителя и его Заместителя: "Ваши права… только отражение прав митрополита Петра и самостоятельного светолучения не имеют". Своего адресата, ссылавшегося в предыдущем письме на 8 Апостольское правило и 2 правило Антиохийского Собора, митрополит Кирилл обвиняет в "каноническом буквализме": "На основании канонического буквализма, — пишет он, — учредительный обновленческий так называемый Собор 1923 года осудил Патриарха не только на лишение сана, но и монашества. Поэтому не злоупотребляйте, владыко, буквой канонических норм, чтобы от святых канонов не остались у нас просто каноны. Церковная жизнь в последние годы слагается и совершается не по буквальному смыслу канонов". В этом письме митрополит Кирилл осуждает отделившихся от Заместителя Местоблюстителя священнослужителей, которые хулили таинства, совершаемые "сергианами", как безблагодатные, в то же время он упрекает и своего адресата за то, что тот "не осмеливается найти более любовный способ воздействовать на них", чем воспрещать, "несмотря ни на какие просьбы, отпевать умерших в отчуждении от вашего церковного управления".

Митрополит Сергий отвечал на это письмо 2 января 1930 года: "Смысл единоличного заместительства, — писал он, — в том и состоит, что Патриаршая власть всегда остается в Церкви налицо во всем ее объеме. Вы опасались, как бы при неограниченности прав Заместителя у нашей Церкви не оказалось двух глав. В 1922 году, при жизни Святейшего Патриарха, митрополит Агафангел вступил в управление Церковью в качестве его Заместителя, однако, тогда никто не думал о двух главах… Главным мотивом отделения служит наша "Декларация". В ней наши противники, сами не отрицающие обязательности для каждого христианина гражданской верности…, не совсем последовательно увидели заявление не таких же, как они, земных

людей, граждан СССР, а заявление самой Церкви, как благодатного учреждения. Отсюда — критика о подчинении Церкви государству, Царства Божия -царству мира, и даже Самого Христа велиару. Упразднением Синода таких фанатиков не примирить". Митрополит Сергий выразил в письме изумление по поводу упрека в злоупотреблении буквой канонических норм, которое митрополит Кирилл уподобил каноническому буквализму обновленцев: "До сих пор мы думали, что обновленчество и состоит в отказе от руководства канонами, и в частности, осуждение Святейшего рассматривали как самое яркое и наглое нарушение и смысла и буквы канонов".

Вновь указывая Казанскому митрополиту на двусмысленность его позиции в вопросе о церковном общении, митрополит Сергий пишет: "Вы хотите считать наши отношения как бы частным делом, которое других не касается…", но "…не может быть частным делом евхаристический разрыв старейшего митрополита и первого кандидата в Местоблюстители с правящим Заместителем. Вы можете сколько угодно писать о необязательности для мирян разрывать общение с нами, но если Вы порываете, то каждый мирянин может задаться вопросом, не должен ли и он порвать. В результате — великий церковный соблазн и разделение, а достаточных оснований для него по канонам не имеется". Письмо заканчивается предупреждением об увольнении митрополита Кирилла от управления Казанской епархией и предании его церковному суду.

До Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра сосланного в Обдорский край, доходили печальные вести о терзающих Церковь разделениях. 26 февраля 1930 года он писал из зимовья своему Заместителю: "Я постоянно думаю о том, чтобы Вы являлись прибежищем для всех истинно верующих людей… Из всех огорчительных известий, какие мне приходилось получать, самыми огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, в которых возносится Ваше имя… На мой взгляд, чрезвычайных условий жизни Церкви…, необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше заместительство… Я, конечно, далек от мысли, что Вы решитесь вообще отказаться от исполнения возложенного на Вас послушания, — это послужило бы не для блага Церкви… Пишу Вам откровенно, как самом близкому мне архипастырю, которому многим обязан в прошлом и святительской руки которого принял постриг и благодать священства"

В 1928–1929 годах было арестовано большинство "непоминающих" епископов. Лишили свободы и отправили в

ссылку и лагеря митрополита Иосифа, архиепископа Серафима (Самойловича), архиепископа Варлаама (Ряшенцева), епископов Виктора (Островидова), Димитрия (Любимова), Алексия (Буя), Максима (Кижиленко), Илариона (Вельского), Дамаскина (Цедрика), Павла (Кратирова), Сергия (Дружинина), Афанасия (Сахарова). В ссылке оставались митрополит Кирилл, епископ Серафим (Звездинский).

Но отделившиеся от Патриарха "иосифляне" сохранили еще свои легальные приходы в разных епархиях. В Москве в начале 1930–х годов "непоминающие" удерживали за собой Воздвиженскую церковь и Святителя Николая на Ильинке. После закрытия этих храмов у них оставалась просуществовавшая до 1933 года церковь Сербского подворья. В Ленинграде оплотом иосифлян был кафедральный храм Воскресения на Крови. Им принадлежали также соборы Святителя Николая и святого князя Владимира. После закрытия этих церквей последний иосифлянский храм Тихвинской Божией Матери продержался до 1936 года.

Но большая часть иосифлян и других отделившихся от митрополита Сергия группировок "непоминающих" в начале 30–х годов уходит в катакомбы, начинает совершать богослужения и исполнять требы для своих единомышленников тайно. Престолы с антиминсами устраивались в частных домах, в подполье, куда доступ был открыт только хорошо известным, доверенным лицам. Очагами деятельности нелегальных церковных групп стали места ссылки — Сибирь, Урал, Северный Кавказ, а Воронежская и Тамбовская епархии оказались опорой для группировок "буевцев" — сторонников епископа Алексия (Буя). Время от времени, выходя на свободу, "непоминающие" епископы объезжали города и села, посещали единомышленных с ними священников, налаживая деятельность нелегальных церковных общин.

Отделившиеся от митрополита Сергия клирики предлагали митрополиту Кириллу объявить себя Местоблюстителем. На эти предложения он в январе и феврале 1934 года отвечал в письмах неизвестным частным лицам отказом. В первом письме митрополит Кирилл писал: "Только после смерти митрополита Петра или его законного удаления я нахожу для себя не только возможным, но и обязательным активное вмешательство в общее церковное управление… Дотоле же иерархи, признающие своим Первоиерархом митрополита Петра, вознося его имя по чину за богослужением и не признающие законной преемственности Сергиева управления, могут существовать до суда соборного параллельно с признающими".

Во втором, февральском письме митрополит Кирилл

объяснял свою нерешительность "не усталостью от долгих скитаний", а "неполным уяснением окружающего меня и всех нас обстановки". "Необходимость исправляющего противодействия сознается, но общего основания для него нет, и митрополит Сергий хорошо понимает выгоду такого положения и не перестает ею пользоваться. В одном из двух писем ко мне он не без права указывает на эту разноголосицу обращаемых к нему упреков и потому, конечно, не считается с ними". В заключение повторяется двусмысленная оценка благодатности духовенства, находящегося в юрисдикции Заместителя Местоблюстителя: "Таинства, совершаемые сергианами…, являются, несомненно, таинствами, спасительными для тех, кои приемлют их с верою, в простоте, без рассуждения и сомнения в их действительности…, но в то же время они служат в суд и осуждение самим совершителям и тем из приступающих к ним, кто хорошо понимает существующую в сергианстве неправду".

Помимо "непоминающих", отделившихся от митрополита Сергия после издания "Декларации 1927 года", в 1930–е годы сохранялись и группировки обновленцев и григориан, но влияние их резко упало. "Самосвяты" в 1930 году объявили о своем самороспуске. Украинские церковные сепаратисты, на время получившие "автокефалию" от обновленческого Синода, утратили свою эфемерную автокефалию и вновь подчинены были Синоду, во главе которого после смерти престарелого "митрополита" Вениамина (Муратовского), наступившей в 1930 году, стоял лжемитрополит Тульский Виталий (Введенский), епископ старого поставления. Его председательство в обновленческом Синоде было, однако, столь же номинальным и декоративным, как и председательство Вениамина. Реальная власть в обновленческом расколе оставалась в руках другого Введенского, Александра.

В отдельных епархиях возникали локальные церковные группировки, находившиеся в юрисдикции "автокефальных" епископов, не имевших общения с другими архиереями. Так, епископ Андрей (Ухтомский), который в 1917 году прославился своей особенно энергичной поддержкой Временного правительства, объединил вокруг себя ряд приходов Уфимской епархии, отвергавших юрисдикцию Заместителя Местоблюстителя, обновленческого Синода и григорианского Временного Высшего Церковного Совета и в то же время не имевших общения с епископами "непоминающими". В Уфимской епархии в 1932 году так складывалось численное соотношение между общинами разной юрисдикции: 345 приходов в ведении Заместителя Местоблюстителя, 55 — обновленческих, 30 — андреевских, 4 — григорианских и 2 — иосифлянских. За

вычетом локальной андреевской группировки, соотношение это было типично и для других епархий Русской Церкви.

В начале 1932 года Временный Синод вынес постановление о награждении Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, возглавлявшего высшую церковную власть, правом совершать богослужения с предношением Креста, это право усвоено всем Первоиерархам автокефальных и автономных Церквей, правом предношения Креста пользовались Первенствующие члены Святейшего Синода. В 1933 году Члены Временного Патриаршего Синода, входившие в состав этого органа с самого его учреждения, — архиепископы Хутынский Алексий (Симанский), Одесский Анатолий (Грисюк), Ярославский Павел (Борисовский) и Харьковский Константин (Дьяков), были удостоены сана митрополита. В первой половине 30–х годов продолжали совершаться архиерейские хиротонии. Так, в 1930 году во епископа Елабужского был хиротонисан Палладий (Шерстенников), впоследствии митрополит, в 1932 году во епископа Таганрогского — Иосиф (Чернов), позже митрополит, в 1933 году во епископа Коломенского — Сергий (Воскресенский), позже митрополит, в 1935 году во епископа Каширского Алексий (Сергеев), впоследствии архиепископ.

27 апреля 1934 года Синод удостоил Заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия титулом "Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского".

1934 год явился годом обострения террористической Сталинской политики. Резко усилилось давление на Церковь. "Союз воинствующих безбожников", образованный еще в 1925 году, принял в 1932 году свой пятилетний план, в котором намечал в первый год добиться закрытия всех духовных школ (тогда еще сохранились богословские школы у обновленцев), и лишить священнослужителей продовольственных карточек, во второй — провести массовое закрытие церквей, запретить написание религиозных сочинений и "изготовление предметов культа", а на третий год — выслать всех "служителей культа" за границу (в реальной обстановке тех лет "заграница" понималась, конечно, как эвфемизм), на четвертый — закрыть остающиеся храмы всех религий, и, наконец, на пятый — закрепить достигнутые успехи. И вот, в 1934 году возобновлены были массовые закрытия церквей, аресты, высылки, ссылки священнослужителей, членов церковноприходских советов, деятельных прихожан — так называемых "церковников". Места ссылок и лагерей переполняются незаконно репрессированными страдальцами за веру.

В самых тяжких лагерных условиях, в голодных ссылках эти

исповедники оставались несломленными, неотчаявшимися, неозлобившимися, верными Христу, утешителями для своих соузников; они в каторжных лагерях и ссылках сохраняли светлый, исполненный христианской надежды взгляд на мир. Проведший в заключении и ссылках почти все 20–е и 30–е годы вплоть до "исчезновения" в 1937 году епископ Герман (Ряшенцев) в нескольких письмах на волю выразил твердое убеждение в том, что и под покровом видимой вокруг смертоносной борьбы, преступлений, страданий совершается дело Божие. "Мне кажется, — писал он 18 октября 1933 года из арзамасской ссылки, — происходит не только одно разрушение твердыни и того, что для многих святое святых, но происходит очищение этих святынь, их освящение через огонь жестоких испытаний и поверок, разрушение форм, подавляющих своей своеобразной, но часто во многом земной красотой, действительность закованного в них смысла и содержания, образуются новые формы, облегчающие проникновение в них и заполнение именно таким духом и жизнью, какие отрицаются часто их творцами и часто во имя осознанной и преднамеренной борьбы с Ним принципиально отрицаются, чтобы как бы через голгофу уничтожения воскреснуть в силе. Посмотрите, как жизнь фактически стала аскетична, как самоотреченна, небывалое самоотречение становится не исключением, а правилом всякого человека, как необходимо все разрозненное и почти во всех самых разнородных по содержанию областях жизни идет к единству через коллективизм… Вы скажете, но все это не во имя Его, а против Него. Да, это верно. Сейчас все с Его печатью в скорби, в Гефсимании и на Голгофе. Это верно, но так же несомненно, что все усилия и творчество направлены на создание таких форм жизни, какая в своей принципиально идейной части вся Им предуказана, без Него не может быть осуществлена и неминуемо приведет к Нему".

После арестов 1934–1935 годов епископат, находившийся в ведении Заместителя Местоблюстителя, страшно поредел. 18 мая 1935 года Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергий вынужден был распустить Временный Патриарший Синод. После этого управление всеми епархиями Русской Церкви он осуществлял с помощью своего викария епископа Дмитровского Сергия (Воскресенского) и канцелярии, в штаты которой входили один секретарь и одна машинистка.

В 1937 году был расстрелян Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр. Его мирское имя — Петр Федорович Полянский. Он родился в 1863 году в Воронежской губернии. Образование получил в Воронежской семинарии и Московской

академии, по окончании которой был оставлен помощником инспектора. Защитив Магистерскую диссертацию, посвященную пастырским посланиям апостола Павла, он в светском звании проходил административно–педагогическое послушание: служил смотрителем Жировицкого духовного училища, делопроизводителем, а потом членом Учебного Комитета при Священном Синоде. В Учебном Комитете исполнял обязанности ревизора. Много лет проработал под руководством Председателя Учебного Комитета — архиепископа финляндского Сергия (Страгородского). Будущий Глава Русской Церкви принимал участие в деяниях Поместного Собора, состоя в его секретариате.

После учреждения Патриаршества он стал одним из ближайших помощников Святейшего. В 1920 году принял постриг. В том же году был рукоположен во епископа и поставлен на Подольскую викарную кафедру. Отбыв после этого трехлетнюю ссылку, вернулся в Москву и вместе с двумя другими архиереями был включен в Патриарший Синод; после кончины Патриарха Тихона в сане архиепископа Крутицкого митрополит Петр стал Патриаршим Местоблюстителем.

Арестованный 10 февраля 1925 года, он содержался в заключении: вначале в Москве, потом — в суздальском Спасо–Евфимиевском монастыре. В 1927 году был по этапу отправлен в ссылку в прииртышское село Абалацкое, в 50–ти верстах к северу от Тобольска; в том же году его переводят оттуда на дальний север в ненецкое зимовье Хэ, расположенное в 200 верстах от Обдорска. Там он снимал домик у старушки–ненки. Тяжелый северный климат и непривычная еда подорвали его здоровье; последние годы жизни митрополит Петр страдал от грудной жабы. В 1935 году истек срок его ссылки. Ложная весть о его кончине поступила в Патриархию в 1936 году. Между тем в декабре 1925 года он составил завещание, в котором назначал своими преемниками митрополитов Казанского Кирилла, Ярославского Агафангела, Новгородского Арсения и Нижегородского Сергия. Митрополит Агафангел скончался в 1928 году, митрополит Арсений — в 1936 году. В живых остались только митрополиты Сергий и Кирилл, но митрополит Кирилл по–прежнему отбывал ссылку, лишенный возможности возложить на себя завещанное ему послушание. Поэтому 22 декабря 1936 года принят был "Акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего Русской Православной Церкви к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, Блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию Страгородскому", который к этому времени уже в течение 11 лет реально возглавлял Русскую Церковь.

В декабре 1936 года VII Чрезвычайный Съезд Советов издал новую Конституцию СССР, провозгласившую политические и гражданские свободы, в том числе свободу совести, предоставившую равные права всем гражданам, включая "служителей культа". Конституция породила в умах многих людей надежды на прекращение практики незаконных репрессий, на широкую демократизацию общества.

На деле, однако, издание новой Конституции явилось прологом к неслыханному разгулу террора, получившему по имени наркома внутренних дел название "ежовщины"; жертвой репрессий пали миллионы людей, принадлежавших к самым разным общественным слоям носители разных мировоззрений: политические и государственные деятели, военачальники, дипломаты, ученые, литераторы, рядовые крестьяне, рабочие и служащие. Террор 1937 года, который с затуханием продолжался в 1938–39 годы, залил страну кровью.

Новый чудовищный удар нанесен был в эти страшные годы по Русской Православной Церкви.

Пятилетний план "Союза воинствующих безбожников", поставившего своей целью искоренение религий в нашей стране, провалился. Перепись 1937 года, в которую включен был и вопрос о религиозных убеждениях, обнаружила, что 2/3 сельского населения, составлявшего тогда большинство, и 1/3 городского продолжают считать себя верующими. После переписи "Союз воинствующих безбожников", насчитывавший более 5 миллионов членов, был подвергнут чистке, в результате которой из него вышла половина его членов, многие из которых были незаконно репрессированы, отправлены в лагеря и расстреляны.

Для "преодоления религии" выбран был иной метод, считавшийся более надежным, чем пропаганда, — метод репрессий. В одном только 1937 году было закрыто более 8 тысяч церквей. Предлогом для закрытия могло послужить все что угодно, например, то обстоятельство, что на расстоянии менее 1 км от храма находится школа, а чаще всего — арест священнослужителей или кого-либо из членов приходского совета — "двадцатки". Достаточно было обвинения против одного из членов "двадцатки", чтобы общину объявить распущенной.

В 1937 году аресты охватили большую часть духовенства, на этот раз они не миновали и обновленцев. Арестованным, как это принято было тогда, предъявляли самые вздорные, фантастические обвинения: в заговорах, шпионаже, саботаже, терроре. Архиепископа Смоленского Серафима (Остроумова) обвинили в том, что он возглавил банду контрреволюционеров. Подобные обвинения предъявлены были митрополиту

Нижегородскому Феофану (Тулякову), епископу Орловскому Иннокентию (Никифорову). Арестованных епископов чаще всего расстреливали. Так, в 1936–39 годах погибли митрополиты Серафим (Чичагов), Серафим (Мещеряков), Константин (Дьяков), Серафим (Александров), Евгений (Зернов), архиепископ Питирим (Крылов), епископы Варфоломей (Ремов), Никон (Гурлевский), Никон (Лебедев). В 1938 году в застенках НКВД скончался митрополит Анатолий (Грисюк). Погибли и отделившиеся от Заместителя Местоблюстителя архиереи: митрополит Иосиф (Петровых), архиепископ Димитрий (Любимов), епископ Дамаскин (Цедрик).

В 1937 году были расстреляны протопресвитеры Николай Арсеньев и Александр Хотовицкий — в прошлом настоятель и ключарь храма Христа Спасителя в Москве. В лагерях погибли выдающийся богослов и философ священник Павел Флоренский, крупнейший русский патролог профессор Московской духовной академии И. В. Попов, широко известный издатель "Религиозно–нравственной библиотеки" профессор М. А. Новоселов и тысячи менее известных священнослужителей и церковных деятелей.

Подавляющее большинство из тех священнослужителей, которые остались в живых, находились в тюрьмах, лагерях и ссылке. Церковная организация была разгромлена.

В 1939 году из архиереев на своих кафедрах оставались Глава Церкви — митрополит Московский Сергий, митрополит Ленинградский Алексий (Симанский), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), управляющий Новгородской и Псковской епархиями, и архиепископ Дмитровский Сергий (Воскресенский).

Несколько архиереев совершали богослужения как настоятели храмов. Так, епископ Астраханский Андрей (Комаров), уволенный в апреле 1939 года на покой, в октябре того же года был назначен на место приходского священника в город Куйбышев. Вся церковная жизнь Куйбышевской епархии сосредоточена была тогда вокруг одной этой церкви.

К 1939 году во всей России осталось лишь около 100 соборных и приходских храмов. На Украине сохранилось 3% из числа дореволюционных приходов. Во всей Киевской епархии в 1940 году оставалось два прихода с тремя священниками, одним диаконом и двумя псаломщиками, в то время как в 1917 году епархия насчитывала 1710 церквей, 23 монастыря, 1435 священников, 277 диаконов, 1410 псаломщиков, 5193 монашествующих.

В сентябре 1939 года нападением Германии на Польшу началась вторая мировая война. После разгрома Польши потенциальный противник вышел на границы нашего

государства. Над страной нависла грозная военная опасность, которая побуждала к единению, к преодолению вражды и ненависти. В последние предвоенные месяцы давление на Русскую Православную Церковь ослабло, волна репрессий утихла.

После возвращения отторгнутых от России в гражданскую войну территорий — Западной Украины вместе с принадлежавшей до 1918 года Австро–Венгрии Галицией, Западной Белоруссии, Бессарабии, Эстонии, Латвии и Литвы — число приходов, находившихся в юрисдикции Московского Патриархата, многократно увеличилось. К началу Великой Отечественной войны Русская Церковь имела около 4,5 тысяч приходов и 88 монастырей с более, чем 5000 насельников — почти все на Западе страны. Экзархом Украины и Белоруссии в 1940 году был назначен перемещенный на Волынскую кафедру архиепископ Николай (Ярушевич), возведенный впоследствии, в марте 1941 года в сан митрополита Киевского. В марте 1941 года экзархом Латвии и Эстонии стал ближайший помощник Местоблюстителя — митрополит Сергий (Воскресенский), переведенный после смерти митрополита Елевферия на Виленскую кафедру.

VI. Русская Православная Церковь в Великую Отечественную войну

22 июня 1941 года, в день всех святых в земле Российской просиявших, Германия напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война. Во второй раз за XX век Германия вступила в смертельную борьбу с Россией, обернувшуюся для нас новой национальной катастрофой. Но в отличие от 1914 года нашей стране противостояла теперь не Империя Гогенцоллернов, которая принадлежала все-таки христианской Европе, а разбойничий Третий рейх, поправший все Божии и человеческие законы, провозгласивший расизм своей официальной идеологией, стремившийся к истреблению одних и порабощению других народов. Вожди нацистской партии открыто отвергали христианские нравственные ценности и предпринимали мракобесные опыты по возрождению древнегерманского языческого культа.

В своих пропагандистских обращениях к русскому народу гитлеровцы, спекулируя на печальных страницах в советской истории, пытались предстать в облике защитников религии. Но эта демагогия не ввела в заблуждение Местоблюстителя Патриаршего Престола.

Митрополит Сергий в первый же день войны написал и собственноручно отпечатал на машинке "Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви", в котором призвал православный русский народ на защиту Отечества: "Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу… Вспомним святых вождей русского народа Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов… Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным

благословением и предстоящий всенародный подвиг… Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: "Больше *сея* любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя…" (Ин. 14, 13). Нам, пастырям Церкви, в то время, когда Отечество призывает всех на подвиги, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если сверх того молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями на счет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно "ради Иисуса, а не ради хлеба куса", как выражался святитель Димитрий Ростовский. Положим же души свои вместе с нашей паствой… Церковь благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу".

В речи на Архиерейском Соборе 1943 года митрополит Сергий, вспоминая начало войны, говорил: "О том, какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, нам не приходилось задумываться, потому что прежде чем мы успели определить как-нибудь свое положение, оно уже определилось, — фашисты напали на нашу страну, ее опустошали, уводили в плен наших соотечественников, всячески их там мучили, грабили".

12 октября митрополит Сергий написал завещание, в котором на случай своей смерти передавал полномочия Местоблюстителя митрополиту Ленинградскому Алексию (Симанскому). Через неделю после составления Завещания, когда фронт приблизился к сердцу России и над Москвой нависла опасность, Патриархия была эвакуирована в Ульяновск, бывший Симбирск. Она разместилась в маленьком доме на окраине города. Рядом с Главой Русской Церкви находились Управляющий делами Московской Патриархии протоиерей Николай Колчицкий и келейник Местоблюстителя иеродиакон Иоанн (Разумов) (позже митрополит).

Окраина тихого провинциального города стала в годы войны духовным центром России. Сюда, в Ульяновск, к Предстоятелю Русской Церкви приезжали оставшийся в Москве экзарх Украины, митрополит Киевский и Галицкий Николай, архиепископы Можайский Сергий (Гришин) и Куйбышевский Андрей (Комаров), другие архиереи.

В Первосвятительских посланиях к пастве, которые митрополит Сергий рассылал из Ульяновска по церквам России, он обличал оккупантов за их злодеяния, за пролитие невинной

крови, за осквернение и разорение религиозных и национальных святынь. Предстоятель Русской Церкви призывал жителей областей, захваченных врагом, к мужеству и терпению.

24 ноября митрополит Сергий обратился из Ульяновска вместе с митрополитом Киевским и Галицким Николаем, архиепископами Куйбышевским Андреем, Можайским Сергием и архиепископом Ульяновским Иоанном с новым посланием к пастве, в котором развенчал лицемерие нацистской пропаганды: "Гитлеровский молох продолжает вещать миру будто бы он поднял меч "на защиту религии" и "спасение" якобы поруганной веры. Но всему миру ведомо, что это исчадие ада старается лживой личиной благочестия только прикрывать свои злодеяния. Во всех порабощенных им странах он творит гнусные надругательства над свободой совести, издевается над святынями, бомбами разрушает храмы Божии, бросает в тюрьмы и казнит христианских пастырей, гноит в тюрьмах верующих, восставших против его безумной гордыни, против его замыслов утвердить свою сатанинскую власть над всей землей. Православные, бежавшие из фашистского плена, поведали нам о глумлении фашистов над храмами… Всему миру ясно, что фашистские изверги являются сатанинскими врагами веры и христианства. Фашистам с их убеждениями и деяниями, конечно, совсем не по пути за Христом и за христианской культурой. Вот почему прогрессивное человечество объявило Гитлеру священную борьбу за христианскую цивилизацию, за свободу совести и веру… У русских людей, у всех, кому дорога наша Отчизна, сейчас одна цель — во что бы то ни стало одолеть врага".

В пасхальном послании, составленном 2 апреля 1942 года, Первосвятитель раскрыл антихристианскую закваску нацистской идеологии: "Праздник Пасхи празднуем мы, а небо над нами все еще покрыто тучами. Но тьма не победит света, хоть бы на время и заслоняла его. Тем более не победить фашистам, возымевшим дерзость вместо Креста Христова признать своим знаменем языческую свастику. Не забудем слов — "Сим победиши". Не свастика, а Крест призван возглавить христианскую нашу культуру, наше христианское "жительство". В фашистской Германии утверждают, что христианство не удалось и для будущего мирового прогресса не годится. Значит, Германия, предназначенная владеть миром будущего, должна забыть Христа и идти новым путем. За эти безумные слова да поразит праведный Судия и Гитлера и всех соумышленников его".

В 1942 году Московская Патриархия выпустила книгу "Правда о религии в России" предисловие к которой написано Главой Русской Церкви. В нем говорится: "Эта книга есть ответ прежде

всего на "крестовый поход фашистов, предпринятый ими якобы ради "освобождения" нашего народа и нашей Православной Церкви от большевиков". Линия поведения нашей Русской Церкви в отношении фашистского "крестового похода" определяется просто. Фашистский "крестовый поход" уже разразился над нашей страною, уже заливает ее кровью, оскверняет наши святыни, разрушает исторические памятники, изощряется в злодеяниях над безоружным населением…

Ясно, что мы, представители Русской Церкви, даже и на мгновение не можем допустить мысли о возможности принять из рук врага какие-либо льготы или выгоды… Ясно, что Церковь раз и навсегда должна соединить свою судьбу с судьбою паствы на жизнь и на смерть. И это она делает не из лукавого расчета, что победа обеспечена за нашей страной, а во исполнение лежащего на ней долга, как мать, видящая смысл жизни в спасении ее детей".

С патриотическими посланиями к пастве обращались ближайшие сподвижники Местоблюстителя: митрополиты Алексий и Николай. Все страшные дни блокады Митрополит Ленинградский оставался со своей паствой в голодном и холодном городе на Неве.

В начале войны в Ленинграде оставалось 5 действующих православных церквей: Никольский Морской собор, Князь–Владимирский и Преображенский соборы и две кладбищенские церкви. Храмы города были переполнены молящимися и причастниками. Даже в будние дни подавались горы записок о здравии и о упокоении. Температура в храмах опускалась часто ниже нуля. Певчие пели в пальто, в валенках, от голода едва держались на ногах. Из-за несмолкаемого обстрела, от взрывов бомб окна в храмах нередко бывали выбиты воздушной волной, и по церквам гулял морозный ветер. Митрополит Алексий жил при Никольском соборе и служил в нем каждое воскресенье, часто без диакона.

Своими проповедями и посланиями он вливал в души исстрадавшихся питерцев мужество и надежду. В вербное воскресенье в ленинградских церквях было прочитано его архипастырское обращение, в котором он призвал верующих самоотверженно помогать воинам честной работой в тылу: "Победа достигается силой не одного оружия, а силой всеобщего подъема и могучей веры в победу, упованием на Бога, венчающего торжеством оружие правды, "спасающего" нас "от малодушия и от бури" (Пс. 54, 8). И само воинство наше сильно не одною численностью и мощью оружия, в него переливается и зажигает сердца воинов тот дух единения и воодушевления,

которым живет теперь весь русский народ".

По всей стране в православных храмах служились молебны о даровании победы. Ежедневно за богослужением возносилась молитва "О еже подати силу неослабну, непреобориму и победительну, крепость же и мужество с храбростью воинству нашему на сокрушение врагов и супостат наших и всех хитрообразных их наветов…"

В приходах проводился сбор средств на нужды обороны, на подарки бойцам, на содержание раненых в госпиталях и сирот в детских домах. 30 декабря 1942 года митрополит Сергий обратился к пастве с призывом собрать средства на сооружение колонны имени Димитрия Донского. В ответ на призыв Первоиерарха в Московском Богоявленском соборе духовенством и мирянами собрано было более 400 тысяч рублей. Вся церковная Москва собрала свыше 2 миллионов рублей, в блокадном голодном Ленинграде православные собрали один миллион рублей на нужды армии; в Куйбышеве стариками и женщинами было пожертвовано 650 тысяч. В Тобольске один из жертвователей принес 12 тысяч рублей и пожелал остаться неизвестным. Житель села Чебаркуль Челябинской области Михаил Александрович Водолаев написал в Патриархию: "Я престарелый, бездетный, всей душой присоединяюсь к призыву митрополита Сергия и вношу 1000 рублей из своих трудовых сбережений, с молитвой о скорейшем изгнании врага из священных пределов нашей земли". Заштатный священник Калининской епархии Михаил Михайлович Колоколов пожертвовал на танковую колонну священнический крест, 4 серебряные ризы с икон, серебряную ложку и все свои облигации. Всего на танковую колонну собрано было более 8 миллионов рублей. В Новосибирске православные клирики и миряне отдали 110 тыс на строительство самолетов Сибирской эскадрильи "За Родину". В один ленинградский храм неизвестные богомольцы принесли пакет и положили его у иконы святителя Николая. В пакете оказалось 150 золотых десятирублевых монет царской чеканки. Всего за войну по приходам собрано было более 200 миллионов рублей на нужды фронта. Кроме денег, верующие собирали также теплые вещи для солдат: валенки, рукавицы, телогрейки.

Война стоила нашей Родине гибели 25 миллионов ее сынов и дочерей, среди которых были миллионы православных. Русская Церковь потеряла прекрасные храмы, разрушенные артиллерийскими обстрелами, взорванные бомбами; уцелевшие церкви на освобожденных территориях были опустошены, разграблены; святыни осквернены. Уничтожена была вековая

святыня русского народа — Успенский собор Киево–Печерской Лавры. Экзарх Украины митрополит Николай писал: "Нельзя без пронизывающей все внутреннее существо скорби смотреть на груду развалин, высящихся на месте взорванной немцами… Великой Лаврской Церкви, или Успенского собора, созданного в XII веке гением бессмертных строителей… Перед взрывом собора немцы вывозили ценности в крытых грузовиках… Так называемая "Верхняя Лавра" разрушена немцами полностью. Кроме Успенского собора их рукой ограблены и разбиты церкви: Больничная Никольская, Трапезная и все 33 монастырских корпуса".

Особенно страшным разрушениям подверглись храмы в окрестностях Ленинграда. Митрополит Алексий, посетив их после освобождения, писал: "Прекрасный Петергофский собор стоит с разобранными куполами, с которых немцы содрали золотые листы, с разбитыми стенами, зияющими окнами. Говорят, они простреливали из пистолетов иконы в Петергофском соборе. Другие церкви представляют еще более удручающее зрелище. Разбита церковь бывшего Серафимо–Дивеевского подворья, совершенно разрушена кладбищенская церковь в Старом Петергофе. Там собрались, спасаясь от бомбежки, верующие… Теперь как памятник позорного фашистского злодейства лежит на земле огромная груда красных кирпичей, напоенных кровью русских жертв германского зверства". Под сводами разрушенной Троицкой церкви в старом Петергофе погибло свыше 2 тысяч человек.

Немцы взорвали великолепный Воскресенский собор Ново–Иерусалимского монастыря под Москвой. Жители занятых территорий рассказывали, как оккупанты врывались в православные храмы, сбивая замки, в шапках, с сигаретами в зубах и с собаками на поводу; как стреляли в иконостасы, грабили и оскверняли иконы. Во Ржеве перед отступлением немцы согнали всех оставшихся в живых горожан в Покровскую церковь, закрыли храм на засов и заминировали его, чтобы взорвать. Красная Армия, захватив город, освободила ожидавших смерти жителей. Один из них диакон Ф. Тихомиров рассказывал посетившему город митрополиту Николаю о том, что двое суток несчастные оставались без еды и питья, в нестерпимой жажде слизывали грязный снег, падавший в храм через разбитые стекла. Когда митрополит спросил у диакона, как они жили при немцах, тот ответил: "Сначала я вел счет побоям плеткой и каблуками, которым я подвергался за то, что не мог по старости выполнять назначаемой мне тяжелой работы, насчитал 30 избиений, а потом и счет потерял". Священника этого храма Андрея Попова немцы

расстреляли 13 сентября 1942 года на глазах у диакона на паперти. На оккупированных территориях сжигали деревни, убивали стариков, юношей и девушек увозили в Германию для рабского труда на военных заводах.

Архиепископ Красноярский Лука (Войно–Ясенецкий), совершавший в войну одновременно и архиерейское служение и служение врача–хирурга (он был начальником госпиталя в Красноярске), писал тогда: "Германский народ, более тысячи лет считавшийся христианским народом,… явил всему миру, народам — братьям во Христе и народам нехристианским неслыханно страшное лицо варвара, топчущего ногами Святое Евангелие, вторично распинающего Христа".

Целью войны для Гитлера и его приспешников было расчленение нашей страны и порабощение славянских народов. Поэтому в случае победы Германии Православной Церкви, высшей национальной святыни русского народа, грозило жестокое гонение. Но фашистские идеологи прикрывали свою разбойничью войну именем Бога, называли ее крестовым походом. В пропагандистских целях оккупационные власти выдавали разрешения на открытие церквей. Так, в Киевской епархии в 1942 году было открыто 8 монастырей и 318 храмов, в которых служило 434 священника. Но в проведении религиозной политики оккупационные власти исполняли коварное указание Гитлера: "Мы должны избегать, чтобы одна Церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту. Если некоторые деревни в результате захотят практиковать черную магию, как это делают негры или индейцы, мы не должны ничего делать, чтобы воспрепятствовать им. Коротко говоря, наша политика на широких просторах должна заключаться в поощрении любой и каждой формы разъединения и раскола".

В Прибалтике оккупационные власти разрешили митрополиту Сергию (Воскресенскому) сохранить каноническую, но не административную связь с Патриархией, заключавшуюся практически лишь в возношении имени Местоблюстителя за богослужением. Это сделано было из расчета впоследствии, в случае победоносного для Германии окончания войны с большим удобством выселить всех православных из Прибалтики в глубину России.

В Белоруссии оккупационные власти пытались сколотить автокефальную Белорусскую Церковь. Находившемуся на покое в Жировицком монастыре архиепископу Пантелеймону (Рожновскому), который был сторонником сохранения канонического единства с Московской Патриархией и находился

в оппозиции к митрополиту Варшавскому Дионисию (Валединекому), немецкие власти предложили возглавить автокефальную Белорусскую Церковь, потребовав от него не вступать в сношения ни с Москвой, ни с Варшавой. Возглавив Белорусскую Церковь в сане митрополита Минского и Белорусского, Пантелеймон не пошел на разрыв с Предстоятелем Русской Церкви. Поэтому под давлением оккупационных властей, а также из-за интриг сепаратистски настроенного духовенства вынужден был практически отойти от дел. Вскоре он скончался. После него Белорусскую автокефальную митрополию возглавил Филофей (Нарко).

На Украине викарный епископ Владимиро–Волынский Поликарп (Сикорский), в прошлом петлюровский чиновник, опираясь на поддержку оккупационных властей и коллаборационного "землячества Украины", обосновавшегося за пределами Украины — в Польше, объявил себя архиепископом, потом митрополитом Луцким и заодно главой автокефальной Украинской Церкви. Его поддержали епископы Геннадий (Шиприкевич), Мстислав (Скрыпник) - украинские националисты прогерманской ориентации. С оккупационным режимом тесно сотрудничал и возглавивший в 20–е годы Лубенский раскол епископ Феофил Булдовский, который именовал себя "митрополитом".

Большая часть украинской паствы занятых областей находилась, однако, под окормлением так называемой автономной Церкви Украины, которая не порывала канонической связи с Патриархией, хотя автономия ее и не была признана Главой Русской Православной Церкви митрополитом Сергием и Экзархом Украины митрополитом Киевским Николаем Ярушевичем. Во главе этой группировки стоял митрополит Волынский и Житомирский Алексий (Громадский), 8 мая 1943 года убитый националистами, близкими к Поликарпу Сикорскому. В том; же году "самостийниками" и сторонниками Поликарпа Сикорского убит был еще один архиерей автономной Церкви — епископ Владимиро–Волынский Мануил (Тарновский).

Каноническое общение с Патриархией сохранили на оккупированной Украине скончавшийся 1 ноября 1942 года на покое в схиме в Киево–Печерской Лавре схиархиепископ Антоний (князь Абашидзе), епископы Полтавский Вениамин (Новицкий), Ковельский Иоанн (Лавриенко), Луцкий Иов (Кресович). Большая часть духовенства Украинской Автономной Церкви была настроена патриотически; многие священники даже оказывали помощь партизанам.

Оккупационный режим поддерживал автокефалистов во главе

с Поликарпом (Сикорским). Священников, не желавших подчиняться ему, обвиняли в связях с Красной Москвой, чинили им препятствия в совершении богослужений. Генерал–комиссар Днепропетровска приказал арестовывать священников, не желавших подчиняться ставленнику Поликарпа "профашистскому" епископу Геннадию (Шиприкевичу). Когда клирики стали выходить из юрисдикции Поликарпа (Сикорского), генерал–губернатор Кох издал приказ, запрещавший православным священнослужителям менять юрисдикцию. Митрополит Киевский Николай в своих архипастырских посланиях Украинской пастве обличал похитителя церковной власти епископа Поликарпа Сикорского, предостерегал пастырей от общения с ним, призывал их хранить верность Матери–Церкви и Родине.

28 марта 1942 года с посланием к "архипастырям, пастырям и пасомым в областях Украины, пока еще занятых гитлеровскими войсками", обратился митрополит Сергий. В послании говорится: "…С переходом западных областей Украины и Белоруссии в состав России епископ Поликарп остался на службе у нас, то есть фактически отказался от польской автокефалии и признал Московскую Патриархию своим законным священноначалием. Если все это сделано епископом Поликарпом неискренно, только для вида, с целью укрыться от церковного суда и от наказания за принадлежность к польской автокефалии, вина епископа Поликарпа усугубляется, а равно и следующее ему наказание, "яко солгавшему и обманувшему Церковь Божию" (13 Апостольское правило). За все время службы у нас епископ Поликарп не предъявлял мне никаких обвинений, которые оправдали бы его канонический разрыв со мною. И только теперь, когда преступный разрыв уже совершился и я указал на эту преступность, епископ Поликарп заговорил о моем самозванстве, в которое, думается, и сам в душе не верит. Значит, отказ епископа Поликарпа от подчинения Патриархии и мне, как ничем канонически не оправдываемый, является прямым нарушением 15 правила Двукратного Собора и угрожает осужденному "лишением всякого священства". Тожу же взысканию подлежит епископ Поликарп и за самозванное присвоение себе не принадлежащего ему звания архиепископа Луцкого и звания главы Украинской Церкви и за злостное вторжение в области, ему не подчиненные, и за связанный со всем этим целый клубок канонических нарушений… Особую злостность задуманного предприятия составляет то, что его исполнители вторгаются на Украину намеренно вслед за немцами; пока те будут неистовствовать над невооруженными людьми и громить хозяйственную и культурную

жизнь украинцев, они будут громить вековой церковный строй, насаждая автокефалию. По 8 правилу святого Григория Неокессарискогo изменники христианства, участвовавшие вместе с варварами в ограблении христианских селений, в случае покаяния не принимаются даже в разряд кающихся впредь до особого о них суждения на Соборе… За все вышеизложенное епископ Поликарп по совокупности подлежит… лишению сана и монашества с исключением из духовного звания… По действующим у нас правилам обвиняемый в преступлениях, угрожающих таким наказанием, должен быть в виде предсудебной меры запрещен в священнослужении… О таковом запрещении епископа Поликарпа я и объявляю настоящим своим посланием".

Собор архиереев, съехавшихся 28 марта в Ульяновск, своим "Определением" признал заключение Местоблюстителя канонически правильным и утвердил его, объявив: "Если (чего мы не желаем) епископ Поликарп, "впадая в суд диаволь" пренебрежет запрещением, признать епископа Поликарпа лишившим себя сана и монашества и всякого духовного звания с самого момента им запрещения".

22 сентября 1942 года митрополит Сергий запретил священнослужение митрополиту Литовскому Сергию (Воскресенскому), который вместе с другими православными епископами оккупированной Прибалтики поздравлял Гитлера с военными успехами. Поведение митрополита Сергия (Воскресенского) объяснялось, очевидно, не его приверженностью фашизму, а политическим расчетом, стремлением сохранить легальную церковную организацию. По словам очевидца, митрополит Сергий (Воскресенский) говорил близким ему людям: "Не таких обманывали…, а этих колбасников обмануть нетрудно". Перед отступлением немецких войск из Прибалтики он начал готовить приходы к неизбежным переменам, но 30 апреля 1944 года был убит на дороге в своем автомобиле.

В декабре 1942 года, после решительного перелома на фронтах второй мировой войны, митрополит Сергий от лица Русской Православной Церкви обратился к румынским пастырям и православному румынскому народу, втянутому в войну с единоверной Россией, с призывом отречься от пагубного союза с Германией: "Неужели и теперь, когда война склоняется к концу, явно плачевному для Гитлера, Румыния все еще будет нести тяжкое бремя подневольного союза с Гитлером и продолжать воевать с русским народом, с которым румыны связаны узами христианского братства?"

Грозная опасность, нависшая над самим существованием

нашего государства, необходимость всенародного единения для победы над врагом, патриотическая позиция Русской Церкви побудили Советское правительство к изменению религиозной политики. Начали открываться приходы, закрытые в 30–е годы; многие из оставшихся в живых священнослужителей были осюбождены из лагерей и смогли возобновить служение в храмах. Возобновились архиерейские хиротонии. В 1942 году были хиротонисаны предварительно постриженные в монахи вдовые протоиереи: Сергий Городцев (в монашестве и епископстве Варфоломей), Владимир Градусов (в монашестве Димитрий), Николай Чуков (епископ Григорий). В советской печати практически прекратилась антирелигиозная полемика. Журналы, издаваемые "Союзом воинствующих безбожников", перестали выходить за недостатком бумаги, и даже сам Союз прекратил свое существование без его официального роспуска. Были закрыты и некоторые антирелигиозные музеи. Свидетельством признания патриотических заслуг духовенства со стороны Правительства явилось назначение митрополита Киевского Николая членом Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко–фашистских захватчиков и их сообщников.

31 августа 1943 года Глава Русской Церкви митрополит Сергий возвратился из Ульяновска в Москву, от которой к тому времени фронт откатился далеко на Запад. Вскоре в столицу прибыл и митрополит Ленинградский Алексий. 4 сентября митрополиты Сергий, Алексий и Николай были приглашены в Кремль для встречи с Председателем Совнаркома И. В. Сталиным. Состоялась беседа, в которой принял участие и заместитель Главы Правительства В. М. Молотов. Беседу начал Молотов. Он сказал, что Правительство хочет знать нужды Церкви. В одной из современных публикаций воспроизводится описание этой беседы, сделанное А. Э. Красновым–Левитиным, который о содержании ее мог узнать со слов митрополита Николая. "Митрополит (Сергий — В. Ц.) заговорил спокойно, слегка заикаясь, деловым тоном человека, привыкшего говорить о серьезных вещах с самыми высокопоставленными людьми. Когда Сталин был семинаристом, митрополит Сергий был уже в сане епископа, ректором Петербургской духовной академии. Митрополит указал на необходимость широкого открытия храмов, количество которых совершенно не удовлетворяет религиозные потребности народа. Он также заявил о необходимости созыва Собора и выборов Патриарха. Наконец, он заявил о необходимости широкого открытия духовных учебных заведений, так как у Церкви отсутствуют кадры священнослужителей. Здесь Сталин

неожиданно прервал молчание: "А почему у вас нет кадров?" — спросил он, вынув изо рта трубку и в упор глядя на своих собеседников. Алексий и Николай смутились…, всем было известно, что кадры "перебиты" в лагерях. Но митрополит Сергий не смутился. Старик ответил: "Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится Маршалом Советского Союза". Довольная усмешка тронула уста диктатора. Он сказал: "Да, да, как же. Я семинарист. Слышал тогда и о Вас". Затем он стал вспоминать семинарские годы… Сказал, что мать его до самой смерти сожалела, что он не стал священником. Разговор диктатора с митрополитом принял непринужденный характер. Затем после чаепития началась деловая беседа, затянувшаяся до трех часов ночи. В ней, помимо Сталина и Молотова, участвовали также технические эксперты. Беседу эту можно назвать в полном смысле этого слова исторической… В тот момент, после десятилетий террора, направленного против Церкви, новый порядок являлся, несомненно, прогрессивным шагом, так как означал возможность легального существования Православной Церкви. В конце беседы престарелый, больной митрополит был страшно утомлен… Сталин, взяв митрополита под руку, осторожно, как настоящий иподиакон, свел его по лестнице вниз и сказал ему на прощание следующую фразу: "Владыко! Это все, что я могу в настоящее время для Вас сделать". И с этими словами простился с иерархами.

Архиерейский Собор состоялся 4 дня спустя после беседы в Кремле — 8 сентября 1943 года. В деяниях Собора, проходившего в здании Патриархии, участвовало 19 архиереев: митрополиты Сергий, Алексий и Николай, архиепископы — Горьковский Сергий (Гришин), Красноярский Лука (Войно Ясенецкий), Рязанский Алексий (Сергеев), Казанский Андрей (Комаров), Ярославский Иоанн (Соколов), Уфимский Стефан (Проценко), Саратовский Григорий (Чуков), Куйбышевский Алексий (Галицын), Можайский Варфоломей (Городцев), Калининский Василий (Ратмиров), Сарагульский Иоанн (Братолюбов), епископы Калужский Питирим (Свиридов), Кировский Вениамин (Тихоницкий), Ростовский Елевферий (Воронцов), Моло товский Александр (Толстопятое) и Ульяновский Димитрий (Градусов). Некоторые из них доставлены были в Москву из лагерей и ссылок.

Митрополит Сергий выступил на Соборе с докладом о патриотическом служении Церкви в Великую Отечественную войну. Первоочередным делом Собора было избрание Патриарха. Слово взял митрополит Алексий: "Уже давно среди нас,

епископов, — сказал он, — зрел вопрос о том, что необходимо довершить строительство церковное настоящим возглавлением Православной Русской Церкви — Святейшим Патриархом. Владыка митрополит Сергий в течение 17 лет фактически несет обязанности Патриарха. Я думаю, что этот вопрос бесконечно облегчается для нас тем, что у нас имеется уже носитель Патриарших полномочий, поэтому я полагаю, что никто из нас, епископов, не мыслит себе другого кандидата, кроме того, который положил столько трудов для Церкви в звании Патриаршего Местоблюстителя". Предложение было встречено единодушным одобрением.

В ответ на свое избрание митрополит Сергий сказал: "Это избрание меня Патриархом будет продолжением того служения, которое пало на меня много лет назад, но теперь оно делается более ответственным, потому что сопровождается такой необычайной почетностью, которая требует и необычайного исполнения этого служения. Я благодарю за то, что вы остановились на мне и вручаете мне продолжение служения в новом звании. Прошу у всех молитв и всяческого содействия".

Собор архиереев избрал Священный Синод Русской Православной Церкви, членами которого стали митрополиты Ленинградский Алексий и Киевский Николай, архиепископы Куйбышевский Алексий, Горьковский Сергий, Красноярский Лука, Ярославский Иоанн. Собор вынес также постановление с осуждением коллаборационистов: "Всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана".

19 сентября состоялась интронизация Патриарха в кафедральном Богоявленском соборе.

В слове, произнесенном на торжестве интронизации, архиепископ Саратовский Григорий сказал: "Радовалась Русская Православная Церковь, когда 26 лет назад на пустовавший со времени Петра Великого Патриарший Престол был избран святитель Тихон. Засияла тогда наша Церковь полнотой своей жизни. Но недолго судил Господь Святителю Тихону править Русской Церковью: скоро взял его к Себе Господь. И снова не стало Патриарха, и снова осиротела Русская Церковь. Но Господь незримо хранит Свою Церковь: не стало на Патриаршей кафедре Патриарха, но преемственно стали управлять ею Местоблюстители Патриаршего Престола. И в сознании всех верующих русских людей Православная Русская Церковь по–прежнему осталась Патриаршей. Не пошли русские православные люди за обновленцами, григорианами, иосифлянами,

автокефалистами и другими самочинными собраниями, которые возглавили властолюбивые епископы и их приспешники, но пошли туда, где правил Православной Церковью Местоблюститель Престола Патриарха Тихона — сначала митрополит Петр, а потом до последних дней Блаженнейший митрополит Сергий. Тяжелый крест выпал на долю митрополита Сергия, скорбен был его путь, которым пришлось идти ему — второму Местоблюстителю: и епископы не все признавали его, и в народе враги Церкви старались возбудить против него злые слухи. Но он — глубоко убежденный православный канонист — твердо отмежевался от всякой нелояльной в отношении государства работы, на которую толкали его некоторые из собратий–епископов. Он помнил слова Христа: "Воздадите кесарево кесарю, а Божье Богу…" Горько было Блаженнейшему Сергию переживать эти испытания, тяжело ему было слышать укоризны со стороны непонимавших характера его деятельности, обвинения в пассивности, якобы в бездействии. Но он глубоко верил, что Церковью правит Господь… Наступила Великая Отечественная война со всеми ее ужасами. Блаженнейший Сергий сразу, в первый же день объявления войны, призвал всех верующих русских людей к самоотверженной борьбе с вероломным и жестоким врагом… Красуйся же и радуйся, Православная Русская Церковь! Ты получила мудрого, твердого и любвеобильного Архипастыря и Отца, усердного и проникновенного молитвенника и великого патриота".

В самый день избрания Патриарх Сергий обратился к пастве с посланием, в котором сосредоточил внимание на нестроениях, омрачавших церковную жизнь: "Теперь же у нас требоисправление сделалось главным делом. Ради него собственно и приглашается священник, а это влечет за собой коренную перемену в отношении к служению священника. Ищут часто не духовного отца, а хорошего чтеца или певца. Неудивительно, если таким путем в среду пастырей проходят лица совсем без пастырского призвания. Был же, говорят, в Средней Азии случай, когда уполномоченные прихода пригласили на пасхальную службу человека, не стеснявшегося заявлять, что он ни во что не верует. Едва ли нужно прибавлять, что под прикрытием хорошего чтения или пения в священство проникают и совсем никем не рукоположенные люди или рукоположенные какими-нибудь безблагодатными раскольниками".

После избрания Патриарха сделаны были дальнейшие шаги на пути нормализации взаимоотношений между Православной Церковью и Советским Правительством. 8 октября 1943 года был образован Совет по делам Русской Православной Церкви при

Совнаркоме СССР. В его компетенцию входило содействие в установлении связей между Правительством и Московской Патриархией. Председателем Совета стал Г. Г. Карпов.

Важнейшей заботой Патриарха было замещение архиерейских кафедр, большинство из которых вдовствовало.

В течение одного года состоялось несколько архиерейских хиротоний. Так были посвящены во епископа Пензенского — Кирилл (Поспелов), во епископа Дмитровского — Иларий (Ильин), во епископа Нежинского — Борис (Вик). На кафедры назначались также архиереи, освобожденные из мест лишения свободы, возвращавшиеся из ссылок. Так, на Астраханскую кафедру в декабре 1943 г. был поставлен вернувшийся на свободу один из старейших по хиротонии иерархов — архиепископ Филипп (Ставицкий), на Ставропольскую — архиепископ Антоний (Романовский).

Крайне сложным делом было устроение канонически нормальной церковной жизни в областях, пострадавших от оккупации, где при немцах образовывались расколы и самочинные отделения и где часть духовенства скомпрометировала себя сотрудничеством с врагом. Особая заслуга в налаживании церковной жизни на освобожденных территориях принадлежит новому экзарху Украины — митрополиту Киевскому Иоанну (Соколову), который сменил переведенного из Киева на Крутицкую кафедру митрополита Николая. По всей стране открывались новые приходы, а священников катастрофически не хватало.

Для подготовки кандидатов священства по поручению Патриарха Сергия архиепископ Саратовский Григорий (Чуков) разработал проект восстановления духовного образования в России. Планировалось в ближайшее время в Москве открыть Православный Богословский Институт, а в епархиальных городах — Богословско–пастырские курсы.

В сентябре 1943 года возобновилось издание "Журнала Московской Патриархии". Редактором журнала стал сам Патриарх, а в редакционную комиссию вошли митрополиты — Московский Алексий, Киевский Николай и архиепископ Горьковский Сергий (Гришин). Ответственным секретарем редакции был назначен настоятель московского святителя Николая в Кузнецах протоиерей А. П. Смирнов.

После своей интронизации Святейший направил известительные грамоты Патриархам: Константинопольскому Вениамину, Александрийскому Христофору, Антиохийскому Александру и Иерусалимскому Тимофею. Взаимоотношения с Православными Церквами Востока приобрели более широкий и

интенсивный характер.

На повестке дня стояла нормализация отношений с Грузинской Православной Церковью, отделения которой в 1917 году не признал Поместный Собор. В результате переговоров со священноначалием Грузинской Православной Церкви, которые от лица Московского Патриархата вел архиепископ Антоний (Романовский), 10 ноября 1943 года было восстановлено молитвенно–каноническое общение между Церквами.

Для консолидации церковной жизни необходимо было установление внутрицерковного мира, преодоление расколов и разделений в российской пастве. В октябре 1941 года Александр Введенский, устранив от возглавления обновленческой церкви "митрополита" Виталия (Введенского), усвоил себе титул "Святейшего и Блаженнейшего Первоиерарха". Самозванный "Первоиерарх" вместе с уволенным на покой "митрополитом" Виталием Введенским и обновленческой канцелярией были эвакуированы в Ульяновск. Нормализация отношений между Православной Церковью и государственной властью привела к тому, что обновленческие приходы начали стремительно таять. К середине войны полный крах обновленчества стал очевидным.

Обновленческие архиереи, осознавшие это, искали пути к возвращению в Православную Церковь. Лжеепископ Звенигородский Сергий (Ларин) в 1943 году вступает в конфиденциальные переговоры с Киевским митрополитом Николаем об условиях, на которых могут быть воссоединены обновленцы. Сергий готов был пожертвовать Александром (Введенским), чтобы обновленческие священнослужители воссоединялись в сущем сане, хотя и с пожизненным запрещением женатых епископов. Когда о переговорах этих стало известно самозванному Первоиерарху, он перевел Сергия Ларина из Москвы в Ташкент. Переговоры заглохли. По отношению к кающимся обновленцам Патриарх Сергий выбрал не чуждую икономии, но твердую линию. В сущем сане принимались епископы, пресвитеры и диаконы, получившие сан до 1923 года, когда обновленцы были запрещены Патриархом Тихоном, если они не утратили права на священнослужение через вступление в брак после хиротонии. А лжесвященники и лжеепископы обновленческого поставления принимались мирянами или в том сане, которого удостоились до уклонения в раскол. 5 ноября 1943 года на заседании Священного Синода принято было покаяние от находившегося на покое обновленческого "архиепископа" Михаила (Постникова). Свое покаяние, подписанное собственноручно, присоединяемый прочитал вслух и вручил Патриарху: "Я, обновленческий архиепископ Михаил Постников,

рождения 1878 года, исповедую Господу Иисусу Христу и Пречистой Его Матери и всем святым и Тебе, Святейший Владыко, и здесь присутствующим архипастырям мой великий грех уклонения от Единой Святой Православной Церкви в раскол обновленческий… Ни на какие чины, полученные как награды, я не претендую, я только смиренно прошу принять меня в общение со Святой Православной Церковью, причем заявляю, что всякое сношение с обновленчеством я порываю. Прости меня, Святейший Владыко, и благослови, и вкупе с прочими архиереями помолитеся о мне грешном". Святейший Патриарх прочитал над кающимся разрешительную молитву и возложил на него архиерейскую панагию. Воссоединенный с Православной Церковью епископ Михаил (Постников) был назначен на Архангельскую кафедру.

4 декабря 1943 года к Православной Церкви был присоединен бывший обновленческий "Первоиерарх" Виталий (Введенский), получивший назначение на Тульскую кафедру. Обновленческого архиепископа Звенигородского Андрея (Расторгуева), по принесении покаяния, воссоединили в сане протоиерея, который он имел до отпадения в раскол, и назначили настоятелем московского храма Воскресения в Сокольниках. Обновленческий епископ Сергий (Ларин) был воссоединен простым мирянином, но вскоре после этого получил уже православное поставление во епископа.

К 1944 году в обновленчестве оставалось лишь несколько честолюбцев — пастырей, покинутых своим образумившимся стадом. Не принес покаяния перед Матерью Церковью Александр Введенский. В письме епископу Александру (Толстопятову), написанном за несколько дней до кончины, 20 апреля 1944 года, Патриарх Сергий писал: "А. И. Введенский, по–видимому, собирался совершить нечто грандиозное, или, по крайней мере, громкое. Прислал мне приветственную телеграмму: "Друг Друга обымем!" Меня называет представителем религиозного большинства в нашем Православии, а себя — представителем меньшинства. А закончил какой-то арлекинадой, подписался Первоиерархом, доктором богословия и доктором философии. Я ответил: "Введенскому А. И. Воистину Христос Воскрес! П. С." А. И. Введенский умер в расколе с Церковью 26 июля 1946 года от паралича.

С Православной Церковью воссоединяются и немногочисленные священнослужители из григорианского раскола. Григорианский епископ Фотий (Тапиро) принес покаяние еще до избрания Патриарха, 12 июля 1943 года, и был поставлен после этого на Краснодарскую кафедру.

14 мая 1944 года Патриарх Сергий совершил в Ризоположенском, храме хиротонию во епископа Можайского архимандрита Макария (Даева). Вечером он обсуждал с управляющим делами Патриархии протоиереем Н. Ф. Колчицким вопросы, связанные с предстоящим заседанием Синода. Святейший проснулся 15 мая в 6 часов. Но когда в 6 часов 50 минут его келейник архимандрит Иоанн (Разумов, впоследствии митрополит) вошел в спальню, он застал Святейшего бездыханным. Врач определил смерть от кровоизлияния в мозг.

18 мая 1944 года Патриарх Сергий был погребен в Никольском приделе Богоявленского патриаршего собора. На отпевание Первосвятителя к собору стеклись многотысячные толпы православного народа. Храм был заполнен молящимися и оплакивающими почившего Патриарха. Народ запрудил все пространство, примыкающее к собору. Чин погребения возглавил митрополит Московский Алексий. Ему сослужили митрополиты Николай, Иоанн, 8 архиепископов и епископов и сонм пресвитеров.

В надгробном слове, произнесенном перед отпеванием, митрополит Алексий сказал: "В муках скорби глубокой и тяжкой стоим мы у гроба Святейшего Отца нашего и Патриарха и провожаем дух его "в путь всея земли"… Церковь Православная скорбит об утрате его! Он весь принадлежит Церкви Божией. С самых юных лет он отдал ей все свои силы, все свои дарования и до конца был верен этому служению… Когда Промысл Божий поставил его во главе православной русской паствы, тогда во всей полноте раскрылись его пастырские дарования, и он подлинно стал Отцом и мудрым Кормчим для самих пастырей и архипастырей… На короткое время судил ему Господь воспринять высокое звание Патриарха Московского и всея Руси, главы Церкви Российской, как бы для того только, чтобы дать ему полноту славы церковной в воздаяние его великих заслуг церковных… Господь сподобил его величайшего дара — тихой, безболезненной, мирной кончины и призвал его в дни, когда Церковь духовно празднует торжество жизни над смертью, когда она воспевает победную песнь: "Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав", и мы веруем, что земной подвиг его будет увенчан Господом нетленным венцом блаженства в вечных обителях".

Патриарх Сергий (в миру Иван Николаевич Страгородский) родился в Арзамасе в семье потомственного священника в 1867 году. Род Страгородских издревле принадлежал духовному сословию. При Екатерине II епископ Сильвестр Страгородский занимал Крутицкую кафедру. Мать будущего Патриарха умерла в

молодости, вскоре после рождения сына, и мальчик рос сиротой. Самые ранние воспоминания его связаны с Алексеевским женским монастырем, где его тетка — мать Евгения — была монахиней, а потом игуменией. На восьмом году мальчика отдали в приходское училище, а по окончании его — в Нижегородскую семинарию.

В 1886 году Иван Страгородский поступил в Петербургскую духовную академию. На последнем курсе академии 30 января 1890 года принял постриг и вскоре был рукоположен в иеромонаха. Сокурсник Патриарха архиепископ Варфоломей (Городцев) вспоминал: "Действительно яркой звездою… курса был Страгородский Иван Николаевич… Он с первых же дней заявил себя внимательным отношением к так называемым семестровым сочинениям, вдумчиво прочитывал нужные книги, для чего часто посещал Публичную библиотеку, слушал лекции и на экзаменах давал блестящие ответы… Еще на третьем курсе он начал усердно изучать творения святых отцов Церкви и знакомиться с мистической литературой… Под влиянием отеческой и аскетической литературы в сердце Ивана Николаевича стало зреть и крепнуть желание принять монашество, и он еще студентом решил поехать в Валаамский монастырь, чтобы опытно изведать подвижническую жизнь иноков этого строгого по уставу монастыря… Он… очень любил творения Тихона Задонского, Феофана Затворника… В беседах он и меня звал в монашество: "Оставь, — говорил он, — мертвых погребать своих мертвецов".

Кандидатскую диссертацию "Православное учение о вере и добрых делах" он писал под руководством профессора А. Л. Катанского, и в 1880 году закончил академию первым из 47 кандидатов–магистрантов.

Ректору академии он подал прошение направить его на службу в Японскую Православную Миссию. В Японии он служил под началом святого равноапостольного Николая. Исключительные лингвистические способности миссионера (он превосходно знал греческий, латинский, еврейский и новые европейские языки) позволили ему за несколько месяцев овладеть японским. С осени 1891 года он уже преподавал догматическое богословие в семинарии на родном для учащихся языке.

Весной 1893 года иеромонах Сергий был переведен в Россию и назначен доцентом Петербургской духовной академии по кафедре Священного Писания. В том же году его переместили на должность инспектора Московской духовной академии, а в 1894 году назначили настоятелем Русской посольской; церкви в Афинах с возведением в сан архимандрита.

В 1895 году архимандрит Сергий защитил магистерскую диссертации "Православное учение о спасении". Основная мысль этой замечательной работы — о тождестве добродетели и блаженства, нравственного совершенства спасения. Развивая православную сотериологию, архимандрит Сергий подвергает критике "юридическую доктрину" с ее понятием заслуги, получающей должное воздаяние в вечной жизни. По мысли автора диссертации, верно истолковавшего святоотеческое учение, спасение начинается в земной жизни и состоит в изменении тварной природы, совершаемом Божественной благодатью, действующей в согласии с человеческой волей и приводящей в обожению тварного бытия. Сотериологические воззрения Патриарха Сергия оказали заметное влияние на выдающегося догматиста нашего века В. Н. Лосского.

В 1899 году архимандрит Сергий был назначен ректором Петербургской духовной семинарии, вскоре после этого переведен в Петербургскую духовную академию, вначале инспектором, а в январе 1901 года назначен ректором.

25 февраля 1901 года в Свято–Троицком соборе Александро–Невской Лавры состоялась его хиротония во епископа Ямбургского. Чин хиротонии возглавил митрополит Петербургский Антоний (Вадковский). Редкий случай — на хиротонии присутствовал дедушка посвящаемого. При своем наречении во епископа архимандрит Сергий произнес речь, замечательную по провидческой глубине мысли: "Внешняя обстановка епископского служения, — сказал он, — может быть весьма разнообразна. Епископы могут быть в почете и богатстве, могут пользоваться обширными гражданскими правами и преимуществами, но могут быть и в полном бесправии, нищете и даже в гонении. Все это зависит от причин случайных и внешних, от государственного положения христианства, от народных и общественных обычаев… С изменением этих внешних причин может измениться и внешняя обстановка. Но само епископское служение в его сущности, в том настроении, какое требуется от епископа, всегда и всюду остается одним и тем же апостольским служением, совершается ли оно в великом Царьграде или в ничтожном Сасиме… Истинный пастырь постоянно, в ежедневном делании своем "душу свою полагает за овцы", отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать своей жизнью и даже душой своей ради Церкви Христовой, ради духовного благополучия своего стада". В должности ректора епископ Сергий был добрым и справедливым начальником, к студентам относился по–отечески. Всегда ровный, спокойный, он благотворно действовал на воспитанников своей

ласковой приветливостью. Ученик Святейшего Патриарха по Петербургской академии, архиепископ Фотий (Тапиро) вспоминал: "Каждый вечер после учения в академической церкви в присутствии Преосвященнейшего ректора владыки Сергия прочитывались молитвы на сон грядущий. После этого владыку окружала тесная семья студентов, и он долго и любовно беседовал с ними, назидая, научая, наставляя простыми и понятными словами, предупреждая юношей от увлечений и соблазнов столичного города, убеждая не сходить с церковного пути и беззаветно отдать себя на служение Церкви Православной и родному народу. Студенты ценили эти отеческие беседы своего ректора и платили нелицемерной преданностью и любовью".

Годы ректорства были не только временем административно–педагогической, но и научно–богословской деятельности. В периодической духовной печати появился ряд статей епископа Сергия, главным образом посвященных разбору и критике инославных исповеданий. В последние годы ректорства епископ Сергий был назначен председателем Синодальной комиссии по старокатолическому и антипапскому вопросам. Замечательной страницей в его архипастырской деятельности явилось председательство в "Религиозно–философских собраниях", которые способствовали сближению православного духовенства с религиозно настроенной интеллигенцией. Во время русско–японской войны и начавшейся в ее разгар революции епископ Сергий говорил встревоженным студентам: "Да, Российская империя может быть сметена надвигающимися событиями, но Церковь погибнуть не может".

6 октября 1905 года епископ Сергий был назначен на самостоятельную Финляндскую и Выборгскую кафедру с возведением в сан архиепископа. Обстановка в Финляндии была сложной, финская интеллигенция стремилась насаждать среди православных карел финскую культуру и в Православной Церкви видела препятствие для проведения "финизации". Архиепископ финляндский Сергий вынужден был обратиться к генерал–губернатору Финляндии с просьбой оградить православных карел от насильственной финизации. Много внимания он уделял развитию приходской жизни и школьному делу в своей епархии.

В 1911 году архиепископ Сергий был включен в состав Святейшего Синода. Он руководил важными синодальными учреждениями: был председателем Особого совещания по вопросам внутренней и внешней миссии, председателем Совещания по исправлению церковно–богослужебных книг, с 1912 года назначен председателем Предсоборного совещания, с 1913 года — председателем Учебного комитета.

После отречения императора Николая II архиепископ Сергий возглавил Синод нового состава и Предсоборный Совет. В 1917 году голосами клириков и мирян он был выбран на Владимирскую кафедру. На Поместном Соборе 1917 года архиепископа Сергия избрали членом Священного Синода, а после интронизации Патриарха Указом Святейшего он был возведен в сан митрополита. В годы гражданской войны митрополит Сергий подвергался неоднократным арестам. Жизненный путь Патриарха Сергия омрачен эпизодом его присоединения к обновленческому расколу в 1922 году, в чем он уже на следующий год принес слезное покаяние перед Святейшим Патриархом Тихоном.

В конце 1925 года он возглавил Русскую Церковь в звании Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. На этом высоком посту ему, по словам М. Каллаша, "приходилось сталкиваться как с противодействием очень честных людей, так и с темными интригами церковных авантюристов. Если первые не понимали, не способны были вникнуть до конца в смысл мероприятий Главы Церкви, то вторые, движимые самыми корыстными побуждениями, заинтересованы были только в одном: использовать до конца во вред Патриаршей Церкви, с одной стороны, напряженную атмосферу революционной борьбы, а с другой — возбужденное событиями, сбитое с толку и панически настороженное настроение верующих. В атмосфере этого хаоса пришлось действовать святителю Сергию многие годы. Приходилось бороться с наиболее тягостным явлением — демагогией отдельных представителей клира. И чем "возвышеннее" звучали призывы самых искренних из них, но не способных понять, что они таким путем губят главное: единство и целостность Церкви, тем крепче должна была действовать власть Главы Церкви в смысле духовно–дисциплинарных мероприятий, сколь бы ни казались эти мероприятия взволнованным и не понимающим положения дел группам верующих суровыми и несправедливыми". Проявляя твердость по отношению к упорствующим, святитель Сергий скорбел об их ожесточении и, главное, никогда не снимал вины с самого себя. Когда после издания известной "Декларации 1927 года" часть епископата пошла на разрыв с ним, то при получении первого известия о разразившихся нестроениях он жестоко укорял себя: "Что я наделал! Что я наделал!"

В 1934 году, по предложению митрополита Алексия, Заместитель Место блюстителя определением Патриаршего Синода был удостоен титула "Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского".

Тяжкие скорби выпали на долю Главы Русской Церкви в страшные 30–е годы, когда православные пастыри разделили судьбу своего народа и подвергались жестоким преследованиям: в 1937 году был арестован и вскоре расстрелян келейник митрополита Сергия Афанасий, тогда же погибла и его сестра. Надежда оставалась только на Бога.

Когда до митрополита Сергия дошла весть о начале войны, он, помолившись, сказал находившимся возле него: "Господь милостив, и покров Пресвятой Девы Богородицы, всегдашней Заступницы Русской земли, поможет нашему народу перенесть годину тяжелых испытаний и победоносно завершить войну нашей победой".

Проживая в Ульяновске и получая там вести из Москвы от митрополита Алексия, он говорил: "Вот нам-то хорошо здесь и покойно, а вот им-то там каково, находясь в руках у смерти". Келейник Патриарха архимандрит Иоанн (Разумов) так вспоминал о его жизни в Ульяновске: "Владыко взял себе за правило вставать в 5 часов утра, вычитывать положенное иноческое правило, посещать все церковные богослужения и ежедневно читать Святую Библию на трех языках. Это занятие Святейший называл "Библейский урок"… В 9 часов легкий завтрак, после которого начинался прием посетителей… до обеда; в 3 часа скромный обед, после которого… небольшой отдых; немного отдохнув, Святейший внимательно разбирал почту. На письма он отвечал сам, ни одного письма не оставив без ответа. Покончив с корреспонденцией, Святейший принимался за газеты. Он всегда был в курсе всех политических событий. Затем приступал к вечернему правилу, каждый день вычитывал дневные службы по Октоиху и Минеям, если сам лично не служил всенощного бдения в храме. Углубившись в молитву, Святейший часто забывал об ужине и, утомленный молитвенным подвигом, спокойно ложился спать, чтобы подкрепить силы. Каждую ночь вставал в 3 часа и вычитывал "12 избранных псалмов" с поклонами. Так строго день за днем проходила светлая жизнь Ангела Русской Церкви".

После своей интронизации на Престол Московских Первосвятителей Патриарх Сергий произнес слово, в котором подчеркнул особую важность своего нового служения: "В моем положении по внешности как будто ничего не изменилось с получением Патриаршего сана. Фактически я уже в течение 17 лет несу обязанности Патриарха. Это так кажется только по внешности, а на самом деле это далеко не так. В звании Патриаршего Местоблюстителя я чувствовал себя временным и не так сильно опасался за возможные ошибки. Будет, думал я,

избран Патриарх, он и исправит допущенные ошибки. Теперь же, когда я облечен высоким званием Патриарха, уже нельзя говорить о том, что кто-то другой исправит ошибки и сделает недоделанное, а нужно самому поступать безошибочно, по Божией правде, и вести людей к вечному спасению…"

Почитатель Патриарха Сергия В. Н. Лосский писал о нем после его кончины: "До конца времен Церковь сохранит память великого святителя, наряду с другими именами, которые знает каждый христианин. Когда умер Василий Великий, его друг и сотрудник святитель Григорий Богослов мог сказать: "Все было велико в тебе, великий Василий, одно лишь было мало: всего только 8 лет ты был епископом Кесарии". То же можно сказать о почившем возглавителе Русской Церкви. Все было велико в жизни великого Сергия, который всего лишь несколько последних месяцев своего епископского служения носил сан Патриарха Московского и всея Руси. Но как Патриарший Местоблюститель он почти 18 лет управлял Русской Церковью. Старый мир, мир византийских традиций, восходивших к Константину Великому, тот мир, который казался многим миром самого христианства, внезапно распался до основания, и на его месте возникал новый мир, вне христианства, но не вне Божией воли, определяющей исторические судьбы. Чтобы руководить церковной жизнью в столь исключительных условиях, в Москве — столице нового государства, в центре строящегося нового мира, надо было обладать непоколебимой верой в богоустановленность Церкви".

"Путь святителя Сергия на протяжении почти 20–летнего управления им Русской Церковью был неизмеримо труден, — писал через два года после кончины Патриарха М. Каллаш, — но он все трудности преодолел, вынес все испытания. В его личности сочеталось богатство самых разнообразных дарований, обычно взаимно исключающих друг друга, и таких же душевных качеств. Он был и отвлеченный мыслитель–богослов, духом устремленный к вечности Царствия Божия, и большой ученый с широкой и разнообразной эрудицией, с редкостным пониманием поворотных моментов человеческой истории. При пленительной доброте и мягкости души обладал он несокрушимой волей. Он не испытывал растерянности там, где многие и многие видели ужас последнего крушения. И потому оказался он на высоте в труднейшей роли не только руководителя, но и воссоздателя Русской Церкви…"

В день кончины Патриарха Сергия было вскрыто его завещание, составленное в начале Великой Отечественной войны. В согласии с волей почившего Первосвятителя Священный Синод утвердил Местоблюсти телем Патриаршего Престола

митрополита Ленинградского Алексия.

20 мая Местоблюститель направил письмо Председателю Совнаркома. "Нашу Православную Церковь, — говорится в этом письме, — постигло тяжелое испытание: скончался Патриарх Сергий, 18 лет управляющий Русской Церковью. Вам хорошо известно, с какой мудростью он нес это трудное послушание; Вам известна и его любовь к Родине, его патриотизм… С его кончиной Церковь наша осиротела. По завещанию почившего Патриарха мне судил Бог принять на себя должность Патриаршего Местоблюстителя… В предстоящей мне деятельности я буду неизменно и неуклонно руководиться теми принципами, которыми отмечена была церковная деятельность почившего Патриарха: следование канонам и установлениям церковным, с одной стороны, и неизменная верность Родине и возглавляемому Вами Правительству нашему — с другой".

Продолжалась Великая Отечественная война, и в своем первом послании к пастве новый глава Церкви призвал верующих усилить молитвы о победе: "Мы переживаем время, когда Господь дарует нам утешение видеть близость победы нашего оружия над врагом. Усилим, братие, нашу молитву о небесной помощи нашему воинству; усилим нашу, хотя малую, как капля в море, но если она дается от искреннего сердца, — действенную помощь на нужды военные".

В послании, с которым митрополит Алексий обратился к Церкви 22 июня 1944 года, он писал: "Три года тому назад разбойничий натиск немецкого племени на наши священные пределы открыл новую эпоху славы нашего доблестного воинства и нашего исстари победоносного оружия…" В конце послания говорится: "Мы же по–прежнему будем молиться, да падет пред силой нашего воинства "тысяща и тьма" сопротивных, и да сокрушится неправда, дерзнувшая посягнуть на свободу и честь нашей Родины. Пусть наших доблестных и победоносных вождей и воинов, освобождающих нашу русскую землю, осеняет в их победном шествии на Запад, на полное разрушение лукавых козней врага, на разгром фашизма эта молитва и это благословение Церкви". "Господь крепость людям Своим даст и во время, Им представленное, благословит люди Своя победою и миром. Аминь". По призыву Местоблюстителя в епархиях и приходах Русской Церкви начат был сбор пожертвований в фонд помощи детям и семьям воинов.

После кончины Патриарха Сергия внутренняя жизнь Русской Церкви нуждалась в дальнейшем устроении. Первостепенной по важности заботой Священноначалия было замещение вдовствующих кафедр, в особенности в освобожденных областях

Украины, Белоруссии и Прибалтики. За время местоблюстительства митрополитом Алексием было совершено 16 архиерейских хиротоний. В 1944 году во епископа Симферопольского был рукоположен бывший архимандрит Александро–Невской Лавры Иоасаф (Журманов), на Брестскую кафедру был назначен воронежский протоиерей Алексей Павлович Образцов с пострижением его в монашество и наречением имени Паисий. На кафедру епископов Владимирских был назначен священник Н. Сфестинатов, в постриге нареченный Онисимом. На Смоленскую кафедру Священноначалие поставило вдового протоиерея А. В. Смирнова, постриженного с именем Сергия.

Во всех епархиях продолжали открываться закрытые ранее приходы (с января по ноябрь 1944 года было открыто более 200 церквей); рукополагались пресвитеры и диаконы. Мысль Патриарха Сергия о возобновлении духовного образования в России была наконец осуществлена. В Москве открылись Богословский институт и Богословско–пастырские курсы.

С 21 по 23 ноября 1944 года в здании Московской Патриархии заседал Собор епископов, главной целью которого была подготовка Поместного Собора. С отчетным докладом выступил Патриарший Местоблюститель. В этом докладе он сформулировал основные принципы церковного управления, которыми руководствовался сам во все время своего служения: "Церковное управление твердо дотоле, доколе мы остерегаемся переступать через рубеж правил церковных, коль скоро переступим однажды по какому-нибудь произвольному рассуждению, то уже трудно будет определить, где предел, далее которого нельзя идти". Митрополит Алексий сделал также доклад о патриотической деятельности Русской Православной Церкви. Архиепископ Саратовский Григорий (Чуков) посвятил свой доклад проекту "Положения об управлении Русской Православной Церковью". С сообщением о состоянии подготовки к открытию духовных школ выступил назначенный ректором Православного Богословского Института протоиерей Т. Д. Попов. Отчет о деятельности редакции "Журнала Московской Патриархии" сделал ее ответственный секретарь протоиерей А. П. Смирнов. Собор заслушал также доклад управляющего делами Московской Патриархии протоиерея Н. Ф. Колчицкого о порядке избрания и чине настолования Патриарха. Архиерейский Собор утвердил программу предстоящего Поместного Собора.

24 ноября состоялась встреча между Председателем Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме Г. Г. Карповым и членами Архиерейского Собора. Выступая на

этой встрече, Карпов сказал: "Те явления, которые сейчас происходят в жизни Церкви, во взаимоотношениях между Церковью и государством, не представляют чего-то случайного, неожиданного, не носят временного характера, не являются тактическим маневром, как пытаются представить это дело некоторые недоброжелатели, или как это иногда выражается в обывательских рассуждениях. Эти мероприятия вытекают из той тенденции, которая наметилась еще до войны и которая получила свое развитие во время войны. Эти мероприятия… носят характер одобрения той позиции, которую Церковь заняла в отношении Советского государства в последнее десятилетие перед войной и в особенности во время войны". Слова Г. Г. Карпова не были обманом, они выражали основной принцип новой религиозной политики государственной власти, которая продолжалась около 15 лет после войны. Изменение этой политики произошло уже при новом государственном руководстве. 18 лет после кончины Патриарха Тихона Престол Московских Первосвятителей оставался вдовствующим. От кончины его преемника Патриарха Сергия до созыва нового Поместного избирательного Собора прошло всего 8 месяцев.

VII. Русская Православная Церковь в послевоенные годы

Поместный Собор открылся 31 января 1945 года в храме Воскресения в Сокольниках. В деяниях Собора участвовало 47 епископов, и среди них митрополиты: Алексий, Николай, Иоанн, Вениамин (Федченков) - митрополит Северной Америки и Аляски, 87 клириков, 38 мирян.

Собор 1945 года далеко превзошел Собор 1917 — 1918 годов по авторитетности и числу гостей от братских Православных Церквей. На Собор в Москву пожаловали: Александрийский Патриарх Христофор, Антиохийский Патриарх Александр III, Грузинский Католикос–Патриарх Каллистрат, представители Вселенского Патриарха — митрополит Фиатирский Германос, Иерусалимского — митрополит Севастийский Афинагор; делегация Сербской Церкви во главе с митрополитом Скоплянским Иосифом, делегация Румынской Церкви во главе с епископом Аржешским Иосифом.

После торжественного молебна Собор открыл его Председатель -Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Алексий. "По величию собрания и по составу собравшихся, — сказал он, — это поистине Вселенский Собор, ибо здесь, можно сказать, вся Православная Святая Соборная Апостольская Церковь. Но мы смиренно ограничиваем свои полномочия и будем обсуждать и решать дела лишь своей Русской Православной Церкви".

Главными задачами Собора Местоблюститель назвал утверждение "Положения об управлении Русской Православной Церковью" и избрание Патриарха. С приветствиями к членам Собора обратились Патриарх–Католикос Каллистрат, почетные гости из-за рубежа. С докладом о патриотической деятельности Церкви во время Великой Отечественной войны выступил митрополит Алексий. Доклад архиепископа Псковского Григория (Чукова) был посвящен проекту "Положения об управлении Русской Православной Церковью", основные идеи которого сформулировал блаженнопочивший Патриарх Сергий. В прениях по докладу выступили епископ Кировоградский Сергий (Ларин), ректор Богословского Института — профессор протоиерей Т. Д. Попов, профессор Г. П. Георгиевский.

Краткое "Положение", единогласно утвержденное Собором, заменило развернутые определения Собора 1917/18 годов, касавшиеся отдельных инстанций церковной власти. Новое

"Положение" резко подчеркивало иерархический строй церковного управления, возвышая в сравнении с "Определениями" предыдущего Собора полномочия Патриарха, епархиальных архиереев и настоятелей приходов. Сроки созыва Поместных и Архиерейских Соборов "Положением" не регламентировались. Созыв Поместного и Архиерейского Соборов предоставлялся Патриарху или Синоду под председательством Местоблюстителя. По Положению Собора 1945 года Местоблюститель Патриаршего Престола не избирался, а им становился после кончины Патриарха старший по хиротонии постоянный член Синода. По 24 статье "Положения" епархиальный архиерей назначался указом Патриарха, само же избрание, о котором "Положение" умалчивает, совершалось на практике Синодом. Вместо епархиального собрания и епархиального совета, предусмотренных "Определениями" Поместного Собора 1917–1918 годов, по "Положению" при епархиальном архиерее мог состоять епархиальный совет "там, где таковой будет архиереем образован", — иными словами, учреждение его предоставлялось усмотрению архиерея. В "Положении" ничего не говорится о благочиннических собраниях и о благочиннических советах, упразднялась и введенная на предыдущем Поместном Соборе выборность благочинных. Настоятель прихода, по "Положению", должен был стоять во главе приходского собрания, являясь председателем и приходского собрания, и приходского совета. Назначался он архиереем и был ответственным перед ним. На настоятеля возлагалось попечение не только о религиозно–нравственной жизни общины, но и о ее хозяйственной деятельности, ответственность за правомерный расход приходских средств.

Второе и последнее заседание Поместного Собора состоялось 2 февраля. На нем управляющий делами Московской Патриархии протоиерей Н. Ф. Колчицкий огласил телеграмму от Патриарха Константинопольского Вениамина: "Радостно приветствую начало деяний Священного Избирательного Собора. Великая Церковь Христова благословляет, желает полного успеха. Да совершит Господь Бог святое дело Собора для блага и славы сестры — Российской Церкви". Протоиерей А. К. Станиславский выступил с приветствием от лица членов предыдущего Поместного Собора.

Важнейшим деянием второго заседания Собора явилось избрание Патриарха. Архиереи, облачившись в мантии, один за другим, начиная от младшего по хиротонии, подавали от себя и от лица клириков и мирян своих епархий голос за кандидата на Патриарший Престол. Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий единогласно был избран Патриархом

Московским и всея Руси. После пения "Тебе Бога хвалим" и возглашения многолетия избраннику Собора старший по хиротонии архиерей — архиепископ Астраханский Филипп (Ставицкий) сказал: "Теперь по древнерусскому православному обычаю прими от нас, дорогой избранник, наш земной поклон с горячим молитвенным пожеланием долгие годы украшать Христову Церковь, нести великий и ответственный подвиг свой бодро, мужественно, с верой в воздаяние…"

Поместный Собор обратился с посланием к архипастырям, пастырям и верным чадам Русской Православной Церкви, в котором, наряду с радостными явлениями в церковной жизни, обратил внимание и на омрачающие ее недуги: нарушения богослужебного устава, вступление христиан в гражданский брак без церковного благословения, нехранение постов, причем не только мирянами, но и клириками, пренебрежение освященным традицией говением перед причастием, падение церковной дисциплины.

В обращении к христианам всего мира Поместный Собор призвал к единству в достижении победы над фашизмом. Война еще продолжается, но "исход войны уже решен, и никто и ничто изменить его не может". Всем стало ясно, "чьи молитвы, подобно Авелевой жертве, вознеслись ко Господу, и чьи кощунственные призывы стелются по земле, как дым от костра братоубийцы Каина…" "Православная Русская Церковь, Церковь великой страны, принявшей основной удар кровавого фашизма и в схватке с ним нанесшей ему смертельную рану… обращается к вам, братья христиане, чтобы вместе с нами напрягли свои усилия к завершению священной борьбы". В заключении "Послания" говорится: "Поместный Собор шлет благословение трудящимся всего мира и вождям народов, которые пекутся о благосостоянии и улучшении жизни меньших братьев", — в такой форме Собор выразил свою озабоченность социальными проблемами.

Интронизация Патриарха состоялась 4 февраля 1945 года в кафедральном соборе Москвы. Митрополит Киевский Иоанн, вручая Патриарху куколь, произнес слово: "Быть кормчим Русской Церкви в переживаемое нами время, в период великих мировых событий — это подвиг исключительного значения. На твои рамена возлагается величайшее бремя. Дай Бог, чтобы дух Святейшего Сергия, витающий в этом святом храме, почил на тебе обильно и помогал бы тебе быть истинным хранителем апостольских преданий и вести неуклонно корабль нашей Церкви по избранному почившим пути во славу Божию и во благо нашей дорогой Родины".

Вручая Патриарху жезл, митрополит Крутицкий Николай

тоже напомнил о преемственности Первосвятительского служения: "Русский верующий народ видит на тебе сияние света незабвенного старца Патриарха Сергия, благословившего тебя замещать его после кончины до избрания нового Патриарха: ведь ты в течение 18 лет разделял с ним бремя высшего управления Церковью, как любящий и любимый им, его старший по хиротонии в ряду других епископов сын. И мы верим, что Святейший Патриарх Сергий и ныне незримо благословляет тебя на твой высокий, ответственный путь служения Церкви".

На Божественной литургии, во время запричастного стиха, было оглашено первое послание Патриарха к чадам Русской Церкви: "Что есть Патриарх для паствы своей и какое бремя на него возлагается? — Патриарх есть живой и одушевленный образ Христа, делом и словом в себе самом наглядно выражающий Истину. Задачею его является сохранение в благочестии и святости тех, кого он принял от Бога. Цель его — спасать вверенные ему души. Подвиг его — жить во Христе и для мира быть распятым. Долг Патриарха — хранить неизменность и неприкосновенность церковного учения, священных канонов и преданий церковных; охранять вверенную ему поместную Церковь от разделений и расколов; насаждать доброе житие в своей пастве; иных "страхом спасать", иных, по Апостолу, "обличать", "запрещать", "да всяко некий спасутся". Архипастырей Патриарх призвал быть истинными молитвенниками. "Если архипастыри имеют долг наблюдать за тем, чтобы порученные их попечению пастыри делали свое пастырское дело не как наемники, не радеющие о стаде, а как истинные пастыри, "готовые душу свою положить за овцы своя…", то и пастыри… молитвенным настроением, неленостным исполнением своего долга, исканием "не гнусной корысти" (1 Пет. 5, 2–3), а спасения своих пасомых, должны подавать верующим добрый пример служения Христу и Его Церкви". Обращаясь к мирянам, Первосвятитель призвал их словами Апостола "поступать достойно звания, в которое вы призваны" (Еф. 4, 1)… "Вы — утешение наше,… если жизнь свою направляете по пути христианскому, если честно и совестливо несете свои обязанности — семейные, общественные, гражданские".

10 апреля 1945 года состоялась встреча Патриарха Алексия, которого сопровождали митрополит Николай и протопресвитер Н. Ф. Колчицкий, с главой Правительства И. В. Сталиным. На встрече обсуждались вопросы, связанные с патриотической деятельностью Церкви на завершающем этапе Великой Отечественной войны, расширением сети духовно–учебных заведений и церковно–издательской деятельностью.

9 мая, получив первое известие о капитуляции Германии, Патриарх Алексий обратился к пастве со словами радости о победе русского оружия: "Мы уверенно и терпеливо ждали этого радостного дня Господня, дня, в который изрек Господь праведный суд Свой над злейшими врагами человечества, и православная Русь после беспримерных бранных подвигов… ныне предстоит Господу сил в молитве, благодарно взывая к самому источнику побед и мира за Его небесную помощь в годину брани, за радость победы и за дарование мира всему миру".

Победа в Великой Отечественной войне, освобождение порабощенных народов Балкан от немецкой оккупации открывала возможность для упрочения братских сношений с Сербской, Румынской, Болгарской и Греческой Церквами. Благодаря посредничеству Патриарха Алексия пало средостение, разделявшее Болгарскую Церковь и Константинопольскую Патриархию. 21 февраля 1945 года Вселенский Патриарх Вениамин вместе с Синодом рассмотрел просьбу новоизбранного главы Болгарской Церкви — митрополита Софийского Стефана о снятии отлучения с болгарского клира и народа и признании болгарской автокефалии и уважил эту просьбу. С этих пор возобновилось каноническое общение Болгарской Церкви со Вселенским Православием.

В апреле 1945 года в Болгарию отправилась делегация Русской Церкви во главе с архиепископом Псковским Григорием; визит содействовал укреплению братских уз между единоверными и единокровными славянскими народами.

Одновременно в Югославию отправлена была другая церковная делегация во главе с епископом Кировоградским Сергием (Лариным). Во время пребывания в Югославии епископа Сергия с Патриаршей Церковью воссоединилась большая группа русских священников–эмигрантов, находившихся ранее в юрисдикции Карловацкого Синода.

Встреча епископа Сергия с сербскими иерархами проложила путь к передаче Мукачевско–Пряшевской епархии (без Пряшева) Русской Православной Церкви. Это событие состоялось 22 октября 1945 года. Оно было обусловлено как историей Закарпатья, которое в древности входило в состав Киевской Руси, так и тем обстоятельством, что по договору с Чехословакией, освобожденной Советской Армией, Карпатская Русь была возвращена нашему государству. На Мукачевскую кафедру был поставлен епископ Уманский Нестор (Сидорук).

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны в октябре 1945 года в Чехословакию для восстановления там православных приходов был командирован архиепископ

Орловский Фотий (Тапиро). Начались переговоры между Сербской и Московской Патриархией о передаче Чешской епархии в юрисдикцию Русской Церкви. В марте 1946 года Архиерейский Собор Сербской Церкви дал согласие на то, чтобы Московская Патриархия направила в Прагу епископа для возглавления Чешской епархии.

5 апреля 1946 года в Пряшеве состоялся Собор представителей униатского духовенства и мирян, на котором решено было воссоединиться с Православной Церковью. После этого Экзархат Русской Православной Церкви в Чехословакии имел уже 4 епархии. Осенью 1951 года в Праге состоялся церковный Собор под председательством Экзарха митрополита Елевферия, на котором было решено ходатайствовать перед Патриархией о даровании Чехословацкой Церкви автокефалии. Ходатайство было удовлетворено. Первоиерархом новой Поместной Церкви стал митрополит Елевферий (Воронцов).

В июне 1948 года в Москву прибыла делегация Польской Православной Церкви во главе с архиепископом Белостокским и Вельским Тимофеем (Шретером). Делегация просила Патриарха Алексия принять Польскую Церковь в молитвенно–каноническое общение, которое прекратилось четверть века назад из-за самочинного отделения епископов Польши от Матери–Церкви. 22 июня Священный Синод издал акт, по которому Польская Церковь принималась в общение и одновременно ей была дарована автокефалия. Митрополит Варшавский Дионисий (Валединский), восстановив общение с Московской Патриархией, ушел на покой. Первым главой автокефальной Польской Православной Церкви стал митрополит Макарий (Оксиюк).

30 апреля 1957 года Священный Синод признал автономию Финляндской Православной Церкви — дочери Русской Церкви — и ее принадлежность Константинопольскому Патриархату.

12 мая 1945 года в Румынию отправилась делегация Русской Церкви во главе с епископом Кишиневским Иеронимом. Эта поездка была особенно необходима потому, что румынский народ вовлечен был в братоубийственную войну против единоверного русского народа.

22 мая 1945 года впервые за всю историю России Патриарх Московский отправился в паломничество на Святую Землю. Среди лиц, сопровождавших Святейшего в этой поездке, были митрополит Крутицкий Николай, архиепископ Тульский Виталий, протопресвитер Н. Ф. Колчицкий. Православные арабы встречали гостей из Москвы с ликованием. Патриарх Иерусалимский Тимофей, приветствуя гостя, сказал: "Эту счастливую встречу двух Патриархов во всечестном храме Воскресения Христова

принимаем как дар Божий. Это первый раз, когда Российский Патриарх приезжает как поклонник Живоносного гроба Господня. За это мы от всего сердца благодарим Бога". Патриарх Алексий поклонился святыням Иерусалима и его окрестностей, побывал на Масличной горе в Гефсимании. Из Палестины русская церковная делегация направилась в Кипр, где состоялась встреча с Александрийским Патриархом Христофором. В Александрии Патриарх Алексий был гостем русской колонии. В день Вознесения Господня состоялось принятие александрийской православной общины в юрисдикцию Московской Патриархии. Во время поездки по Ближнему Востоку Патриарх Алексий посетил Бейрут и Дамаск, беседовал с Патриархом Антиохийским Александром III, выпускником Киевской духовной академии, верным другом России, прекрасно знавшим русский язык. Из Сирии Патриарх возвратился в Москву, а сопровождавший его митрополит Николай отправился в Англию, где встречался с королем Георгом VI, архиепископом Кентерберийским и с эмигрантской русской общиной. Важнейшей заботой священноначалия в первые послевоенные годы было окончательное преодоление внутренних расколов. В 1945–46 годы последние обновленческие приходы переходят в ведение Патриархии. В Москве позже всех принесли покаяние перед Матерью–Церковью клирики храма преподобного Пимена Великого. Под омофор Патриарха возвращаются и многие из тех, кто отделился от Патриархии после издания знаменитой "Декларации 1927 года". Епископ Афанасий (Сахаров), имевший особенно высокий авторитет среди оставшихся в живых "непоминающих" клириков, находясь тогда кратковременно на свободе, узнав об избрании и интронизации Патриарха Алексия, вместе со своим духовником иеромонахом Иераксом поздравили Святейшего и просили принять их в общение. Своим пасомым епископ Афанасий писал: "Помимо Первоиерарха Русской Церкви никто из нас — ни миряне, ни священники, ни епископы — не может быть в общении со Вселенской Церковью. Не признающие своего Первоиерарха остаются вне Церкви, от чего да избавит нас Господь".

В послевоенные годы от прежних "непоминающих" в отделении от Церкви осталось несколько малочисленных подпольных общин, называвших себя "истинно православными христианами", главным образом, в Воронежской и Тамбовской епархиях, на Северном Кавказе и в Казахстане.

Еще в марте 1945 года была преодолена эстонская схизма; во время немецкой оккупации митрополит Эстонский Александр (Паулус) нарушил клятву верности Московской Патриархии,

данную 30 марта 1941 года, и самочинно отделился от Матери–Церкви. Для упразднения раскола в Таллинн был направлен архиепископ Псковский Григорий (Чуков). 6 марта в Никольском храме Таллинна состоялось воссоединение с Русской Православной Церковью Эстонской Церкви, вошедшей в нее на правах епархии. Ее возглавил архиепископ Павел (Дмитровский). Из богослужебной практики Эстонской епархии устранены были новшества, заимствованные у протестантов: пение гимнов, органная музыка.

Важнейшим событием церковной жизни 1946 года явился Львовский Собор. Во время Великой Отечественной войны часть униатского духовенства скомпрометировала себя сотрудничеством с оккупационным режимом. Греко–католическая иерархия была связана с сепаратистским оуновским движением, которое возглавил Степан Бендера. В результате многие священнослужители–униаты, в том числе и епископы, подверглись репрессиям. Часть униатского духовенства была репрессирована за действительную связь с сепаратистским оуновским движением, многие пострадали невинно.

По инициативе униатского священника Гавриила Костельника, в мае 1945 года во Львове образовалась инициативная группа униатского духовенства. Во главе группы стояли также священники Антоний Пельвецкий и Михаил Мельник. К марту 1946 года группа насчитывала уже 986 священников. Целью ее было упразднение унии и воссоединение греко–католиков с Православной Церковью. В канун Собора руководители инициативной группы воссоединились в Киеве с Матерью–Церковью. Во Владимирском соборе Киева была совершена хиротония иеромонаха Антония Пельвецкого во епископа Станиславского и иеромонаха Михаила Мельника — во епископа Самборско–Дрогобычского.

Львовский Церковный Собор открылся 8 марта. В нем участвовало 216 священников и 19 мирян. Председательствовал протопресвитер Гавриил Костельник. Собор возглавил Экзарх Украины митрополит Киевский Иоанн, епископ Львовский и Тернопольский Макарий (Оксиюк), епископ Мукачевский и Ужгородский Нестор (Сидорук), а также новохиротонисанные епископы Антоний и Михаил. Собор вынес постановление: "Церковная уния была навязана нашему народу в XVI столетии римско–католической шляхетской Польшей, как мост, ведущий к колонизации и латинизации нашего украинского и белорусского народа; …в теперешней нашей ситуации, когда, благодаря героическим подвигам и славной победе Советского Союза, все украинские земли объединены и украинский народ стал хозяином

на всех своих землях, было бы неразумно в дальнейшем поддерживать униатские тенденции… Исходя из этих положений, Собор постановил отменить постановления Брестского Собора 1596 года, ликвидировать унию, отойти от Рима и возвратиться в нашу отцовскую Святую Православную веру и Русскую Православную Церковь". Воссоединение униатского духовенства состоялось в храме святого Юра 9 марта. Миллионы мирян, тысячи священнослужителей через три с половиной века после насильственного отторжения от Православия вернулись в лоно Матери–Церкви.

Главный деятель воссоединения протопресвитер Гавриил Костельник родился в 1886 году. Происходил он из бачванских (югославских) русин. Образование получил на богословском факультете Загребского университета, во Львовской духовной академии и на философском факультете во Фрейбурге, где его удостоили докторской степени. Это был превосходно образованный богослов, церковный историк, философ и поэт. В сан пресвитера он был рукоположен в 1913 году и с тех пор священствовал во Львове до 1930 года, состоял профессором Львовской Богословской академии. Изучение творений Святых Отцов убедило его в том, что Православие хранит в неповрежденной чистоте веру Древней Церкви. Свои богословские воззрения Костельник высказывал в печатных трудах, и в 1930 году был за это лишен профессорской кафедры. Хотя его лишили возможности публиковать свои работы, посвященные критике католической доктрины, в 30–е годы он написал большую часть своих богословских трудов. У отца Гавриила сложилось твердое убеждение в богословской несостоятельности и беспочвенности унии, в ее антицерковной и антинациональной природе и в неизбежности ее гибели. После окончания войны протопресвитер Гавриил Костельник сразу же приступил к великому делу воссоединения украинских греко–католиков с Православной Церковью–Матерью. Ревностные труды по укреплению церковного единства в Галиции он продолжил и после Львовского Собора.

20 сентября 1948 года великого поборника Православия настигла месть врагов Церкви. Он был убит возле храма Преображения, в котором только что совершил Божественную литургию, своей кровью запечатлев верность Вселенскому Православию.

Через три года после Львовского Собора состоялся Собор униатского духовенства в Ужгороде, в результате которого с Православной Церковью воссоединились униаты Закарпатья. Воссоединенная епархия слилась с расположенной на той же

территории Мукачевской епархией. Так уния прекратила свое легальное существование в пределах СССР.

Одни из бывших греко–католиков Галиции и Закарпатья с искренним убеждением воссоединились с единокровными братьями в лоне Православной Церкви, к которой искони принадлежали их предки, другие же присоединились не по убеждению, а по обстоятельствам времени, ввиду запрета на легальное существование Униатской церкви, или не придавая особой важности вероисповедным различиям между Православием и Католицизмом, либо по соображениям оппортунистического характера. Горстка униатов осталась вне Православной Церкви.

Большая заслуга в деле созидания вероисповедного единства украинского народа принадлежит митрополиту Киевскому и Галицкому Иоанну. Его мирское имя — Иван Александрович Соколов. Он родился в семье диакона в 1877 году, богословское образование получил в Перервинском духовном училище и в Московской семинарии. По окончании семинарии учительствовал в начальной школе при Угрешском монастыре. В 1901 году принял священство. В 1912 году священник Иоанн Соколов заочно закончил Институт археологии, защитив диссертацию на тему: "Об особенностях богослужебных чинов Русской Церкви до XVII века по крюковым и нотным книгам". Овдовев в 1915 году, отец Иоанн продолжал священствовать в Москве в трудные годы мировой и гражданской войн и послевоенной разрухи.

В 1928 году он принял постриг и тогда же был хиротонисан в викарного епископа Московской епархии; впоследствии занимал Брянскую, Вологодскую и Архангельскую кафедры. Но в 1939 году вынужден был оставить архиерейское служение. В начале войны Преосвященный Иоанн оказался в Ульяновске, возле Главы Русской Церкви — Патриаршего Местоблюстителя. Там он вступил в управление Ульяновской епархией, в 1942 году был переведен в Ярославль, а в 1944 году, после назначения митрополита Николая на Крутицкую кафедру, был возведен в сан митрополита Киевского и назначен Экзархом Украины.

Ему предстояло много потрудиться над умиротворением верующего украинского народа и устроением церковной жизни на Украине, расстроенной раскольническими действиями епископа Поликарпа и других самочинников. Митрополит Иоанн взял на себя тяжелую ношу по очищению украинского клира от самозванцев, получивших незаконное посвящение от запрещенных епископов. И наконец, под его общим руководством осуществлялось воссоединение греко–униатов в Галиции и Закарпатье. В течение 20 лет, до 1964 года, митрополит Иоанн

подвизался на старейшей русской епископской кафедре. Несмотря на преклонный возраст и крайнюю занятость административными трудами, он часто служил в соборах и монастырских церквах, за богослужениями проповедовал. Митрополит Иоанн скончался на покое в Киеве 29 марта 1968 года, переступив за 90–летний рубеж своей многотрудной и многоплодной жизни.

В послевоенные годы Русская Православная Церковь, преодолевая внутренние расколы и отдаления, приобрела небывало высокий авторитет в православном мире.

В июле 1948 года в связи с празднованием 500–летия автокефалии в Москве состоялось Совещание Глав и представителей Поместных Православных Церквей. В Совещании участвовали Патриархи: Московский Алексий, Грузинский Каллистрат, Сербский Гавриил, Румынский Юстиниан, экзарх Болгарии митрополит Стефан, представитель Антиохийского Патриарха митрополит Александр, епископ Корчинский Паисий от Албанской Церкви и архиепископ Белостокский Тимофей — от Польской Церкви.

Юбилейный доклад, посвященный 500–летию автокефалии Русской Церкви, сделал доцент Московской духовной академии Н. И. Муравьев. Среди докладов, вызвавших особый интерес у участников Совещания, были "Ватикан и Православная Церковь" протопресвитера Г. Костель ника, "Ватикан и Православная Церковь в Болгарии" митрополита Пловдивского Кирилла, "Об англиканской иерархии" митрополита Сливенского Никодима, "К решению вопроса об англиканской иерархии" профессора В. С. Вертоградова, "О церковном календаре" профессора А. И. Георгиевского, доклад об экуменическом движении протоиерея Г. Разумовского.

Совещание 1948 года вынесло резолюции по вопросам о взаимоотношениях с Ватиканом, с экуменическим движением, об англиканской иерархии и церковном календаре. Участники Совещания осудили Римскую курию за ее подрывные действия по отношению к Православию, за упорное стремление к насаждению унии; Главы и представители Православных Церквей не сочли благовременным для Православных Церквей участие во Всемирном Совете Церквей, в котором решительно преобладали протестантские течения. В резолюции сказано: "Снижение требований к условию единения до одного лишь признания Иисуса Христа нашим Господом умаляет христианское вероучение до той лишь веры, которая, по слову апостола, доступна "бесам". Совещание подтвердило необходимость для Православных Церквей, живущих по двум календарям, совершать

праздник Святой Пасхи одновременно, по Александрийской Пасхалии. Что касается вопроса об англиканском священстве, вызвавшем разногласие, Совещание постановило, что вопрос о признании его действительности обусловлен достижением вероисповедного единства Англиканской Церкви Православием. В своих решениях Московское Совещание проявило неукоснительную верность Православному преданию, здоровый традиционализм и трезвость в оценке западной церковной жизни.

На празднование 500–летия автокефалии Русской Церкви прибыли представители Кипрской и Элладской Церкви — митрополит Германос и митрополит Хризостом, которые, однако, не участвовали в Совещании.

Сразу же после Великой Отечественной войны Русская Церковь включилась в миротворческое движение. В обстановке начавшейся в 1947 году холодной войны миротворческие призывы Патриарха Алексия и священноначалия Русской Церкви расценивались многими на Западе как политические акции. Но миллионы христиан во всем мире с доверием относились к пастырской озабоченности судьбой человеческого рода, которой были продиктованы миротворческие выступления иерархов Русской Церкви.

Самым деятельным участником миротворческого движения из российских иерархов в послевоенные годы был ближайший помощник Патриарха — митрополит Крутицкий Николай (в миру — Борис Дорофеевич Ярушевич). Он родился в семье священника в 1891 году в городе Ковно. Окончив с золотой медалью Ковенскую гимназию, юноша, по совету родителей, поступил на физико–математический факультет Петербургского университета, хотя душа его лежала к священству.

Проучившись в университете один год, он переходит в Петербургскую академию. В студенческие годы он много проповедовал в окраинных церквах столицы, куда приходил молиться простой рабочий люд. Каникулярное время проводил на Валааме. В 1914 году Борис Дорофеевич Ярушевич закончил академию со степенью кандидата и принял монашеский постриг. Проходя преподавательское послушание в Петербургской семинарии, он к 1917 году подготовил магистерскую диссертацию "Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича". Это исследование было удостоено Макариевской премии. В предреволюционные годы святитель опубликовал ряд церковно–исторических, патриотических и историко–канонических работ, которые создали ему авторитет одного из самых обещающих деятелей русской церковной науки. В 1919 году архимандрит Николай был

назначен Наместником Александро–Невской Лавры, а три года спустя — хиротонисан в сан епископа Петергофского.

В 20–е годы епископ Николай самоотверженно боролся с обновленческим расколом, который свил гнездо в Петрограде. С 1922 по 1924 годы находился в ссылке в Усть–Сысольске, где сблизился с митрополитом Кириллом (Смирновым). Петроградские приходы явились опорой и для сторонников митрополита Иосифа, отделившегося в 1927 году от Заместителя Местоблюстителя. Вместе с митрополитом Серафимом (Чичаговым), архиепископом Алексием (будущим Патриархом), епископом Мануилом епископ Петергофский Николай поддержал митрополита Сергия в его борьбе за церковное единство. Удостоенный в 1935 году сана архиепископа, он управлял Новгородской и Псковской епархиями. После воссоединения с нашей страной западных областей Украины и Белоруссии архиепископ Николай был назначен туда экзархом.

Поставленный в начале войны на Киевскую кафедру, митрополит Николай, оставшись в Москве, одновременно замещал Главу Русской Церкви по управлению Московской епархией. Постоянные поездки для богослужения и проповедей в прифронтовую полосу, организация сбора средств на нужды фронта, обследование разрушенных храмов на освобожденных территориях, участие в деятельности Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию немецко–фашистских злодеяний снискали ему всенародную популярность.

В послевоенные годы митрополит Николай посетил страны Европы и Ближнего Востока. Русские люди в зарубежье принимали его с редкой теплотой и сердечностью, как посланца утраченной Родины. Один из церковных деятелей эмиграции, мирянин, так писал о неизгладимом впечатлении, которое оставила в нем беседа с архипастырем из Москвы, состоявшаяся в Лондоне: "Особенно его светло–голубые глаза, глубоко проникавшие в душу собеседника, поразили нас. В нем чувствовалось огромное внутреннее напряжение человека, взявшего на себя трудный подвиг и несущего его, не сгибаясь под его непомерной тяжестью…" Благодаря его встрече с русскими эмигрантскими общинами, многие священнослужители и миряне, отделившиеся от Матери–Церкви, вернулись под омофор Московского Патриарха. "Благодаря его умелому, сердечному, усердному, наконец, духовно–мудрому ведению дела примирения, — писал Патриарх Алексий I, — воссиял мир там, где долгие годы царило греховное разделение и даже вражда".

Когда 4 апреля 1946 года был образован Отдел внешних церковных сношений, его первым Председателем стал

митрополит Николай. Митрополит Николай также редактировал "Журнал Московской Патриархии", писал статьи для него, произносил проповеди, в которых умел найти путь к сердцам и богословски просвещенных слушателей, и светски образованных, и благочестивых простых людей. Уволенный на покой за год до смерти, митрополит Николай скончался 13 декабря 1961 года в Боткинской больнице. Погребен он в крипте Смоленской церкви Троице–Сергиевой Лавры.

В послевоенные годы были открыты тысячи новых приходов во всех епархиях, в особенности в Белоруссии и на Украине. В 1946 году Русская Православная Церковь имела 10544, а в 1949 году уже 14477 приходов. Церкви были переполнены тогда молящимся народом, особенно женщинами, потерявшими близких: мужей, сыновей, кормильцев, — исстрадавшимися от непомерно тяжелой жизни, от многолетних духовных лишений. В Церкви эти страдалицы искали и находили утешение.

Великой радостью для православного народа явилось возобновление богослужений в Троице–Сергиевой Лавре. 21 апреля 1946 года благовест лаврских колоколов возвестил о возрождении древней святыни Руси, и снова тысячи богомольцев во всей страны потянулись к целебоносным мощам преподобного Сергия.

Возрождались духовные школы. Открылись Московская и Ленинградская духовные академии, семинарское образование было возобновлено, помимо Троице–Сергиевой Лавры и Ленинграда, в Киеве и Одессе, в Луцке, в Жировицком монастыре, в Саратове и Ставрополе. Ежегодно совершались сотни священнических рукоположений. Важнейшей задачей Патриарха и Синода было замещение архиерейских кафедр.

В послевоенные годы состоялись десятки архиерейских хиротоний. Так, в 1945 году во епископа Воронежского был посвящен Иосиф (Орехов), впоследствии митрополит. В 1946 году во епископа Ташкентского был хиротонисан ученик и почитатель Патриарха Сергий Гурий (Егоров), позже занимавший Ленинградскую кафедру. В 1950 году на Таллиннскую кафедру был посвящен Роман (Танг). В 1953 году на Ташкентскую кафедру хиротонисали Ермогена (Голубева), на Костромскую — Иоанна (Разумова), бывшего келейника Патриарха Сергия; Михаила (Чуба) - во епископа Лужского.

Великая Отечественная война вызвала глубокие перемены в умонастроении русской эмиграции: большая часть ее в победе нашей страны увидела победу русского оружия; массовое открытие церквей внушало надежду на то, что Россия становится на органичный для нее путь исторического развития, становится

самой собой. Патриотизм и ностальгия побудили многих эмигрантов вернуться на Родину; среди репатриантов были и священники, и архиереи. В 1947 году из Соединенных Штатов вернулся митрополит Вениамин (Федченков), назначенный сразу на Рижскую кафедру; из Америки вернулись также епископы Федор (Текучев), Антоний (Васильев) и Алексий (Пантелеев), из Европы — митрополит Серафим (Лукьянов), архиепископ Иоанн (Лавриненко), из Китая — митрополит Нестор (Анисимов), архиепископ Виктор (Святин), архиепископ Ювеналий (Килин), архиепископ Никандр (Викторов), архиепископ Димитрий (Вознесенский). Некоторые из репатриантов, в частности митрополит Нестор (Анисимов), подверглись репрессиям.

К 1949 году епископат Русской Церкви насчитывал уже 74 архиерея, занимавших кафедры в пределах нашей страны. Среди них — Патриарх Алексий, митрополиты: Крутицкий — Николай, Киевский — Иоанн, Ленинградский — Григорий, Рижский — Вениамин (Федченков), Новосибирский — Варфоломей (Городцев); 21 архиепископ, в том числе один викарный, 40 епархиальных и 7 викарных епископов.

Смерть И. В. Сталина в 1953 году вызвала глубокие перемены в жизни Советской страны, которые были названы оттепелью. Эти перемены не обошли стороной и Русскую Православную Церковь. Из лагерей, в которых томились миллионы узников, начали выпускать невинно осужденных, вначале по амнистии, потом большинство осужденных — по реабилитации. В слове, сказанном в московском храме святого Илии Пророка в праздник Иконы Божией Матери "Нечаянная радость" в 1956 году, митрополит Николай прикровенно коснулся волновавшей тогда людей радостной темы возвращения из лагерей людей, уже оплаканных близкими, наравне с покойниками: "Нечаянная радость — это неожиданная радость, — сказал святитель. — Пропал без вести человек, годы о нем не слышал никто, близкие считают его погибшим — и вдруг он дает о себе весть или является сам. Опять милость Божия! Нечаянная радость!"

Освобождены были и священнослужители — те, кто оставался в узах с еще довоенных времен, и те, кто был арестован после войны — либо за то, что во время войны, находясь на занятой врагом территории, совершал богослужения по разрешению оккупационных властей, либо как "повторник", либо по клеветническим доносам. Среди выпущенных на волю священнослужителей были и архиереи: митрополит Мануил (Лемешевский), арестованный в четвертый раз в 1948 году и выпущенный на волю в 1955 году, камчатский миссионер митрополит Нестор (Анисимов), арестованный сразу же после

своего возвращения из Китая на Родину, епископ Вениамин (Новицкий), проведший в заключении 10 послевоенных лет; епископ Афанасий (Сахаров), который, по его собственным словам, в общей сложности провел "в узах и горьких работах" 254 месяца.

Благотворные перемены в жизни страны внушали надежды на дальнейшую нормализацию отношений между Церковью и Советским государством. И некоторые события оправдали эти надежды. В 1956 году Православной Церкви были переданы мощи святого Никиты Новгородского. В 1957 году возобновилось богослужение в Троицком соборе Александро–Невской Лавры. В середине 50–х годов был значительно увеличен прием во всех существовавших тогда 8 духовных семинариях Русской Церкви. Большим событием церковной жизни явилось предпринятое в 1956 году, впервые после восстановления Патриаршества, издание Библии на русском языке. В том же году вышел отдельным изданием Новый Завет.

В 50–е годы продолжало расти число молящихся в православных храмах. Городские храмы были переполнены. В воскресные и праздничные дни число причастников доходило до нескольких сот, в Великий пост в московских храмах причащалось по 15 — 20 тысяч человек. Каждое воскресенье совершалось до полусотни крещений. Правда, решительное большинство среди прихожан составляли женщины, не только пожилые, но и те, чья молодость пришлась на тяжелые предвоенные, военные и послевоенные годы. Среди верующих преобладали люди малообразованные, но связь с Церковью сохраняла и часть старой интеллигенции. Новая интеллигенция, получившая образование в советских вузах, в 50–е годы, почти вся была отчуждена от Церкви.

В 1957 году Русская Церковь располагала в пределах СССР 73 епархиями, 69 мужскими и женскими монастырями, главным образом на западе страны: на Украине, в Белоруссии и Прибалтике.

Во второй половине 50–х годов продолжали совершаться посвящения новых епископов. Причем происходила смена поколений в российском епископате. Уходили из жизни немногие архиереи, рукоположенные в дореволюционное время и в 20–30–е годы, уходили и те, кто был хиротонисан в маститой старости в военное лихолетье и первые послевоенные годы, чаще всего из вдовых протоиереев.

В иной мир отошли митрополит Григорий (Чуков) (+1955), архиепископ Андрей (Комаров) (+1955), митрополит Варфоломей (Городцев) (+1956), архиепископ Димитрий

(Градусов) († 1956).

Им на смену приходило новое поколение, сформировавшиеся уже в советское время. Так, в 1956 году были хиротонисаны: Алексий (Коноплев) во епископа Молотовского и Соликамского, Леонтий (Бондарь) на Бобруйскую викарную кафедру Минской епархии, Мстислав (Волонсевич) - во епископа Великолукского; в 1957 году — Пимен (Извеков) (будущий Патриарх Московский и всея Руси) на Балтскую викарную кафедру Одесской епархии, Иосиф (Савраш) - во епископа Соликамского; в 1958 году — Иоанн (Вендланд) - на Подольскую викарную кафедру Московской епархии, Феодосии (Погорский) - на Калининскую кафедру.

VIII. Русская Православная Церковь 1958–1970

В 1958 году в идеологической обстановке в нашей стране обнаружились явления, которые чреваты были осложнениями взаимоотношений между Церковью и государством. Политическая программа Н. С. Хрущева, не чуждая утопического прожектерства, включала в себя и борьбу за "преодоление религиозных пережитков капитализма" в сознании советских людей.

В печати усилились нападки на Христианство. Впервые после эпохи "Воинствующего Безбожника" газеты и журналы заполонили антирелигиозные статьи с кощунственными выпадами против святынь, дорогих сердцам десятков миллионов людей. Ожесточилось давление прежде всего на Русскую Православную Церковь, объединявшую большую часть верующего населения страны.

В антирелигиозную кампанию вовлечены были и ренегаты. В 1958 году вышла атеистическая брошюрка, составленная бывшим преподавателем Одесской семинарии Е. Дулуманом; в печати появились заявления бывших протоиереев П. Дарманского, А. Спасского и Черткова об отречении от Бога.

5 декабря 1959 года "Правда" опубликовала статью профессора Ленинградской духовной академии Александра Осипова, запрещенного в священнослужении за вступление во второй брак, в которой он публично похулил Бога и Церковь. Статья начиналась игриво: "Да, да, это я, протоиерей, профессор". После статьи в "Правде" начались гастроли по стране этого самого красноречивого и богословски образованного из ренегатов. Одна за другой стали выходить его атеистические статьи и брошюры.

Глубокую характеристику его нравственного облика дал в одном из писем своему духовному сыну известный старец игумен Никон (Воробьев): "Ты, конечно, прочитал статью в "Правде" за 5.12… Этот несчастный показал себя в своей статье таким нравственным ничтожеством (главное, не замечая того, что статья производит на читателя действие обратное тому, чего хотел автор). Он и сам не оправдался и религии не повредил, а показал, что Господь обнаруживает в свое время скрытых Иуд и выкидывает их из Церкви. Обратил ли ты внимание, что в разделе о молитве перед словом "богослужение" стоят три точки. Я не сомневаюсь, что здесь было какое-то пакостное слово вроде "молитвенное словоблудие". Даже редакция не сочла возможным напечатать его. Дух, водивший его пером, всю свою злобу излил

главным образом на богослужение и на молитву Иисусову… Несчастный Александр своими словами о молитве показал, что он никогда, ни разу не помолился, а следовательно, никогда и не верил в Бога. Он и отрекается не от Бога, не от Христианства, а отрекается от того представления о религии и Боге, которое он имел. Самое отречение его не есть результат искренних сомнений, искания. Нет. Слишком ничтожны указанные им самим причины отречения. Видно, что он человек практичный, человек мира сего. Пока положение было более или менее прочно, пока можно было получать изрядный оклад — он маскировался под верующего, целовал руки архиереев, презираемых им, и "готовил юношей к пастырской деятельности". Когда же положение его стало колебаться, то он решил обеспечить себе твердое положение на другом фронте. Пока могут использовать его отречение и за это принять к себе, он поспешил это сделать, пока не поздно… Не было у Александра искренности до отречения, нет ее и в отречении. Он — психологический "Юрод", построивший здание на песке…"

30 декабря 1959 года Священный Синод под председательством Патриарха Алексия вынес постановление: "Бывшего протоиерея и бывшего профессора Ленинградской духовной академии Александра Осипова, бывшего протоиерея Николая Спасского и бывшего священнослужителя Павла Дарманского и прочих священнослужителей, публично похуливших Имя Божие, считать извергнутыми из священного сана и лишенными всякого церковного общения. "Они вышли от нас, но не были наши" (1 Ин. 2, 19). Евграфа Дулумана и прочих бывших православных мирян, похуливших Имя Божие, отлучить от Церкви".

Между тем антихристианская кампания в печати набирала темп. Вновь, как и в два предвоенных десятилетия, началось закрытие церквей.

Выступая на Конференции советской общественности за разоружение 16 февраля 1960 года, Патриарх Алексий I попытался защитить Церковь от несправедливых нападок: "Моими устами говорит с вами Русская Православная Церковь, объединяющая миллионы православных христиан — граждан нашего государства, — сказал он. — Примите её приветствие и благопожелания. Как свидетельствует история, это есть та самая Церковь, которая на заре русской государственности содействовала устроению гражданского порядка на Руси, укрепляла христианским назиданием правовые основы семьи, утверждала гражданскую правоспособность женщины, осуждала ростовщичество и рабовладение, воспитывала в людях чувство

ответственности и долга и своим законодательством нередко восполняла пробелы государственного закона. Это та самая Церковь, которая создала замечательные памятники, обогатившие русскую культуру и доныне являющиеся национальной гордостью нашего народа. Это та самая Церковь, которая в период удельного раздробления русской земли помогла объединению Руси в одно целое, отстаивая значение Москвы как единственного церковного и гражданского сосредоточения русской земли. Это та самая Церковь, которая в тяжкие времена татарского ига умиротворяла ордынских ханов, ограждая русский народ от новых набегов и разорений. Это она, наша Церковь, укрепляла тогда дух народа верой в грядущее избавление, поддерживая в нем чувство национального достоинства и нравственной бодрости. Это она служила русскому государству в борьбе против иноземных захватчиков в годы смутного времени и в Отечественную войну 1812 года. И она же оставалась вместе с русским народом во время последней мировой войны, всеми мерами способствуя нашей победе и достижению мира. Словом, — это та самая Русская Православная Церковь, которая на протяжении веков служила прежде всего нравственному становлению нашего народа, а в прошлом и его государственному устройству… Правда, несмотря на все это, Церковь Христова, полагающая своей целью благо людям, от людей же испытывает нападки и порицания, и тем не менее она выполняет свой долг, призывая людей к миру и любви. Кроме того, в таком положении Церкви есть и много утешительного для верных ее членов, ибо что могут значить все усилия человеческого разума против Христианства, если двух тысячелетняя история его говорит сама за себя, если все враждебные против него выпады предвидел Сам Христос и дал обетование непоколебимости Церкви, сказав, что и врата адовы не одолеют Церкви Его! Речь Патриарха не оградила Церковь от нападок, но, опубликованная в "Журнале Московской Патриархии", она укрепила дух тысяч верных служителей алтаря Господня, смущенных возобновлением гонений.

21 февраля 1960 года был уволен с поста Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпов, при котором в военные и послевоенные годы происходило массовое открытие православных приходов. Его преемником стал В. А. Куроедов. Впоследствии, в декабре 1965 года, Совет по делам Русской Православной Церкви был соединен с Советом по делам религиозных культов. Новое учреждение, которое возглавил В. А. Куроедов, получило наименование "Совет по делам религий при Совете Министров СССР". Происходили перемены и в составе высших органов церковного управления. 21

июня 1960 года митрополита Крутицкого и Коломенского Николая в должности Председателя Отдела внешних церковных сношений сменил архимандрит Никодим (Ротов), возведенный в сан епископа Подольского. 19 сентября 1960 года Священный Синод уволил митрополита Николая на покой. На Крутицкую кафедру был переведен из Ленинграда митрополит Питирим (Свиридов), а на Ленинградскую был назначен митрополит Минский и Белорусский — Гурий (Егоров).

18 июля 1961 года, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, в Троице–Сергиевой Лавре сразу после Божественной литургии состоялся Архиерейский Собор. Собор открыл Патриарх Алексий. Главной темой повестки дня было внесение изменений в "Положение о Русской Православной Церкви" в части, касающейся приходского управления. Доклад по этому вопросу был сделан Управляющим делами Патриархии архиепископом Тульским Пименом (Извековым). Архиерейский Собор установил новую организацию приходского управления. Настоятель вместе с клириками устранялись от участия в приходском собрании и приходском совете. "Настоятель храма, — говорилось в новой редакции "Положения", — памятуя слово апостола: "А мы постоянно пребудем в молитве и служении слова" (Деян. 6, 4) - осуществляет духовное руководство прихожан, наблюдает за благолепием и уставностью богослужений, за современным и тщательным удовлетворением религиозных нужд прихожан". Хозяйственные и финансовые попечения о приходе и храме возложены были на исключительно мирянское по составу приходское собрание и приходской совет во главе с председателем–старостой. Реформа приходского управления была вынужденной мерой. Проводилась она в тяжелые для Церкви дни, когда давление на нее резко усилилось. Выставлено было требование привести "Положение об управлении Русской Православной Церковью" в строгое соответствие с Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР 1929 года "О религиозных объединениях", которое устраняло священнослужителей как лиц, лишенных избирательного права, от участия в хозяйственных делах религиозных общин. После издания Конституции СССР 1936 года, предоставившей всем гражданам одинаковые права, "Постановление" это вступило в противоречие с Основным Законом государства.

По докладу митрополита Крутицкого Питирима Архиерейский Собор принял постановление о расширении состава Священного Синода включением в число его постоянных членов управляющего делами Патриархии и председателя Отдела внешних церковных сношений. После Архиерейского Собора 1961

года постоянными членами Синода, кроме митрополита Киевского Иоанна, Ленинградского Гурия и Крутицкого Питирима, стали архиепископы: Тульский Пимен (Извеков) и Ярославский Никодим (Ротов).

Заслушав доклад архиепископа Никодима, Собор одобрил постановление Синода о вступлении Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей, вынесенное 30 марта 1961 года.

Архиерейский Собор заседал в то время, когда по всей стране происходило закрытие церквей. Делалось это под разными предлогами: то потому, что церковь была открыта в войну на оккупированной территории по разрешению немецких властей, то из-за того, что вблизи храма расположена школа, или под предлогом, что церковь мешает движению транспорта.

В Кировской епархии из 75 православных приходов, существовавших в 1969 году, к 1964 году осталось всего 35; 7 деревянных церквей было разобрано, одна каменная, в епархиальном городе, взорвана; в остальных 32–х — богослужебные книги и иконы были сожжены, сами храмы разорены дотла. В Московской епархии с 1959 по 1963 годы закрыто было более половины церквей. В Москве летом 1964 года впервые за послевоенное время был разрушен храм — Малого Преображения, в которой еще недавно совершал богослужение митрополит Крутицкий Николай. Особенно тяжко пострадали Белоруссия, Украина, Молдавия. В Днепропетровской и Запорожской епархии в 1959 году было 285 приходов, а к 1961 году осталось всего 49. В Киеве у Церкви отнят был Андреевский собор. Всего по стране за время хрущевских гонений была закрыта почти половина приходов. В 1959 году Русская Церковь насчитывала около 14 тысяч приходов, в 1961 году число приходов сократилось до 8 тысяч (к 1966 году сохранилось 7523 прихода).

Соответственно уменьшилось и число служащих священников и диаконов. К 1961 году оставалось лишь 8252 священника и 809 диаконов; к 1967 году — 6694 священника и 653 диакона. Сокращался прием в духовную семинарию. В конце концов 5 семинарий: Ставропольская, Саратовская, Киевская, Луцкая, Жировицкая — были закрыты. В 1959 году Русская Церковь имела 47 монастырей, а к середине 1960–х годов осталось только 16; число монашествующих сократилось к этому времени с 3 тысяч до примерно полутора тысяч.

Особенно тяжелым ударом по Церкви явилось закрытие в 1963 году древней святыни Руси — Киево–Печерской Лавры, в пещерах которой находятся мощи великого сонма святых

угодников, на поклонение которым ежегодно стекалось до полумиллиона паломников. Предлогом для закрытия ее послужила необходимость ремонта и реставрации. Лавра была временно закрыта на ремонт, но реставрацию не начинали, храмы и пещеры оказались в угрожающем состоянии как раз после прекращения в ней богослужений и ухода из монастыря монахов. Предпринята была попытка закрыть и Почаевскую Успенскую Лавру, но насельники обители во главе с настоятелем архимандритом Севастианом сумели ее отстоять.

В эти годы сократилось и число епископов Русской Православной Церкви; многими епархиями стали управлять архиереи, занимавшие соседние кафедры. Эта участь постигла Новгородскую, Ульяновскую, Днепропетровскую, Сумскую, Донецкую епархии.

Решительное отличие хрущевских гонений от тех, которые обрушились на Церковь в 20–е и 30–е годы, заключалось, однако, в том что они прошли без кровопролития и почти без арестов. Под суд было отдано, правда, несколько священнослужителей, которые обвинялись, как правило, в финансовых преступлениях, чаще всего связанных с неуплатой или недоплатой налогов.

В 1960 году на 3 года заключения был осужден архиепископ Казанский Иов (Кресович), который пытался противодействовать закрытию церквей в епархии. Он разъезжал по селам и призывал паству твердо стоять за свои храмы. Архиепископ Иов был обвинен в неуплате налогов и сокрытии доходов.

В беседе с архиепископом Брюссельским Василием (Кривощеиным), состоявшейся в июле 1960 года, митрополит Николай (Ярушевич) объяснял: "Согласно с установившимися порядками архиереи платят налоги со своего жалования. Кроме того, они получают на представительство (куда часто входит содержание машины, секретаря, поездки и так далее). Эти суммы налогом не облагаются и в инспекцию не заявляются. А вот к архиепископу Иову придрались, что он эти суммы на представительство скрывал и налогов с них не платил. Но даже в таких случаях, когда кто-нибудь скрывает доходы и не платит налогов, за это не сажают сразу в тюрьму, но предлагают уплатить недостающий налог, и только в случае отказа могут подвергнуть наказанию. Архиепископ Иов предложил все уплатить, что с него требуют. Тем не менее его приговорили к 3 годам!" Потом, в 1971 году, в беседе с архиепископом Василием сам архиепископ Иов, в то время занимавший Уфимскую кафедру, сказал: "Да, все это сущая правда. И знаете, когда я попал в тюрьму, все меня бросили, все отреклись от меня… Испугались. Один митрополит Николай (Ярушевич) не испугался. И до суда и

после суда и осуждения поддерживал меня чем мог, писал мне. Он один!.. После трех лет лагеря… я три года не был у дел".

В 1962 году архиепископ Черниговский Андрей (Сухенко) был приговорен к 8 годам заключения по обвинению в экономических злоупотреблениях и "безнравственном поведении". Архиепископ Василий (Кривошеий) пишет: "Думаю, что это обвинение столь же необоснованно, как и в случае с архиепископом Иовом". Освобожден он был досрочно и после выхода на свободу некоторое время пребывал на покое в Псково–Печерском монастыре. Потом, в 1969 году, был назначен на Омскую и Тюменскую кафедру.

Священники, лишенные возможности совершать богослужение из-за закрытия приходов, увольнялись за штат или на покой. Большинство среди них составляли лица пожилого возраста. Некоторые из священников среднего и младшего возраста уходили на светскую службу. Хотя и редко, но все-таки среди них оказывались и ренегаты, которые, в отличие от первых вероотступников конца 50–х годов, чьи действия получили огласку на всю страну, довольствовались обыкновенно выступлениями в местной печати.

На рубеже 50–х и 60–х годов, одновременно с резким ухудшением положения, в котором жила и исполняла свою миссию Русская Православная Церковь, более интенсивными становятся ее контакты с зарубежным христианским миром.

Новый подход к экуменическому движению выразился уже в докладе, с которым председатель Отдела внешних церковных сношений митрополит Николай выступил на торжественном акте в Московской духовной академии 13 мая 1958 года: "… Православная Церковь, — сказал он, — никогда не отгораживалась от инославных христиан стеной нетерпимости. Напротив, руководимая духом любви, она в 1902 году, в лице Вселенской Патриархии, обратилась ко всем поместным православным церквам с предложением облегчить путь к единению с западными исповеданиями… Правда, когда появилась возможность заняться экуменическим вопросом, наша Церковь совместно с другими церквами–участницами Московского церковного совещания 1948 года, отказалась послать своих представителей на Амстердамскую ассамблею… Этот отказ имел весьма серьезные основания… Экуменическое движение оказалось чрезвычайно противоречивым. В его широкой и разнородной деятельности исканиям обетованной земли христианского единства с самого начала сопутствовали ярко выраженные социально–политические планы, которые в период Амстердамской ассамблеи явно преобладали над задачей

догматического единства… Благодаря участию одних православных церквей и неучастию других, в экуменическом движении за последние десять лет произошли значительные изменения, свидетельствующие о его эволюции в сторону церковности. В этом смысле весьма показательны огромные сдвиги в сфере немецкого протестантского богословия, открывающие мистические глубины Православия и преодолевающие традиционный рационализм… Вот почему Русская Православная Церковь считает возможным пойти навстречу желанию Всемирного Совета Церквей и встретиться с его руководителями…"

В 1958 году в Утрехте состоялась первая официальная встреча представителей Русской Церкви с деятелями Всемирного Совета Церквей. В 1959 году наблюдатели от нашей Церкви участвовали в работе Всемирного Совета Церквей. Архиерейский Собор 1961 года одобрил вступление Русской Церкви в эту экуменическую организацию. В обращении к участникам III Ассамблеи Всемирного Совета Церквей, состоявшейся в Дели уже в 1961 году, Патриарх Алексий I подчеркнул готовность Русской Церкви работать во всех органах Всемирного Совета Церквей, "помогая всестороннему развитию христианской деятельности, посильно служа человечеству утверждением на земле, братства, любви… справедливости… и мира… между народами". С 1962 года при Всемирном Совете Церквей существует представительство нашей Церкви. Русская Церковь приняла участие и в IV Ассамблее Всемирного Совета Церквей, состоявшейся в Упсале в 1968 году.

Русская Церковь являлась одной из основательниц образовавшейся в 1959 году религиозной экуменической организации — Конференции Европейских Церквей.

Теплые отношения с Англиканской церковью, сложившиеся в конце мировой войны, когда русско- и англоязычные народы сражались против общего врага, получили в 60–е годы более интенсивный характер. В 1958 и 1968 годах представители Русской Церкви присутствовали наблюдателями на Ламбетских конференциях епископов Англиканской Церкви. С 1959 года проводились собеседования между русскими богословами и богословами лютеранских и евангелических церквей Германии и Северной Европы. С начала 60–х годов устанавливаются контакты с реформатскими церквами Европы и Северной Америки.

В рамках Всемирного Совета Церквей представители Русской Церкви участвовали в 1964, 1967 и 1970 годах в консультациях с богословами нехалкидонских Церквей.

Особенно важное значение Священноначалие Русской

Православной Церкви придавало своим контактам с самой многочисленной христианской Церковью — Католической. Русская Церковь направила своих наблюдателей на II Ватиканский Собор, продолжавшийся с 1962 по 1965 год, в Ленинградской духовной академии состоялось первое собеседование русских богословов с делегацией Римско–Католической Церкви.

16 декабря 1969 года Священный Синод издал "Определение", по которому старообрядцам и католикам дозволено было причащаться в православных церквах. Впоследствии "Определение" Синода было отменено. Председатель Отдела внешних церковных сношений митрополит Никодим, разъясняя это решение Синода, сказал, что оно касается членов Старообрядческой Церкви, имеющей трехстепенную иерархию, а также членов Римско–Католической Церкви, когда они "в случае болезни или по иной причине, обращаются к священнослужителям Русской Православной Церкви с просьбой о духовном утешении и за совершением Святых Тайн. (Это может быть в тех случаях, когда последователи старообрядческого и католического исповеданий не имеют возможности обратиться к священнослужителям своих Церквей.) В этих случаях духовенству Русской Православной Церкви надлежит проявить пастырскую заботу и преподать нуждающимся духовное утешение и Святые Таинства. Но практика эта не получила распространения в Церкви.

Важнейшей стороной нашей внешней церковной деятельности в 1960–е годы оставались взаимоотношения с братскими Православными Церквами. В 1960 году Патриарх Алексий во второй раз совершил паломничество на Восток и нанес визит Патриарху Константинопольскому Афинагору. В 60–е годы в Москву неоднократно приезжали представители автокефальных Православных Церквей. По инициативе Константинопольского Патриархата в 1961 году на острове Родосе было проведено Первое Всеправославное Совещание Поместных Церквей. Его задачей явилась подготовка Великого Всеправославного Собора. В 1963 году на Родосе проведено Второе, а в 1964 году, там же — Третье Всеправославное Совещание. Главной темой Совещания был богословский диалог с Римско–Католической, Старообрядческой и Англиканской церквами. Вопросы, связанные с подготовкой Всеправославного Собора, рассматривались на Всеправославном Совещании, проведенном в 1968 году в Женеве.

Между тем, в положении Русской Церкви внутри страны в середине 60–х годов произошли благоприятные перемены. Начало

им было положено отставкой Н. С. Хрущева, состоявшейся 14 октября 1964 года в Праздник Покрова Божией Матери. Пришедшее к управлению страной более трезвое руководство, осознавая утопичность многих проектов Хрущева, встало на почву реальности и в своей политике по отношению к верующим, которые по–прежнему составляли значительную часть населения страны.

Массовое закрытие религиозных общин, в том числе и православных церквей, было прекращено. Но церкви, закрытые в годы хрущевских гонений, за все 20 "застойных" лет не были возвращены верующим. В связи с массовым оттоком сельского населения в город, некоторые сельские приходы теряли прихожан и закрывались; в то же время возможности для открытия новых приходов в городах, население которых стремительно росло, оставались крайне затруднительными. За вторую половину 60–х годов число православных приходов убавилось с 7523 в 1966 году до 7274 в 1971 году.

В конце 60–х годов прекратилась практика частых переводов архиереев из одной епархии в другую, обусловленная ненормальными условиями, в которые поставлена была Церковь на рубеже 50–60–х годов. Архиереи получили более широкие возможности для объездов своих епархий для контроля за пастырской деятельностью священников, однако не в тех пределах, которые были доступны им в послевоенные годы.

В изменившейся обстановке в кругах епископов и духовенства, озабоченного состоянием церковных дел, пробудилась надежда на восстановление того положения, в котором Церковь находилась в 50–е годы. К тому времени уже проявили себя нездоровые последствия реформы приходского управления, на которую Церковь вынуждена была пойти на Архиерейском Соборе 1961 года. Устранение настоятелей и клириков от административно–хозяйственных дел ставило их в сложное положение, затрудняло и в духовном окормлении паствы; порождало конфликтные ситуации; власть старост, не всегда имевших твердые христианские убеждения, приобрела неподобающие, непомерные масштабы.

Летом 1965 года архиепископ Калужский Ермоген (Голубев) составил проект петиции на имя Святейшего Патриарха с предложением внести поправки в ту редакцию "Положения о Русской Православной Церкви", которая была принята Архиерейским Собором. В этом проекте предлагалось ввести настоятелей приходов в состав Приходского собрания ("двадцатки") и Приходского совета в качестве председателя.

Документ, составленный архиепископом Ермогеном,

подписали также архиепископы Пермский — Леонид (Поляков), Иркутский — Вениамин (Новицкий), Новосибирский — Павел (Голышев), Казанский -Михаил (Воскресенский); епископы Рижский — Никон (Фомичев), Тамбовский — Михаил (Чуб) и Корсунь–Шевченковский — Григорий. Но путь к внесению новых изменений в "Положение о Русской Православной Церкви" был закрыт. Петиция не возымела успеха.

В 1967 году архиепископ Ермоген, находившийся на покое в Жировицком Успенском монастыре, уже единолично обращается к Патриарху с письмом, в котором подвергает резкой критике строй высшего церковного управления, установленный Поместным Собором 1945 года, предлагая вернуться к той схеме высшего управления, которая была разработана на Соборе 1917 — 1918 годов. Он писал: "В "Положении" собственно ничего не говорится о порядке формирования Синода, а только указывается, что он состоит из шести членов, из которых три митрополита — Киевский, Московский и Крутицкий — являются постоянными членами Синода, а три — временными, вызываемыми по очереди на полгода. Такой порядок имел бы еще… смысл, если бы постоянные члены — митрополиты, занимали свои кафедры в силу канонического избрания на эти кафедры, но поскольку эти митрополиты назначаются и перемещаются в обычном для прочих архиереев порядке, то соединение постоянного членства в Синоде с занятием данных кафедр теряет канонический смысл". В избрании Патриарха архиепископ Ермоген тоже предлагает вернуться к регламенту, установленному Поместным Собором 1917 — 1918 годов. "Приходится поражаться, — пишет он, — с какой глубокой серьезностью был разработан на Соборе 1917 — 1918 годов порядок избрания Патриарха с целью обеспечить продуманность избрания и наилучшим образом гарантировать свободу волеизъявления Собора в этом первостепенной важности вопросе". В письме архиепископа Ермогена оспаривается и правомерность избрания Синодом епископов на кафедры, в общем вполне традиционного для Русской Церкви, и предлагается возвращение к тому порядку замещения архиерейских кафедр, который был разработан Поместным Собором 1917–18 годов, но на практике продержался лишь несколько послесоборных лет: "У нас избираются кандидаты во епископы Синодом и, безусловно, не без согласования с Советом по делам религий, а с епископатом, не входящим в Синод, никакого согласования об этом не производится".

Предложения архиепископа Ермогена, продиктованные искренней тревогой за состояние церковных дел, были, конечно, нереалистичны.

В ноябре 1965 года священники Николай Эшлиман из Москвы и Глеб Якунин из Дмитрова направили два открытых письма на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и Патриарха Московского и всея Руси Алексия. В письме Патриарху речь шла о заслугах Русской Церкви перед русской государственностью и культурой, о нарушении гражданскими властями законодательства о религиозных культах, о насильственном закрытии храмов в 1959 -1964 годах. Второе письмо переполнено развязными обвинениями Патриархии, епископата и духовенства в попустительстве закрытию храмов; священники Н. Эшлиман и Г. Якунин потребовали немедленно созвать Поместный Собор и отменить постановление Архиерейского Собора 1961 года о реформе приходского управления.

Письма были переведены на иностранные языки, получили мировую огласку, дали толчок для развязывания широкой кампании в зарубежных средствах массовой информации против нашего государства и против иерархии Русской Православной Церкви. Эти письма, в которых правда была перемешана с демагогией, угрожали внести раздор в среду духовенства.

24 декабря 1965 года Патриарх Алексий I подписал резолюцию: "Священники Московской епархии Н. Эшлиман и Г. Якунин обратились к нам с так называемым "Открытым письмом", в котором предприняли попытку осуждения деяний Архиерейского Собора 1961 года, а также действий и распоряжений церковной власти. Не дождавшись какого-либо ответа на письмо, они самовольно разослали его копию всем епархиальным архиереям, пытаясь нарушить церковный мир и произвести соблазн в Церкви. Тем самым составители письма не выполнили данное ими перед рукоположением обещание (присягу) "проходить служение согласно с правилами церковными и указаниями начальства". Получившие копию письма архиереи присылают в Патриархию свои отзывы, в которых выражают несогласие с содержанием письма и возмущаются действиями двух священников, посягающих на церковный мир. Ввиду изложенного, поручить Преосвященному митрополиту Крутицкому Пимену указать составителям на незаконность и порочность их действий…, направленных на соблазн Церкви, и на соответствующем докладе Преосвященного иметь о священниках Н. Эшлимане и Г. Якунине особое суждение. Резолюцию сообщить циркулярно всем Преосвященным".

В мае митрополит Пимен беседовал в авторами открытых писем, надеясь на их раскаяние. Но они по–прежнему стояли на своем. 13 мая 1966 года митрополит Крутицкий и Коломенский

Пимен запретил их в священнослужении.

В 1968 году Русская Православная Церковь праздновала 50–летний юбилей восстановления Патриаршества. На торжества в Москву прибыли делегации от Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Грузинской, Сербской, Румынской, Болгарской, Кипрской, Элладской Церкви, а также от Православных Церквей в Польше и Чехословакии, делегация Финляндской автономной Церкви. Среди высоких гостей были Патриарх Иерусалимский Венедикт I, Католикос–Патриарх всея Грузии Ефрем II, Сербский Патриарх Герман, Румынский Патриарх Юстиниан, Болгарский Патриарх Кирилл, митрополит Варшавский Стефан, митрополит Пражский Дорофей. Широко представлены были на торжествах инославные церкви.

Торжества открылись в храме Воскресения Христова в Сокольниках 26 мая благодарственным молебном перед Иверской иконой Божией Матери. С приветственной речью к собравшимся обратился Патриарх Алексий I. Юбилейное собрание состоялось 28 мая в Покровском храме Московской духовной академии в Троице–Сергиевой Лавре.

С докладом на собрании выступил митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим. В докладе был дан краткий очерк истории Русской Церкви, более подробно митрополит Никодим остановился на новейшем периоде церковной истории, начало которому было положено Поместным Собором 1917 — 18 годов. О нем докладчик сказал, что, "несмотря на все человеческие погрешности, ошибки и заблуждения, обусловленные духовной связью ряда его участников со старым миром, или, лучше сказать, вопреки этим погрешностям, ошибкам и заблуждениям, он стал великим историческим событием церковной жизни, без которого была бы немыслима вся последующая канонически–преемственная жизнь нашей Церкви".

С краткой речью на торжественном заседании выступил Патриарх Алексий. Юбилейные торжества завершились Божественной литургией в Богоявленском Патриаршем Соборе, которую возглавил Патриарх Сербский Герман.

В конце 60–х годов церковная жизнь стабилизировалась в сравнении с бурным началом десятилетия. Но начал сказываться острый недостаток в кадрах духовенства. Старшее поколение священников, переживших предвоенное и военное лихолетье, уходило в иной мир. Закрытие духовных школ, сокращение числа воспитанников в оставшихся школах не позволяло восполнять естественную убыль духовенства выпускниками семинарий. Приходилось рукополагать благочестивых мирян, не получивших

школьного церковного образования, часто с недостаточным общим образованием. На Украине, в особенности Западной, в ограде Церкви осталось несравненно больше чад, чем в России; большая часть детей в Галиции, Закарпатье, на Волыни — воспитывались в религиозных семьях. Поэтому среди рукополагаемых не только для церквей своего края, но и для служения в российских епархиях преобладать стали выходцы из западных епархий.

К концу 60–х годов, когда уходило из жизни поколение людей, чья юность пришлась на дореволюционные годы; заметно уменьшилась в сравнении с послевоенным десятилетием и посещаемость храмов прихожанами. Снизилось число крещений. В России среди молящихся в церквах решительно преобладали теперь уже пожилые женщины. Состарились те, кто вернулся в Церковь в военные и послевоенные годы, а приток молодых людей в Церковь почти иссяк; обращения были немногочисленными, в основном в среде столичной интеллигенции.

Но духовное горение верных чад Церкви не угасало. Вот как описывает свои впечатления от посещения православных храмов в нашей стране русская гостья из-за рубежа. "Будничная служба у Николы в Хамовниках. Без хора пели женщины по–крестьянски, но так естественно, как дыхание. Эти простые и скромные люди не были ни экстатичны, ни трагичны, но скоро погружаешься в поток их напряженной беседы с Богом, и в голову приходит мысль: "Так молятся только тогда, когда в доме умирающий". И вот ее же впечатление от посещения Никольского собора в Ленинграде: "Переводчицы ретировались в комнату при галерее. Когда подходил момент пения Символа веры, я не вытерпела и позвала переводчиц посмотреть. Оказалось, что ни одна из них никогда не была в церкви. Они были изумлены. "Чаю воскресения мертвых…", — как гром неслось к сводам Церкви, а они, забыв положенный им этикет снисходительной терпимости к отсталым старушкам, свесившись, смотрели вниз на небывалую красоту и повторяли: "Наизусть поют!.." Около церкви продавали ветки березы в Троицын день. По дороге мне встретилась сгорбленная старушка. Увидя у меня ветки, она взмолилась: "Дай мне, голубка, веточку, Христа ради! Стояла в очереди вчера, да не достала". Я с радостью поделилась. Тогда она, стоя тут же на тротуаре, стала широко креститься и кланяться, молясь за моих покойных родителей, за меня и всех моих родных. Это была Россия, меня молитвенно провожающая".

В 60–е годы из жизни ушли выдающиеся иерархи: митрополиты Гурий (Егоров; +1965), Иоанн (Соколов; +1968),

Мануил (Лемешевский; +1968), Нестор (Анисимов; +1962), архиепископ Лука (Войно–Ясенецкий; +1961), епископ Афанасий (Сахаров; +1962). В это же десятилетие были хиротонисаны во епископы: Никодим (Ротов) - в 1960 году, Кассиан (Ярославский), Алексий (Ридигер; ныне Патриарх Московский и всея Руси), Николай (Кутепов) - в 1961 году, Серафим (Никитин) - в 1962 году, Антоний (Мельников) - в 1964 году, Владимир (Сабодан) и Ювеналий (Поярков) - в 1966 году.

10 апреля 1970 года Патриарх Алексий I вместе с членами Синода подписал томос, которым дарована была автокефалия Православной Церкви в Америке, называвшейся до тех пор Греко–Православной католической Церковью в Америке, или по–другому — "митрополичьим округом", выросшим из миссионерской Алеутской и Аляскинской епархии. Соглашение о нормализации отношений с Американской Церковью было подписано 31 марта митрополитом Никодимом и митрополитом всей Америки и Канады Иринеем.

Московская Патриархия тогда же нормализовала отношения с Японской Церковью, которая в послевоенные годы оказалась незаконным образом в юрисдикции Американского "митрополичьего округа", даровавшего ей автокефалию. С иерархий Американской и Японской Церквей сняты были запрещения, тяготевшие над ними.

На заседании 10 апреля 1970 года Священный Синод причислил к лику святых просветителя Японии — равноапостольного Николая (Касаткина).

Устроение канонически правильных отношений Московского Патриархата с Американской и Японской Церквами явилось последним первосвятительским деянием Патриарха Алексия. Жизнь великого старца, перешагнувшего за 90–летний рубеж, угасала. После праздника Сретения, 15 февраля, Святейший Патриарх перенес инфаркт. Последние дни своей земной жизни он провел в загородной резиденции в селе Лукине. 17 апреля, зная о приближении смерти, Патриарх продолжал работать: последнего посетителя он принимает за 19 минут до кончины. В 21 час 49 минут сердце Святейшего Патриарха остановилось. Возле одра Святейшего находились дежурный врач и его личный секретарь Остапов.

Погребение Предстоятеля Русской Церкви состоялось 21 апреля, во вторник, после литургии Преждеосвященных Даров. Останки блажен нопочившего Первосвятителя нашли упокоение в храме Всех Святых земли Русской под Успенским Собором Троице–Сергиевой Лавры, возле могилы глубоко чтимого Святейшим Патриархом великого миссионера митрополита

Макария (Невского). В отпевании и погребении почившего Предстоятеля Русской Церкви участвовали Католикос–Патриарх Грузии Ефрем II, Патриарх Болгарский Кирилл, митрополит Варшавский Василий, митрополит Пражский Дорофей, сонм архипастырей и пастырей. На погребение Патриарха Алексия прибыли Патриарх–Католикос армян Вазген I, кардинал Иоанн Виллебрандс и другие видные деятели инославных церквей.

Патриарх Алексий I (в миру Сергей Владимирович Симанский) родился 27 октября 1877 года в Москве в благочестивой и просвещенной старинной дворянской семье. Отец Первосвятителя Владимир Андреевич служил синодальным чиновником, впоследствии удостоился высокого придворного чина камергера. Родной теткой Патриарха была игумения Леонида (Озерова), настоятельница Новодевичьего монастыря.

В 1888 году, получив хорошее домашнее образование, Сергей Симанский поступил в гимназический класс Лазаревского института восточных языков, а оттуда перешел в привилегированный Николаевский лицей. Уже в лицее мальчика отличала особая любовь к храму. Святитель вспоминает о своем отрочестве: "Как отрадно было после молитвы приложиться к любимой иконе и получить благословение батюшки! Сколько благодатных, теплых воспоминаний оставалось в душе от таких знаменательных событий, неразрывно связанных с храмом, как говение на первой и на 2–ой неделе Великого Поста или на Пасхальной Седмице". Огромное влияние на формирование души отрока оказал лицейский законоучитель протоиерей Иоанн Соловьев. Уже в лицейские годы юноша хотел посвятить жизнь служению Церкви, но по настоянию родителей, окончив лицей с серебряной медалью, в 1896 году поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил со степенью кандидата права. Военную службу проходил (вольноопределяющимся) в гренадерском Самогитском полку.

На Покров в 1900 году Сергей Владимирович поступил в Московскую духовную академию. В академии будущий Патриарх слушал лекции выдающихся ученых В. Ключевского, Н. Аптерева, А. Голубцова. Неизгладимое впечатление на духовное развитие аскетически настроенного юноши оказал ректор академии епископ Арсений (Стадницкий), впоследствии митрополит, выдающийся церковный деятель, в 1917 году один из трех кандидатов на Патриарший Престол. Это был человек редкого ума, бесстрашия, воли, талантливый церковный историк и публицист, проповедник с несравненным даром слова. Требовательный, но справедливый ректор оценил способности и благочестивую настроенность студента из дворян и полюбил его.

9 февраля 1902 года Сергей Владимирович принял постриг от руки ректора с наречением имени святителя Московского Алексия. Вскоре он был рукоположен в иеродиаконы, а 21 декабря 1903 года — в иеромонахи. В 1904 году иеромонах Алексий закончил духовную академию, получив степень кандидата богословия за курсовое сочинение "Господствующие в современном нравственно–правовом сознании понятия перед судом митрополита Филарета (Дроздова)".

Началось обычное для ученого богослова–монаха административно–педагогическое служение Церкви. Иеромонах Алексий был назначен инспектором Псковской духовной семинарии, и в Пскове служба его проходила под архипастырским окормлением епископа Арсения, занимавшего тогда уже Псковскую кафедру.

16 сентября 1906 года иеромонах Алексий был назначен ректором Тульской семинарии с возведением в сан архимандрита. Вручая жезл новому архимандриту, епископ Арсений сказал: "Возлюбленный брат, помни, что не избежишь неправды и клеветы человеческой. Будешь исполнять свой долг и поступать по закону — заслужишь нарекания в формализме, придирчивости. Будешь относиться к людям только с любовью, снисходительно — не избежишь обвинения в том, что не держишь как следует бразды правления. Где же найти утешение? — спросишь ты, испытав на опыте тяготы начальствования. Оно только в молитве и в сознании исполненного долга". Прибыв в Тулу на Покров Божией Матери, архимандрит Алексий прямо с вокзала направился в семинарскую церковь и совершил литургию. Перед молебном по случаю начала учебного года, он обратился к воспитанникам со словами назидания: "Не забывайте молитвы, которая есть дыхание благодатной жизни. К Небесному Учителю возводите взор ума вашего. К Нему простирайте воздыхание сердца, когда приступаете к учению, когда вас постигают скорби…" Ректор семинарии преподавал Новый Завет. В Туле зрел проповеднический, административный и педагогический талант будущего Предстоятеля Русской Церкви.

При прощании с ректором в 1911 году один из его учеников сказал: "Вы поступили… именно в то время, когда в духовной школе особенно чувствовалась нужда в хороших начальниках, наставниках и руководителях… В Вас мы сразу же нашли приветливого, отзывчивого ко всем нашим юношеским запросам начальника и доброго воспитателя — человека… Ревностно относясь к поддержанию и укреплению в нас необходимого религиозного чувства и направления, Вы создали особенно торжественное и величественное богослужение… Вы так бережно

обращались с душой каждого, боясь излишней суровостью запугать ее, оттолкнуть от себя". Из Тулы архимандрит Алексий был переведен в Новгород ректором семинарии и настоятелем древнего монастыря преподобного Антония Римлянина. Ректорские труды под руководством его учителя, теперь уже Новгородского архиепископа Арсения, продолжались менее двух лет.

28 апреля в Софийском соборе состоялась хиротония архимандрита Алексия во епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии. Хиротонию возглавил высокий, гость России — Патриарх Антиохийский Григорий IV. В слове при наречении ставленник сказал: "Служение епископа есть путь страданий и Креста, потому что оно есть последование за Пастыреначальником -Христом, потому что оно есть продолжение того дела спасения людей, на которое послал Спаситель своих учеников и апостолов, кровью и смертью запечатлевших свое посланничество… И я восхожу на епископскую кафедру, которую святой Григорий Богослов… назвал "завидною и опасною высотою", исповедуя свое недостоинство, свою немощь, свою духовную нищету… Я благодарю Бога за то, что дает нам редкое, исключительное счастье иметь во главе моих рукоположителей великого представителя древнейшей святой Антиохийской Церкви Блаженнейшего Патриарха Григория… Твоих усердных молитв, святой владыко Церкви Новгородской, архипастырь и благодетель мой, я с особым дерзновением прошу и молю. Под твое мудрое и надежное руководство всеблагий Промысл поставил меня еще тогда, когда из мира я всей душой устремился на путь святого иночества… и с тех пор вся моя иноческая жизнь связана с тобою… Научи меня твоей любви к пастве, твоей неоскудевающей архипастырской ревности, твоей твердости и мудрости, твоему неотступному стоянию за правду…"

Когда началась первая мировая война, епископ Алексий воодушевлял свою паству на самопожертвование ради Отчизны. В речи перед войсками, уходившими на фронт, епископ сказал: "Настал час воли Божией, наступила грозная година испытаний для нашего дорогого Отечества. Грозный и лукавый враг дерзновенно поднял меч свой на нас и угрожает нашему священному достоянию… быть может, Промысл Божий готовит нам великий жребий подавить ту вековую неправду и то беззаконие, которые тяготели над государствами Европы…" Будущий Предстоятель Русской Церкви устраивает лазареты, служит в них молебны и панихиды по усопшим. В ту пору архиепископ Арсений подолгу бывал в Петербурге, участвуя в деятельности Священного Синода и Государственного Совета, и

викарный епископ управлял епархией.

Получив в феврале весть об отречении Императора Николая II, епископ Алексий обращается к пастве с воззванием: "Твердо веруя, что за крестом внешних испытаний и внутренних нестроений дорогой Родины нашей наступит светлое воскресение и обновление Великой России, православное духовенство города Новгорода призывает всех объединиться в общей горячей молитве к милосердному Господу, да благословит Он в эти тяжелые минуты созидательную работу нового строя". В тяжкие годы гражданской войны епископ оставался в своей епархии, большую часть времени самостоятельно управлял ею. В Новгороде на его долю выпали суровые испытания.

В феврале 1921 года Патриарх Тихон назначил епископа Алексия первым викарием Петроградской епархии с титулом епископа Ямбургского. А вскоре после этого разразился обновленческий раскол. 29 мая 1922 года, после ареста митрополита Вениамина, епископ Алексий вступил в управление Петроградской епархией. Желая разрядить ситуацию, управляющий епархией снял отлучение с взбунтовавшихся клириков: протоиереев А. Введенского, А. Боярского и священника Е. Белкова. Обновленческое Высшее Церковное Управление через протоиерея В. Красницкого, заместителя Председателя Высшего Церковного Управления, в ультимативной форме потребовало от епископа Алексия подчиниться ему: "Предлагаю вам, — писал самозванец, — немедленно вступить в обязанности Председателя Епархиального управления, без чего не может быть осуществлено Вами управление Ленинградской епархией. Ленинградское Епархиальное управление должно действовать строго по указанию Высшего Церковного Управления". Епископ Алексий отказался подчиниться самочинному раскольническому центру, и был им "уволен на покой". По проискам живоцерковников он в октябре 1922 года подвергся административной высылке в Казахстан в город Каракалинск.

Весной 1926 года на Благовещенье епископ Алексий вернулся в Ленинград. Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергий назначил его управляющим Новгородской епархией с титулом архиепископа Тихвинского, позже Хутынского. Митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий) находился тогда в Ташкенте. Обновленческая скверна не захватила Новгородской епархии; в Новгороде им принадлежал лишь один храм — Знаменский собор.

Митрополит Сергий включил архиепископа Алексия в учрежденный им в 1927 году Временный Патриарший Синод.

Вместе с Заместителем Местоблюстителя архиепископ Алексий участвовал в составлении знаменитой "Декларации" от 29 июля 1927 года.

18 мая 1932 года архиепископ Алексий вместе с двумя другими членами Синода был возведен в сан митрополита с титулом Старорусского. В конце 1932 года в связи с тем, что после кончины митрополита Ташкентского Никандра (Феноменова), проживавший более 10 лет в Ташкенте митрополит Арсений был назначен на Ташкентскую кафедру, митрополит Алексий стал титуловаться по имени епархии, которой он управлял уже в течение 6 лет, а в 1933 году после ухода на покой митрополита Ленинградского Серафима (Чичагова), владыка Алексий был переведен на Ленинградскую кафедру. 28 октября 1933 года он совершил богослужение в Свято–Троицком соборе Александро–Невской Лавры.

Ленинград был главным оплотом обновленчества; в этом городе прочную опору имели и иосифляне, не поминавшие за богослужением имени митрополита Сергия. Новому митрополиту пришлось много потрудиться над охранением канонического строя церковной жизни в своей особенно сложной епархии. Все время, свободное от административных попечений, митрополит Алексий посвящал богослужениям в городских церквах. По воспоминаниям современников, он часто служил в маленьких окраинных церквах по священническому чину. Обновленческий лжемитрополит Николай Платонов, впоследствии ренегат и пропагандист атеизма, часто выступал с наглыми личными нападками на православного митрополита; но его старания вызвать владыку на спор оставались тщетными. Святитель ни разу не ответил на его бранные выпады. Своим необычайно высоким авторитетом у паствы митрополит Алексий обязан был в значительной мере совершенному отсутствию желания искать популярность, льстить народу, заискивать перед ним.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны митрополит Алексий был вызван в Патриархию в Москву. 10 августа 1941 года он произнес в Москве слово, проникнутое традиционным для русского духовенства глубоким и подлинным патриотическим чувством: Русский человек бесконечно привязан к своему Отечеству, которое для него дороже всех стран мира. Ему свойственна тоска по Родине, о которой у него постоянная дума, постоянная мечта. Когда Родина в опасности, тогда особенно разгорается в сердце русского человека эта любовь. Он готов отдать все свои силы на защиту ее; он рвется в бой за ее честь, неприкосновенность и целость проявляет беззаветную храбрость, полное презрение к смерти. Не только как на долг, на

священный долг, смотрит он на дело ее защиты, но это есть непреодолимое веление сердца, порыв любви, которую он не в силах остановить, которую он должен до конца испытать… Мы веруем, что и теперь Великий Предстатель за землю Русскую преподобный Сергий простирает свою мощь и свое благословение русским воинам. И эта вера дает нам всем неиссякаемые силы для упорной и неустанной борьбы. И какие бы ужасы не постигли нас в этой борьбе, мы будем непоколебимы в нашей вере в конечную победу правды над злом, в окончательную победу над врагом".

Вскоре после этого митрополит Алексий вернулся в свой кафедральный город. Девятьсот блокадных дней провел он со своей паствой, вместе с народом, в осажденном, вымирающем и замерзающем городе. Непрерывные бомбежки и артобстрелы, трупы умерших от голода непогребенных жителей на каждом шагу… но городские церкви были переполнены молящимися людьми. Митрополит Алексий был все время в храме, одно время он даже жил на колокольне Никольского собора. Служил литургию, молебны, а в будние дни — часто без диакона, сам причащал и читал поминания. Всякий мог тогда прийти к нему со своим горем, и он принимал пасомых и утешал их беседами. В своих проповедях и посланиях к пастве митрополит внушал им надежду на избавление и победу.

В пасхальном послании 1943 года святитель написал: "Во всех нас заговорил русский, сын одного Отечества, и встали не за себя, не за личные блага, а за Мать–Родину, которой грозит разорение и гибель… А над всем сим — непоколебимая вера, присущая русскому православному человеку, вера в бесконечную милость Божию, сильную превозмочь гордость насилия и даровать победу народу, явившему столь великую крепость духа в годину тяжкой опасности".

4 сентября 1943 года митрополит Алексий участвовал в беседе трех виднейших иерархов Русской Церкви с Председателем Совмина СССР; а 12 сентября 1943 года состоялось избрание Патриарха. После кончины Патриарха Сергия, митрополит Алексий по завещанию Первосвятителя и с согласия Святейшего Синода взял на себя обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола.

2 февраля 1945 года Поместный Собор избрал митрополита Московского Алексия Патриархом Московским и всея Руси. Первосвятительское служение великого старца продолжалось 25 лет. Господь даровал ему редкое долголетие.

Перед отпеванием блаженнопочившего Патриарха, митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен произнес надгробное слово. Он сказал: "…Шествие Святейшего Патриарха

Алексия в потусторонний мир начинается с тех мест на земле, которые он очень любил и о которых проявлял любвеобильную заботу. Это обитель преподобного Сергия Радонежского, в которой прошла юность Святейшего Патриарха, его годы учения в духовной академии, время монашества и монашеского искуса, а затем и настоятельство, так как во время Патриаршества Святейший Патриарх Алексий являлся одновременно и священноархимандритом Троице–Сергиевой Лавры… Имя Святейшего Патриарха известно как имя усердного делателя непрестанной молитвы… Он с благоговением и слезами на глазах стоял перед ракой преподобного Сергия, вознося горячие молитвы о Русской Православной Церкви и ее чадах…"

[image]

IX. Русская Православная Церковь 1970–1980

После блаженной кончины Патриарха Алексия I Местоблюстителем Патриаршего Престола стал в соответствии с "Положением об управлении Русской Православной Церковью" старейший по хиротонии из постоянных членов Синода митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен. 25 июня 1970 года Синод вынес постановление о созыве Поместного Собора. Была образована Комиссия по подготовке Собора из 22 деятелей: постоянных членов Синода, видных архипастырей и богословов во главе с Местоблюстителем. Комиссия разработала нормы представительства клириков и мирян на Соборе, утвердила процедуру соборных деяний и подготовила необходимые материалы к Собору.

На приходских и епархиальных собраниях обсуждались важнейшие вопросы церковной жизни, высказывались суждения о кандидате на Патриарший Престол; народ единодушно высказался за митрополита Пимена.

В канун Собора 26 мая 1971 года в Успенском храме Новодевичьего монастыря состоялось Архиерейское Совещание. Предстояло утверлить Постановление Архиерейского Собора 1961 года с внесением изменений в "Положение об управлении Собора Русской Православной Церковью" на Поместном Соборе. С критикой этого постановления выступил архиепископ Брюссельский Василий. Он сказал: "Одобрить их я по совести… не могу. Прежде всего, они нарушают церковные каноны, а именно 38–е и 41–е Апостольские правила, согласно которым "Епископ да имеет попечение о всех церковных вещах" (правило 38) и "Предписываем епископу иметь власть над церковными вещами. И если ему следует вручать ценные человеческие души, то тем более ему можно управлять деньгами…" (41 правило). А между тем, по постановлениям 1961 года епископ совершенно отделен от всякого контроля над материально–хозяйственной стороной жизни приходов, также отстранены и настоятели приходов, представители и доверенные лица епископов… Говоря это, я отнюдь не предлагаю вернуться к порядкам 1945 года… Там был перегиб в смысле предоставления слишком большой власти настоятелям и умаления участия мирян в управлении материальной стороной приходской жизни. Это имело результатом злоупотребления. Но в 1961 году произошел перегиб в противоположную сторону: настоятели были совершенно

отстранены, и все было передано мирянам. Нужно сейчас выработать нечто среднее. Устранить оба перегиба, так, чтобы права мирян в хозяйственной жизни приходов были бы сохранены, а надзор епископов и настоятелей над всеми сторонами жизни приходов, духовной и материальной, восстановлен. Чтобы настоятели опять стали возглавителями приходов, а не наемниками".

Как вспоминает архиепископ Василий, в кулуарных беседах согласие с его позицией выразили архиепископ Иркутский Вениамин (Новицкий), митрополит Алма–Атинский Иосиф (Чернов), архиепископ Уфимский Иов (Кресович). С речами на Совещании выступили митрополиты Пимен и Никодим. В своих выступлениях среди прочего они коснулись и вопроса об изменениях в "Положении об управлении Русской Православной Церковью", которые были внесены Архиерейским Собором 1961 года.

Митрополит Пимен сказал: "От множества клириков нашей Церкви мы также получили аргументированные высказывания в поддержку решений Архиерейского Собора 1961 года… Не скрою, есть, правда, единичные высказывания, которые нас возвращают к положению, существовавшему в приходах до 1961 года. Но для этого нет никаких оснований, ибо принятие подобных решений противоречит государственному законодательству и не будет служить на пользу Святой Церкви".

Подробнее остановился на этом вопросе митрополит Никодим: "18 июля 1961 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви постановил разграничить обязанности настоятелей и исполнительных органов прихода. Само собой разумеется, что структура и организация жизни нашей Церкви не должны и не могут входить в противоречие с законами нашего Отечества, и все, что может осложнять или ухудшать взаимоотношения между Церковью и государством в нашей стране, нами должно отвергаться, ибо в памяти церковной никогда не должны забываться усилия приснопамятного Святейшего Патриарха Сергия по нормализации этих отношений и обо всем том, что было в церковной жизни при отсутствии этих отношений. Напоминание было весьма красноречивым и сильным. — Я думаю, что нам, ответственным перед Пастыреначальником Господом Иисусом Христом и Его Церковью за нормальное течение и развитие церковной жизни, это совершенно ясно, и в данном вопросе нет места неконструктивным спорам. Опыт 10–летнего применения этого решения Архиерейского Собора 1961 года в приходской жизни показал оправданность известного утверждения Святейшего

Патриарха Алексия, сделанного им в речи на Соборе: "Умный настоятель, благоговейный совершитель богослужений и, что весьма важно, человек безукоризненной жизни, всегда сумеет сохранить свой авторитет в приходе…"

На Архиерейском Собрании обсуждалась также кандидатура Патриарха. Выступившие высказались за митрополита Крутицкого Пимена. Против открытого голосования возражал архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин): выборы Патриарха носят персональный характер, а в персональных вопросах тайное голосование обязательно для обеспечения свободы выборов. Если Патриарх будет избран открытым голосованием, это даст всем врагам нашей Церкви повод оспаривать свободу выборов. Это подорвет авторитет будущего Патриарха, затруднит дело воссоединения отпавших. Зачем давать врагам нашей Церкви повод нападать на нее? Я говорю все это не потому, что я против кандидатуры митрополита Пимена. Я много ломал голову над календарем с портретами наших иерархов и никого, кроме Владыки Пимена, подходящего не нашел. Один слишком стар, другой слишком молод, а третий мне недостаточно известен. Считаю митрополита Пимена достойным кандидатом в Патриархи и заявляю, что будет ли тайное, будет ли явное голосование, я буду голосовать за митрополита Пимена… Думаю, что так мыслят все. Но тогда тем более не нужно делать открытых выборов, раз и при тайном голосовании проявится единодушие".

Поместный Собор открылся 30 мая 1971 года и продолжался до 2 июня. Членами Собора были все епископы Русской Православной Церкви, по епархиям было избрано по 1 клирику и 1 мирянину. На Соборе были представлены также Японская автокефальная Церковь, миссии и благочиния Русской Церкви, духовные академии и монастыри. Среди 236 членов Собора от 67 внутренних и 14 зарубежных епархий было 75 архиереев, 9 митрополитов, 30 архиепископов и 36 епископов, 85 клириков и 78 мирян. Гостями Поместного Собора были представители Православных автокефальных Церквей, инославных Церквей, экуменических организаций, среди них: Патриарх Александрийский Николай VI, Католикос–Патриарх Грузии Ефрем II, Патриарх Румынский Юстиниан; Наместник — председатель Священного Синода Болгарской Церкви митрополит Максим, митрополит Варшавский Василий, митрополит Пражский Дорофей; кардинал Виллебрандс, генеральный секретарь Всемирного Совета Церквей Ю. К. Блейк.

Деяния Собора проходили в Троице–Сергиевой Лавре. Собор открылся Божественной литургией в Троицком соборе, которую

совершил митрополит Пимен. Первое рабочее заседание состоялось в тот же день, 30 мая, в Троицком храме Лавры.

31 мая Местоблюститель Митрополит Пимен выступил с докладом "Жизнь и деятельность Русской Православной Церкви". В докладе дана высокая оценка Первосвятительскому служению блаженнопочившего Патриарха Алексия I: "Прежде всего мы отмечаем его глубочайшую церковность и ясное понимание им задач современности. Глубокое проникновение его в сущность миссии Церкви, неуклонное следование православному вероучению и канонам, острое сознание интересов Православия и нужд времени служили основой предпринимаемых Патриархом Алексием действий во благо Церкви и служения миру… Святейший Патриарх Алексий умел связывать духовные традиции прошлого нашей Церкви с современной ее жизнью в новых исторических условиях. Достойный хранитель духовных сокровищ нашей Церкви, как драгоценного опыта живой любви и богословского созерцания отцов и учителей Церкви, он научил нас любить и ценить эти духовные сокровища и традиции, завещал нам не только хранить их далее, но и укреплять, и умножать своей доброй христианской жизнью".

В тот же день митрополит Никодим прочитал содоклад "Экуменическая деятельность Русской Православной Церкви". Он же выступил на Соборе с докладом "Об отмене клятв на старые обряды и придерживающихся их", в котором представил историю церковного раскола и предложил путь к уврачеванию печального разделения. Митрополит Таллинский и Эстонский Алексий, ныне здравствующий Патриарх Московский и всея Руси, огласил содоклад "О миротворческой деятельности Русской Православной Церкви". В конце дня были приняты "Решения Поместного Собора". В своих "Решениях" Собор постановил:

"1. Одобрить деятельность Священного Синода во главе с блаженнопочившим Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием и Местоблюстителем Московского Патриаршего Престола Высокопреосвященнейшим Пименом, митрополитом Крутицким и Коломенским, по управлению Русской Православной Церковью, осуществленную в период от Поместного Собора 1945 года и до сего дня, а также Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви, состоявшегося 18 июля 1961 года.

2. Выразить глубокое удовлетворение по поводу решения Священного Синода во главе со Святейшим Патриархом Алексием на основании согласия епископата Русской Православной Церкви о даровании автокефалии ряду Поместных Церквей, входивших в Московский Патриархат…, а также автономии Японской

Православной Церкви… Одобрить решение Священного Синода Русской Православной Церкви от 30 апреля 1957 года о признании автономии Финляндской Православной Церкви, бывшей части Московского Патриархата.

3. Отметить выдающееся историческое событие в жизни Русской Православной Церкви — возвращение в Православие в 1946 и 1949 годах греко–католиков Галиции и Закарпатья и прекращение Брест–Литовской и Ужгородской уний, в свое время насажденных силою.

4. Признать делом исключительной важности напряженные усилия, предпринимавшиеся Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом Русской Православной Церкви в обозреваемый период по возвращению в лоно Матери–Церкви отошедших от нее в разное время архиереев, клириков и мирян… Поручить Высшей церковной власти Русской Православной Церкви продолжать усилия по воссоединению с Матерью–Церковью так называемой "Русской Православной Церкви Заграницей" (Карловацкий раскол), "Украинской автокефальной Православной Церкви Заграницей" и других рассеянных ее чад… Ввиду того, что активная деятельность приверженцев так называемой "Русской Православной Церкви Заграницей"…против Матери — Русской Православной Церкви и против Святой Православной Церкви в целом наносит вред Святому Православию, Высшей церковной власти Московского Патриархата осуществить в ближайшее время необходимые канонические санкции по отношению к отступническому сонмищу…" — Карловацкому расколу и его нераскаявшимся последователям…

5. Одобрить деятельность Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода Русской Православной Церкви по развитию взаимосвязей Московского Патриархата с Поместными Православными Церквами…

6. Одобрить деятельность Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода Русской Православной Церкви во взаимоотношениях с неправославными христианскими Церквами и исповеданиями и в экуменизме… Считать важнейшей задачей… дальнейшее развитие этой деятельности, которое должно быть неизменно обусловлено строгим соблюдением чистоты православной веры, учения Русской Православной Церкви", которые были внесены Архиерейским Собором 1961 года.

7. Поместный Собор высоко оценивает активную и многогранную деятельность Святейшего Патриарха Алексия, Священного Синода и всей Поместной Русской Православной Церкви в их служении современному человечеству, основой

которого является постоянная и усердная молитва Владыке вселенной о мире всего мира".

2 июня Поместный Собор издал "Деяние" "Об отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их", принял "Послание… Преосвященным архиереям, боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Русской Православной Церкви", а также "Обращение… к христианам всего мира".

Главным событием заключительного заседания Поместного Собора, состоявшегося 2 июня, явилось избрание Патриарха. Епископы, голосуя от своего имени и от имени клириков, и мирян своих епархий, начиная с младшего по хиротонии и кончая Заместителем Председателя Собора митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом, назвали своим избранником митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена.

3 июня 1971 года в Богоявленском кафедральном соборе Москвы состоялась интронизация нареченного Патриарха.

Патриарх Московский и всея Руси Пимен (в миру Сергей Михайлович Извеков) родился 10 (23) июля 1910 года в праздник Ризоположения в городе Богородске (ныне Ногинск) в благочестивой семье. Его отец Михаил Карпович служил механиком на фабрике. Дети в семье Извековых умирали в младенчестве, кроме первой дочери — Марии Михайловны — крестной матери своего брата — будущего Патриарха. Поэтому когда родился сын Сергей, его мать Пелагея Афанасьевна дала обет посвятить дитя Богу. Вместе с матерью мальчик совершал паломничества по святым местам, особенно часто они бывали в Троице–Сергиевой Лавре. В Богородской средней школе Сергей Извеков был одним из лучших учеников. Даже в школьные годы он находил время для чтения Священного Писания и духовно–назидательных книг, особенно ему полюбились сочинения архиепископа Иннокентия (Борисова), находил он время и для клиросного послушания в Богородском Богоявленском соборе, а потом для исполнения иподиаконских обязанностей при Богородских епископах Никаноре и Платоне. Мальчик брал уроки музыки у профессора Воронцова, постигая тайны вокального и регентского искусства.

В 1925 году, окончив среднюю школу, Сергей Извеков переезжает в Москву и в Сретенском монастыре принимает постриг в рясофор с именем Платон. 4 октября 1927 году, в семнадцать лет, от руки игумена Агафодора он принимает постриг в мантию с наречением имени преподобного Пимена Великого. После пострига будущий Первосвятитель управлял хором в московском храме преподобного Пимена Великого. В 1931 году он сдал экзамены за курс духовной школы комиссии

под председательством бывшего ректора Вифанской семинарии протоиерея Зверева. После этого, 16 июля 1931 года, архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский) рукоположил его в иеродиакона, а 25 января 1932 года — в иеромонаха. В течение нескольких лет юный иеромонах нес послушание регента Дорогомиловского Богоявленского собора — в ту пору кафедрального храма Москвы. Вспоминая начало 30–х годов, Патриарх Пимен говорил: "Мое благовестничество началось с того времени, как я принял сан иеромонаха…"

В тяжелые для Церкви предвоенные годы, иеромонах Пимен разделил судьбу русского духовенства, на долю которого выпали тяжкие испытания. В конце Великой Отечественной войны он служил священником в Благовещенском соборе Мурома. В 1946 году иеромонах Пимен был переведен в Одессу, служил там казначеем Ильинского монастыря, помощником благочинного монастырей епархии, в 1947 году был удостоен сана игумена и переведен в Ростовскую епархию, где состоял секретарем епископа и ключарем кафедрального собора.

В конце 1949 года по указу Патриарха Алексия I игумен Пимен назначается наместником Псково–Печерского монастыря, а весной 1950 года митрополит Григорий (Чуков) возвел его в сан архимандрита. Во время своего наместничества будущий Патриарх посвятил много трудов реставрации монастырских церквей, мудро управлял братией, духовно окормлял паломников и усердно проповедовал.

В январе 1954 года архимандрит Пимен был переведен наместником в ставропигиальную Троице–Сергиеву Лавру. В годы его управления Лаврой были сооружены два придела в трапезном храме преподобного Сергия. При нем был восстановлен и академический храм. За каждой воскресной и праздничной литургией наместник Лавры произносил догматически глубокие и наставительные проповеди, которые привлекали сердца верующих. Вспоминая о своем служении в Лавре преподобного Сергия, Святейший Патриарх говорил: "За этот прекрасный и содержательный отрезок жизни много получено духовного утешения и неведомой для мира радости, понятной только инокам".

17 ноября 1957 года в Успенском соборе Одессы Патриарх Алексий возглавил хиротонию архимандрита Пимена во епископа Балтского. В слове, произнесенном при наречении, ставленник сказал: "Большим утешением для меня является то, что на высоту епископского служения я был призван из дорогой моему сердцу Лавры преподобного аввы Сергия, с которой тесно связана вся моя жизнь. Приведенный своей родительницей в святую Лавру

Сергиеву, когда мне исполнилось восемь лет, я впервые исповедывался и причащался Святых Тайн в Зосимо–Савватиевской церкви Лавры, в пустыни Святого Духа Параклита состоялось мое пострижение в монашество, и там проходили первые шаги моего монашеского искуса "вся вменяющего во уметы, да Христа приобрящу". Здесь же я насыщался от сладостной трапезы бесед и наставлений, исполненных глубокой мудрости, огромного опыта и духовной настроенности, всегда любвеобильного и благостного приснопамятного наместника Лавры архимандрита Кронида, много добрых семян посеявшего в мою душу".

В декабре 1957 года епископ Пимен был переведен из Одессы в Московскую епархию на викарную Дмитровскую кафедру, а в ноябре 1960 года удостоен архиепископского сана. В марте 1961 года архиепископ Пимен был назначен на самостоятельную Тульскую кафедру, а 14 ноября того же года переведен на Ленинградскую митрополичью кафедру. Через два года митрополит Пимен был назначен митрополитом Крутицким и Коломенским, став ближайшим помощником Патриарха, одним из столпов Русской Церкви, хранящих чистоту Православной веры. В воскресные и праздничные дни митрополит Пимен совершал богослужения в кафедральном Богоявленском соборе, неизменно произнося проповеди. 16 апреля 1970 года, за день до своей кончины, Патриарх Алексий возложил на митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена вторую панагию, символически выразив этим свою мысль о преемстве Первосвятительского служения.

Возведенный благодатью Божией на Патриарший Престол, новый Предстоятель Русской Церкви продолжал путь, который "предначертал для Церкви" Патриарх Алексий I. Знаменательное слово, с которым Патриарх Пимен выступил в Московской духовной академии 30 ноября 1971 года при вручении ему диплома почетного доктора богословия. Обращаясь к преподавателям академии, Святейший Патриарх сказал: "Я хочу, чтобы наше богословие было всегда сугубо ортодоксальным. Это зависит во многом от вас, от ваших трудов, от ваших богословских воззрений. Мне хотелось бы, — я уже об этом говорил, — чтобы традиции Русской Православной Церкви неукоснительно сохранялись, и чтобы вы в учебных программах уделяли больше внимания укреплению в слушателях сознания, что необходимо традиции Русской Православной Церкви соблюдать и хранить… Студентам и воспитанникам необходимо прививать любовь к церковнославянскому языку, объяснять им, что церковно–славянский — это язык богослужебный, язык

красоты особой, чистой. А этот вопрос либо обходится молчанием, либо предпринимаются попытки дать ему превратное, нежелательное толкование".

В первой половине 70–х годов церковная жизнь оставалась относительно стабильной и протекала без особых потрясений, подобных тем, которые выпали на ее долю десятилетие назад. В результате продолжающейся миграции сельского населения в города некоторые сельские приходы прекратили свое существование, а новые храмы в промышленных городах открывались исключительно редко. За пять лет с 1971 по 1976 года число приходов Русской Церкви сократилось с 7274 до 7038, в среднем закрывалось по 50 приходов в год. В последующие пять лет число ежегодно закрываемых приходов уменьшилось до шести, и в 1981 года Русская Православная Церковь насчитывала 7007 приходов.

Продолжала оставаться серьезной кадровая проблема: сказалось резкое сокращение числа учащихся в семинариях в начале 60–х годов. С 1971 по 1975 года число священников убавилось с 6234 до 5994, а диаконов с 618 до 594. Некоторые священники, особенно в западно–украинских и прибалтийских епархиях, окормляли по два, три и даже по четыре прихода. Снизился образовательный уровень духовенства. Богословское образование имела лишь половина духовенства. Почти половина священнослужителей не имела общего среднего образования. Подбор кандидатов священства был крайне затруднен. Рукоположениями, которых ежегодно совершалось во всех епархиях чуть более ста, не удавалось перекрыть естественную убыль духовенства; больше половины священников и диаконов составляли пожилые люди старше 60 лет. За 1972 — 1974 года духовные школы направили на приходское служение всего лишь 219 священнослужителей — менее 2/3 своих выпускников.

Несмотря на то, что посещаемость храмов снижалась, так как большинство населения страны стало составлять поколение, воспитанное вне Церкви, более частыми становились случаи религиозною обращения людей, выросших в атеистических семьях, значительно выросло число крещений взрослых людей, особенно в больших городах. Средний возраст прихожан начал снижаться.

"Сколько же верующих объединяет Святая Церковь? — говорил Патриарх Пимен в докладе, который он произнес на торжественном заседании по случаю 60–летия восстановления Патриаршества 25 мая 1978 года, — Паства наша многомиллионная. Ввиду разнообразия активности их духовной жизни и при отсутствии традиции нашей Церкви вести

статистический учет верующих, назвать конкретные цифры невозможно. Наша Церковь радуется умножению своих чад и скорбит при их утрате".

На основании выборочных сведений, полученных в результате социологических исследований, можно считать, что число сознательных верующих в конце 1970–х годов составило примерно 30 — 40 миллионов. Крещенных по православному обряду было больше 100 миллионов.

Умножение числа новообращенных, главным образом из среды столичной и городской интеллигенции, свидетельствовало о том, что влияние Церкви на общество не сойдет на нет, как надеялись ее недруги, после того как уйдет из жизни поколение, получившее традиционное воспитание, потому что, в отличие от политических, философских, социальных идеологий с их земным происхождением и земными горизонтами, христианское вероучение неотмирно и укоренено в вечности. И в то же время новообращенная паства требовала особой пастырской мудрости в ее окормлении.

Как и в начале XX века, многие из тех, кто приходил в Церковь, не столько искали водительства от нее, сколько пытались сами учить Церковь, прилагая к церковной жизни мерки, вынесенные ими из совсем иных сфер. Но огромная разница в образовательном уровне между интеллигенцией начала XX столетия и его конца делала ситуацию более сложной. К тому надо учесть еще и то обстоятельство, что интеллигенция начала века получала в детстве религиозное образование и в Церковь действительно возвращалась, а новообращенные 70 — 80–х годов в детстве чаще всего получали о Церкви анекдотически искаженное представление, и часть их, причем особенно активная, в Церковь не возвращалась, а приходила из среды, которая искони была чужда Христианству. Новообращенные переживали трудный мировоззренческий кризис и не всегда изживали социальный нигилизм; дух критиканства они легко переносили и на церковную жизнь, которую их сознание часто отражало крайне не адекватно. Эта среда становилась питательной почвой для церковного диссидентства. В 70–е годы появляются кружки, в сознании участников которых царила причудливая смесь из ложного мистицизма околоцерковных мыслителей прошлого, унаследованного от обновленцев нигилизма в оценке церковной истории и политических тенденций того или иного толка. Самиздатская литературная продукция этих кружков получала широкую огласку на Западе. В деятельности кружков проявлялась искренняя озабоченность и наивность одних и расчетливое политиканство других.

К церковному диссидентству примкнуло и несколько священнослужителей. Репутацию диссидентов получили и те священники, которые в своей деятельности руководствовались не политическим расчетом, а искренней пастырской тревогой за положение Церкви, болью о духовном состоянии русского народа, о распространении в народе пьянства, о падении нравственных устоев, разрушении семьи.

Частые нарушения законов со стороны органов власти по отношению к церковным общинам побуждали и высокопоставленных церковных деятелей к действиям, направленным на защиту Церкви. Так, 26 октября 1977 года епископ Полтавский Феодосий (Дикун) обратился к главе государства Л. И. Брежневу с письмом, в котором протестовал против оскорбительных действий многих представителей власти в их обращении с верующими людьми и потребовал прекратить практику регистрации треб, исполняемых приходскими священниками; предоставить возможность архиереям рукополагать столько священнослужителей, сколько нужно для нормальной жизни приходов; не препятствовать реставрации церквей и молитвенных домов; освободить Церковь от диктата уполномоченных, предоставить больше прав епископам церковных дел; не допускать печатного оскорбления религиозных чувств верующих, прекратить практику принудительного закрытия церквей; дозволить расширение церковно–издательской деятельности.

В 1970–е годы укреплялись связи Русской Церкви с Церквами–Сестрами. В апреле и мае 1972 года Патриарх Пимен совершил паломничество в Святую Землю и другие страны Ближнего Востока, встретился там с Предстоятелями Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской Церквей. В этот период продолжалась подготовка к Всеправославному Собору. В сентябре 1976 года в Шамбези близ Женевы состоялось Первое Предсоборное Всеправославное Совещание; в нем участвовала и делегация Русской Церкви. На Совещании был уточнен каталог тем, которые предстоит обсудить на Соборе:

1) Православная диаспора;
2) Автокефалия и способ ее провозглашения;
3) Автономия и способ ее провозглашения;
4) Диптихи;
5) Календарный вопрос;
6) Препятствия к браку;
7) Приведение церковных требований о посте в соответствие с требованиями современной эпохи;

8) Отношение Поместных Православных Церквей к прочему христианскому миру;

9) Православие и экуменическое движение;

10) Вклад Поместных Православных Церквей в торжество христианских идей мира, свободы, братства и любви между народами и устранение расовой дискриминации.

Упрочению всеправославного единства способствовал визит делегации Русской Церкви во главе с Патриархом Пименом в Константинополь и встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси со Вселенским Патриархом Димитрием I. В 70–е годы встречи между Предстоятелем Русской Церкви и главами других Православных Церквей стали носить регулярный характер.

Представители Русской Церкви активно участвовали также в деятельности Всемирного Совета Церквей. На V ассамблее Всемирного Совета Церквей, состоявшейся в Найроби в 1975 году, одним из Президентов Всемирного Совета Церквей был избран митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, безвременно скончавшийся 5 сентября 1978 года в Ватикане, на аудиенции у новоизбранного Папы Иоанна–Павла I.

В 1970–е годы Русская Церковь потеряла и других своих видных архипастырей: митрополита Орловского Палладия (Шерстенникова; + 1976), митрополита Алма–Атинского Иосифа (Чернова; +1975), архиепископа Вениамина (Новицкого; +1976), архиепископа Ермогена (+1978). Но на смену им приходили новые архипастыри.

В результате частичной нормализации взаимоотношений между государственными органами и Церковью на рубеже 70–х годов появились возможности для увеличения числа учащихся духовных школ. За десятилетие, с 1975 по 1985 года, оно выросло почти в два раза — с 750 до 1200. В 1976, 1979, 1983 года Московская Патриархия выпустила Библию, общим тиражом 300 тысяч экземпляров.

Большим событием церковной жизни явилась канонизация просветителя Америки и Сибири митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова), совершенная Деянием Священного Синода в ответ на прошение Священного Синода Православной Церкви в Америке 6 октября 1977 года.

В 1979 году к лику общерусских святых был причислен местночтимый Харьковский святитель Мелетий (Леонтович).

X. Русская Православная Церковь в 1980–е годы

Ввиду приближения юбилейной даты — 1000–летия Крещения Руси, Священным Синодом в 1981 году была образована Юбилейная Комиссия под председательством Святейшего Патриарха Пимена, которая возглавляла работу по подготовке юбилейных торжеств.

В 1983 году по просьбе Священноначалия Русской Церкви Правительство передало Московскому Патриархату древнейший в Москве монастырь святого благоверного князя Даниила. В монастыре развернулись реставрационные и строительные работы. Данилов монастырь стал административным центром Русской Православной Церкви, резиденцией Патриарха и Священного Синода.

Весной 1985 года политическим руководителем СССР стал М. С. Горбачев. Перемены, получившие название "перестройки", начались во всех сферах жизни. Демократизация политической системы, широкое освящение в печати беззаконий 30 — 50–х годов, в результате которых тяжело пострадала Церковь, озабоченность широких общественных кругов проблемой духовного оздоровления народа создали обстановку, в которой для Русской Церкви открылись новые возможности.

Юбилейный 1988 год принес с собой существенные перемены в церковной жизни. Самой серьезной проблемой, начиная с 60–х годов, было недостаточное количество приходов, которое не соответствовало числу членов Церкви. В 1986 году Русская Православная Церковь имела 6794 прихода; с 1981 по 1986 года их число уменьшилось на 213, но в 1987 года впервые после середины 50–х годов количество их начало возрастать, а в 1988 года было открыто уже более тысячи приходов; этот процесс продолжался и в 1989 году, в конце которого число православных приходов приблизилось к десяти тысячам.

В 1988 — 1989 годах были замещены правящими архиереями кафедры, не имевшие епископов в течение десятилетий: Ижевская, Хабаровская, Ульяновская, Челябинская, Сумская; учреждена была новая — Тернопольская епархия, выделенная из Львовской. Русской Православной Церкви были возвращены монастыри: Толгский — в Ярославской епархии, знаменитая Оптина Пустынь — в Калужской, древняя святыня Руси — Киево–Печерская Лавра. 29 новых монастырей открылось в других епархиях: Московской, Рязанской, Ивано–Франковской, Курской,

Кишиневской, Львовской.

В 1988 году был увеличен прием абитуриентов в семинарии. В Смоленске в том же году открылось первое межепархиальное духовное училище. Вслед за ним духовные училища были открыты в Кишиневе, Чернигове, Ставрополе, Минске, Новосибирске. В 1989 году открылись новые семинарии: Киевская, Тобольская и Минская. В некоторых приходах начались внебогослужебные катехизические занятия с верующими: появились первые воскресные школы. Церковные деятели получили наконец широкий доступ к средствам массовой информации – в печать, на радио и телевидение: они стали участвовать в общественном диалоге по проблемам, волнующим людей: о нравственном состоянии общества и путях его оздоровления, о культурном наследии, по национальному вопросу, о проблемах сохранения мира. Архипастыри и пастыри встречаются с общественностью в клубах, домах культуры, их приглашают в институты и школы.

Важнейшим событием 1988 года явилось празднование 1000–летия Крещения Руси. Генеральная Ассамблея ЮНЕСКО призвала отметить "1000–летие введения Христианства на Руси как крупнейшее событие в европейской и мировой истории и культуре".

В предъюбилейное время было проведено три международных научно–богословских конференции: в Киеве (июль 1986 года), Москве (май 1987 года) и Ленинграде (февраль 1988 года), в которых участвовали русские и зарубежные богословы, церковные историки, канонисты, светские ученые: историки, философы, филологи, искусствоведы.

С 28 по 31 марта 1988 года в Московском Новодевичьем монастыре заседало Предсоборное Архиерейское Совещание. На нем были рассмотрены программа юбилейного Поместного Собора и проекты его документов. Особое внимание привлек проект Устава об управлении Русской Православной Церкви, архипастыри внесли в него ряд поправок. На Архиерейском Совещании были приняты имена подвижников благочестия для канонизации на Поместном Соборе.

Юбилейные торжества продолжались с 5 по 12 июня. На празднование 1000–летия Крещения Руси в Москву съехались члены Поместного Собора и 517 почетных гостей, среди которых были Патриархи Антиохийский Игнатий IV, Иерусалимский Диодор I, Грузинский Илия II, Болгарский Максим, главы Кипрской Церкви – архиепископ Хризостом, Польской — митрополит Василий, Чехословацкой — митрополит Дорофей, Православной Церкви в Америке — митрополит Феодосии, и

высокие инославные гости — кардиналы Агостино Казароли, Йозеф Глемп, архиепископ Кентерберийский Роберт Ранси, генеральный секретарь Высшего Церковного Совета Эмиль Кастро, Патриарх и Католикос всех армян Вазген I; митрополит Делийский Павел Мар Григорий, глава Коптской церкви Патриарх Александрийский Шенуде III. В торжествах участвовали главы и представители нехристианских религиозных общин, общественные и политические деятели со всего мира. 5 июня, в Неделю всех святых, Божественной литургией в Московском Богоявленском Соборе открылись юбилейные торжества.

После поздравлений, с которыми к Патриарху Московскому и всея Руси обратились Патриарх Иерусалимский Диодор I и Патриарх Александрийский Шенуде III, Первосвятитель Русской Церкви произнес ответное слово: "Настал час великого торжества Русской Православной Церкви. Соборной молитвой мы полагаем начало празднованию 1000–летия Крещения Руси. Ныне Церковь Христова призывает нас к прославлению святых, от века угодивших Богу. Ныне во всех православных храмах мира вспоминаются имена тех, кто, по слову апостола Павла, "верою побеждали царства, творили правду…, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби" (Евр. 11, 33, 37). Церковь Единая Святая Соборная и Апостольская является тем путеводителем ко спасению жизни Вечной, которым взошли от земли на Небо сонмы святых, от века Богу угодивших, взошли и соотечественники наши вслед за равноапостольными княгиней Ольгой и князем Владимиром, который "землю Русскую крести… и насади веру во Единосущную Троицу…" Христианство было тем руслом, по которому потекла в древнерусскую землю культура самой развитой цивилизации того времени — Византии. Эта культура попала на благодатную почву…

И ныне мы вспоминаем тысячелетний путь жертвенного служения Русской Православной Церкви и вместе с тем свидетельствуем, что она, как и прежде, не ослабевает наставлять чад своих на путь духовного совершенствования, утверждения в нашем едином земном доме Богом установленных заповедей, определяющих наши отношения ко всем дальним и близким (Еф. 2, 17), братьям и сестрам нашим… Мы вспоминаем ныне верных чад Святой Церкви, как тех, кто уже прославлен исповеданием имени Божия, подвигом благочестия, так и тех, кто ныне смиренно исполняет свой христианский долг, неся миру служение Христовой любви и милосердия. Как дань благодарной памяти мы возносим ныне к Престолу Вседержителя усердную молитву о в Бозе почивших Предстоятелях, архипастырях и пастырях Русской Православной Церкви, подвигом добрым

подвизавшихся, течение жизни свершивших, веру своей паствы сохранивших… Всем, в вере и покаянии скончавшимся, всем, отдавшим жизнь свою за православную веру, за Отечество — вечный покой со святыми".

* * *

Поместный Собор открылся 6 июня Божественной литургией в Троицком соборе Лавры преподобного Сергия. На Собор прибыло 272 представителя от 67 внутренних и 9 зарубежных епархий, 22 монастырей, 2–х духовных академий и 3–х семинарий, от зарубежных учреждений Русской Церкви и от Японской Автономной Церкви. Заседания Собора проходили в Сергиевском трапезном храме Лавры. В Президиум Собора были избраны Патриарх и постоянные члены Синода. Собор образовал Секретариат во главе с митрополитом Одесским Сергием, Мандатную комиссию под председательством митрополита Сурожского Антония и Редакционную комиссию во главе с архиепископом Смоленским и Вяземским Кириллом (Гундяевым).

На первом заседании после приветствия гостей Собора с докладом "1000–летие Крещения Руси" выступил митрополит Киевский Филарет, впоследствии лишенный сана за учинение раскола. В докладе прослежены исторические судьбы Русской Церкви от ее начала до наших дней.

6 июня митрополит Крутицкий Ювеналий огласил доклад "Канонизация святых в Русской Православной Церкви".

Для прославления в лике святых были предложены: благоверный великий князь Московский Димитрий Донской (1350 — 1380), преподобный Андрей Рублев (1360 — 1–я половина XV века), преподобный Максим Грек (1470 — 1556), святитель Макарий Московский (1482 -1563), преподобный Паисий Величковский (1722 — 1794), блаженная Ксения Петербургская (1732 — начало XIX века), святитель Игнатий Брянчанинов (1807 — 1867), преподобный Амвросий Оптинский (1812–1891), святитель Феофан Затворник (1815–1894).

По решению Поместного Собора был совершен чин канонизации новоявленных угодников Божиих. В Деяних Поместного Собора о канонизации святых среди прочего говорится: "Напечатать их жития и творения, у коих таковые имеются, для назидания и наставления в благочестии чад церковных… Считать необходимым в послесоборный период продолжить работу по изучению дальнейших канонизаций для прославления других почитающихся в народе подвижников веры

и благочестия, попечение о чем иметь Священному Синоду".

На утреннем заседании 7 июня с докладом "Жизнь и деятельность Православной Церкви" выступил митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир (Сабодан), управляющий делами Московской Патриархии, Патриарший Экзарх Западной Европы. В докладе дан обзор основных событий церковной жизни с 1971 по 1988 годы, приведены статистические сведения. Ко времени созыва Поместного Собора Русская Церковь имела 6893 прихода, 67 внутренних и 9 зарубежных епархий, 74 епископа (7 из них несли служение за рубежом), 6674 священника и 723 диакона, 22 монастыря с 1190 насельниками и насельницами; 1999 учащихся духовных школ, включая регентские школы и заочный сектор. За период после Поместного Собора 1971 года совершены канонизации святых Иннокентия Московского и Мелетия Харьковского, установлено празднование соборов святых — Тверских (1979), Новгородских (1981), Радонежских (1981), Владимирских (1982), Смоленских (1983), Белорусских (1984), Сибирских (1984), Костромских (1986), Рязанских (1987) и Крымских (1988).

Церкви были переданы мощи святителя Феодосия Черниговского, преподобного Феодосия Тотемского, гробница святителя Питирима Тамбовского. Государственными музеями Кремля переданы часть древа Креста Господня, риза Богоматери и 10 ковчегов со святыми мощами, среди которых глава святителя Иоанна Златоуста и десница апостола Андрея Первозванного. С сентября 1987 года началось увеличение числа приходов. Более 60 новых православных общин возникло в первой половине 1988 года. Докладчик отметил более конструктивный, чем прежде, характер отношений приходов и епархий с местными органами гражданской власти.

Вслед за тем митрополит Владимир остановился на актуальных проблемах церковной жизни, необходимости реорганизовать управление делами Московской Патриархии, увеличить тираж книг Священного Писания и молитвословов, интенсивнее развивать церковно–издательскую деятельность, которую следует направить на катихизацию верующих, на подготовку квалифицированных преподавателей духовных школ. В церковных общинах необходимо поощрять активность прихожан, особенно в делах благотворительности. Пастыри обязаны благоговейно и ревностно совершать богослужения, проповедовать за каждой воскресной и праздничной службой. Докладчик высказался за централизацию церковных реставрационно–строительных работ, он подчеркнул необходимость решить вопрос о подготовке квалифицированных

реставраторов–иконописцев, специалистов по церковной архитектуре.

Доклад "Внешние связи Русской Православной Церкви" представил председатель Отдела внешних церковных сношений митрополит Минский и Белорусский Филарет. В нем дан обзор взаимоотношений Русской Церкви с другими Православными Церквами во второе тысячелетие христианской истории. Большой раздел доклада посвящен экуменической деятельности Русской Церкви.

На вечернем заседании 7 июня с докладом о миротворческой деятельности Русской Православной Церкви выступил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, ныне Патриарх Московский и всея Руси. "Русская Церковь, — сказал он, — верна апостольской традиции искать мира и стремиться к нему. Церковь и ее духовные пастыри влияли на воплощение христианских идеалов мира в жизни нашего народа. Миротворческая деятельность Русской Православной Церкви всегда была связана с ее патриотическим служением". В докладе были освещены миротворческие аспекты экуменической деятельности Церкви в 70 — 80–е годы.

Доклад об издательской деятельности Русской Православной Церкви представил митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, председатель Издательского отдела Московского Патриархата. Он подчеркнул ведущую роль Церкви в распространении на Руси книжной культуры в синодальную эпоху. К концу XIX века помимо "Епархиальных ведомостей", которые выходили в 61 епархии, и 44 других епархиальных периодических изданий, существовало еще 256 церковных газет и журналов.

Первоочередной задачей церковно–издательской деятельности митрополит Питирим назвал публикацию Священного Писания и богослужебных книг, выпуск научно–богословских трудов.

8 июня с докладом "Духовное образование Русской Православной Церкви" выступил председатель Учебного комитета, ректор Московской духовной академии и семинарии архиепископ Дмитровский Александр. Докладчик проследил историю духовного просвещения и школьного дела на Руси, подробно остановившись на духовном просвещении синодального периода. В отчете о деятельности духовных школ в период после Поместного Собора 1971 года докладчик привел следующие статистические данные: из духовных семинарий за это время вышло 3692 выпускника, из академий — 895. Защищено 473 кандидатских и 20 магистерских работ, 9–ти богословам

присвоена докторская степень.

Особое внимание в докладе уделено проблемам, перед которыми ныне стоят духовные школы: ввиду того, что они не вполне удовлетворяют нужду Церкви в священнослужителях, архиепископ Александр высказался за открытие новых семинарий в Сибири и Поволжье, на Украине и в Белоруссии. Он также указал на необходимость открытия епархиальных курсов для подготовки регентов и псаломщиков.

Доклад председателя Хозяйственного управления митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия "Хозяйственная деятельность Русской Православной Церкви от древности до наших дней (988–1988)" ввиду болезни докладчика был зачитан секретарем Хозяйственного управления протоиереем Леонидом Кузьминовым. Начало доклада было посвящено истории церковно–хозяйственной деятельности и храмостроительства на Руси в древности и в синодальную эпоху. Особое внимание было уделено межсоборному периоду, главным образом — производственной деятельности Софринских мастерских (ныне — Софринское художественно–производственное предприятие Московской Патриархии), созданных в 1980 году. С этого времени было изготовлено 11100 тонн свечей, 250 миллионов печатных икон, 63 миллиона нательных крестов. Заказы на продукцию Софринских мастерских поступают и от братских Поместных Церквей. В докладе отмечен ряд серьезных проблем, связанных с реставрацией церквей, нерешенностью вопроса о церковной собственности. "Проблемой проблем, — сказано в докладе, — является создание собственного реставрационного участка".

Главным событием вечернего заседания 8 июня явилось обсуждение и принятие нового Устава Русской Православной Церкви. Проект Устава был представлен Собору архиепископом Смоленским и Вяземским Кириллом (ныне — митрополит Смоленский и Калининградский). "Церковные уставы, — сказал он, — являются своего рода комментариями к канонам. При этом они сами обладают высоким каноническим авторитетом, поскольку принимаются Поместными Соборами. "Положение об управлении Русской Православной Церковью", принятое на Поместном Соборе 1945 года, устарело. Изменения, внесенные в него в 1961 году, продиктованные сложной ситуацией, в которой оказалась Церковь на рубеже 50–60–х годов, привели к тому, что духовенство оказалось фактически отстраненным от руководства приходами, а юридически — и вообще от самих приходов". Предлагаемый проект докладчик поставил в преемственную связь с "Определениями" Собора 1917 — 1918 годов. Эта связь воплощена в попытке выразить в современных категориях

основную идею православной экклезиологии — идею соборности.

Вместе с предложенными поправками Устав Русской Православной Церкви был принят Поместным Собором. Новый Устав ввел периодичность созыва Поместных и Архиерейских Соборов. Он предусматривает также расширение состава Священного Синода: число его временных членов увеличено до пяти. Возвращаясь к основным принципам "Определений" Собора 1917 — 1918 годов о епархиальном управлении, Поместный Собор в Уставе восстанавливает Епархиальные собрания. "Высшим органом, при содействии которого архиерей управляет епархией, является Епархиальное собрание", — сказано в Уставе.

Епархиальное собрание состоит из равного числа представителей клира и мирян. О Епархиальном совете в Уставе говорится, что он "образуется по благословению правящего архиерея и состоит не менее чем из четырех лиц в пресвитерском сане, половина из которых назначается архиереем, а остальные избираются Епархиальным собранием на один год".

Важнейшие изменения, в сравнении с действовавшим ранее "Положением об управлении Русской Православной Церковью", касаются приходов. По Уставу, клирики включаются в состав Приходского собрания, а председательство в Приходском собрании Устав предоставил настоятелю прихода. Приходской совет, по Уставу, является исполнительным органом Приходского собрания и как таковой подотчетен ему. В состав Приходского совета должны входить председатель, его помощник и казначей, избираемые на трехлетний срок. Председателем Приходского совета может быть и клирик, и мирянин.

На вечернем заседании Собора 8 июня был принят ряд других документов: "Обращение к чадам, не имеющим канонического общения с Матерью–Церковью", "Обращение ко всем, держащимся старых обрядов и не имеющим молитвенного общения с Московским Патриархатом", "Послание боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Русской Православной Церкви".

В "Обращении к чадам, не имеющим канонического общения с Матерью–Церковью", составленном в духе христианской любви, говорится: "На соборных заседаниях… мы стремились объективно осветить и те события в церковной жизни, которые произошли в текущем столетии, в том числе разделения, не преодоленные, к нашей скорби, и до сего дня. Мы с вами знаем, что в основе существующих разделений лежат не вопросы веры, но внешние исторические обстоятельства, в обстановке которых между нами выросла стена отчужденности. Но мы должны верить, что общими благими усилиями эта стена может быть разрушена… Некоторые

наши братья, находящиеся в разделении, имеют желание вступить с нами в диалог. Мы приветствуем это и надеемся, что такой диалог, милостью Божией, мог бы привести нас к столь желаемому восстановлению церковного общения, помог бы разрушить разъединяющие ныне нас преграды. Заверяем вас, что никоим образом мы не хотим ни стеснить вашу свободу, ни получить господство над наследием Божиим (1 Пет. 5,3), но всем сердцем стремимся к тому, чтобы прекратился соблазн разделения между единокровными и единоверными братьями и сестрами, чтобы мы все могли в единомыслии единым сердцем возблагодарить Бога у единой Трапезы господней… Поместный Собор призывает вас, дорогие братья и сестры, внять голосу этой любви, обращенному к вам в дни празднования тысячелетия

Крещения Руси. Мы не перестаем надеяться на то, что средостение недоверия будет упразднено благоразумием, и восторжествует между нами мир Божий…" (Кол. 3, 15)

9 июня члены Собора обсудили и приняли ряд новых документов: "Определения Поместного Собора", "Обращение ко всем христианам мира", "Заявление по насущным проблемам современности".

В своих "Определениях" Поместный Собор, среди прочего, постановил: "Одобрить деятельность Священного Синода во главе со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Пименом… в период Поместного Собора 1971 года и до сего дня…". Поместный Собор провозгласил чрезвычайную важность попечения о нравственной чистоте клира, монашествующих и всех чад церковных. Необходимо отбирать в клир лучших кандидатов, воспитанных в христианском духе доброделания и высокой гражданственности, дабы они, восприняв благодать священства, в жизни своей показывали зримый пример (Мф. 5, 16)… На протяжении своего 1000–летнего исторического пути Русская Православная Церковь была неразрывно связана со своим народом. Она всегда воспитывала своих чад достойными гражданами земного Отечества. И ныне, руководствуясь заботой о благосостоянии Родины, она благословляет их ответственно вносить достойный вклад в процесс духовного, социального и экономического обновления советского общества.

Собор постановил также "…считать необходимым увеличение издания книг Священного Писания, творений святых отцов и молитвословов, а также катехизической, назидательной, богословской, церковно–исторической и другой литературы, необходимой для удовлетворения духовных нужд нашей многомиллионной паствы. Равным образом отметить важность увеличения наименований и тиражей церковных периодических

изданий…, а также учебных пособий для духовных школ. Обратить внимание на необходимость церковного издания на языках народов, верующие которых являются членами Русской Православной Церкви… Отметить необходимость открытия новых учебных заведений, организации подготовки псаломщиков в епархиях, а также совершенствования учебного и воспитательного процесса в духовных школах, развития научно–богословской мысли в духе лучших традиций отечественной богословской науки. Считать необходимым изыскать возможные внебогослужебные формы для катихизации и духовного просвещения верующего народа… Отметить важное значение подготовки собственных церковных кадров художников–реставраторов… Признать необходимым всемерное развитие традиционного для нашей Церкви служения в области милосердия и церковной благотворительности…"

На заключительном заседании Собора с докладом от Мандатной комиссии выступил митрополит Сурожский Антоний.

Заключительное слово на Соборе произнес Патриарх Пимен. Святейший Патриарх, возблагодарив Господа, "благословившего успехом деяния… юбилейного Поместного Собора", и поблагодарив членов и гостей Собора, объявил Поместный Собор Православной Церкви закрытым.

* * *

В Неделю всех святых, в земле Российской просиявших, в Даниловом монастыре было совершено торжественное богослужение. Божественную литургию служили Патриарх Антиохийский Игнатий IV, Патриарх Иерусалимский Диодор I, Патриарх Московский Пимен, Католикос–Патриарх всей Грузии Илия II, Патриарх Румынский Феоктист, Патриарх Болгарский Максим, архиепископ Кипрский Хризостом. Молитвы и возгласы произносились на греческом, арабском, славянском, грузинском и румынском языках. За литургией молились почетные гости и десятки тысяч православных людей, собравшихся в древней обители на великое торжество.

В конце слова, произнесенного за литургией, Патриарх Пимен сказал: "Завершаются первые десять веков истории нашей Церкви. Господи! Благослови в мире и благочестии вступить во второе тысячелетие нашего бытия в доме Божием, который есть Церковь Бога Живаго, столп и утверждение истины" (1 Тим. 3,15).

Господи, "землю Русскую в мире сохрани и веру православную в ней утверди во веки веков. Аминь" (из службы

Тысячелетия Крещения Руси).

В 1989 году Русская Церковь отмечала новый юбилей — 400–летие учреждения Патриаршества. В связи с этим юбилеем 5–8 сентября в Москве была проведена Международная научная церковная конференция.

С 9 по 11 октября в Даниловом монастыре заседал Архиерейский Собор.

Архиерейский Собор совершил прославление первого Патриарха Московского Иова и первого Предстоятеля Русской Православной Церкви после восстановления Патриаршества — святителя Тихона. Одновременно Собор поручил Комиссии по канонизации святых подготовить материалы для канонизации протоиерея Иоанна Кронштадского.

В своих "Определениях" Собор особое внимание уделил состоянию приходской жизни: "Собор связывает свои надежды на благотворные преобразования церковной жизни с возрождением жизни приходов, включающей в себя богослужение, диаконию, научение в вере, взаимную поддержку его членов". Собор принял решение о реорганизации системы духовного образования, признав целесообразным преобразовать духовные семинарии в высшие школы. По решению Архиерейского Собора, должны быть возрождены печатные органы духовных академий.

Архиерейский Собор рекомендовал епархиальным архиереям возобновить издание Епархиальных Ведомостей. Собор высказал свою точку зрения на содержание подготавливаемого "Закона о свободе совести": "Мы считаем необходимым, — говорится в его "Определениях", — внесение в него следующих положений: 1) Юридическое признание Церкви как единой религиозной организации и уравнение ее в правах с другими общественными организациями. 2) Предоставление равных прав для религиозного и атеистического обучения, воспитания и пропаганды. 3) Предоставление возможности широко и многообразно осуществлять дела милосердия и благотворительности. 4) Свободное издание и распространение религиозной литературы. 5) Доступ Церкви к средствам массовой информации. 6) Отмена дискриминационного налогообложения и уравнение в этом отношении духовенства и церковных работников со всеми советскими гражданами.

Архиерейский Собор выразил озабоченность состоянием церковной жизни в западных епархиях Украины, где предпринимались усилия к возрождению унии. Собор подтвердил определение Всеправославного Совещания 1986 года, что униатская проблема является "препятствием на пути к единству" и омрачает наши отношения с Римско–Католической Церковью.

По постановлению Архиерейского Собора был образован Белорусский Экзархат Московского Патриархата, в состав которого вошли Минская, Могилевская, Брестская и Полоцкая епархии. Экзархом Белоруссии стал митрополит Минский Филарет. В связи с этим Священный Синод освободил его от обязанностей Председателя Отдела Внешних Церковных Сношений. Новым Председателем Отдела Внешних Церковных Сношений был назначен архиепископ Смоленский Кирилл. Следующий Архиерейский Собор решено было созвать в 1990 году.

3 мая 1990 года на 80–м году жизни скончался Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен. 6 мая совершено было погребение почившего Первосвятителя. Его преемником стал Патриарх Алексий II.

XI. Церковная диаспора

Поражение белых армий в гражданской войне вызвало исход огромных масс русских людей — остатков разбитых войск и мирных граждан — за пределы России: в Китай, Константинополь, на Балканы и в Западную Европу. К октябрю 1920 года только в европейских странах оказалось около двух миллионов русских; всего российскую эмиграцию начала 20–х годов оценивают в три — четыре миллиона человек; главным образом, это были люди православного вероисповедания.

Вместе с паствой за рубеж ушли пастыри и архипастыри. Церковная жизнь русских беженцев в Западную Европу сосредотачивалась вокруг православных храмов, построенных в XIX веке в столичных и курортных городах: Париже, Вене, Копенгагене, Дрездене, Висбадене, Женеве, Флоренции, Карловых Варах. На Балканах русские эмигранты молились в православных сербских и болгарских церквах. Виднейшие иерархи, оказавшиеся за пределами России, — митрополит Киевский Антоний и архиепископ Волынский Евлогий — первоначально собирались затвориться в монастырях: на Афоне или в Сербии. Митрополит Антоний считал, что всякая деятельность русского высшего церковного управления за границей должна быть прекращена, а духовное окормление беженцев должны взять на себя Поместные Православные Церкви, на территории которых они оказались. "Затем, ознакомившись с действительным положением русской эмиграции и узнав о намерении генерала Врангеля во что бы то ни стало сохранить военную организацию для возобновления борьбы с большевиками владыка Антоний, — пишет его биограф, — пришел к непоколебимому убеждению в необходимости сохранить русскую церковную организацию". Архиепископ Евлогий сообщал тогда из Женевы в Константинополь митрополиту Антонию: "Много овец осталось без пастырей… Нужно, чтобы Русская Церковь за границей получила руководителей. Не думайте, однако, что я выставляю свою кандидатуру". Между тем еще до ухода в эмиграцию, 15 октября 1920 года, в Симферополе Высшее Духовное Управление на Юге России назначило управляющим церквами в Западной Европе архиепископа Евлогия.

19 ноября 1920 года на пароходе "Великий князь Александр Михайлович" в Константинопольском порту состоялось первое за пределами России заседание Высшего Церковного Управления на Юге России, в котором участвовали митрополиты Киевский Антоний, Херсонский и Одесский Платон (Рождественский),

архиепископ Полтавский Феофан (Быстров) и епископ Севастопольский Вениамин (Федченков). На Заседании было вынесено решение о продолжении деятельности Высшего Церковного Управления. Высшее Церковное Управление под председательством митрополита Антония подтвердило вынесенное еще в Крыму постановление о назначении архиепископа Евлогия управляющим западно–европейскими русскими церквами, включая русские приходы в Болгарии и Румынии, оставив за собой управление русскими церквами Югославии, Греции и Турции. 8 апреля 1921 года Патриарх Тихон вместе с Синодом издали Указ о подчинении всех русских церквей в Западной Европе до восстановления нормальных отношений с Петроградским митрополитом, в юрисдикции которого они ранее находились, архиепископу Евлогию.

В 1921 году центром русской церковной жизни за рубежом становится Югославия. 21 ноября 1921 года в этой стране, в Сремских Карловцах, по инициативе епископа Севастопольского Вениамина и с согласия Патриарха Сербского Димитрия открылось Общецерковное заграничное собрание, переименованное потом в Русский Всезаграничный Церковный Собор. Собор заседал до 2 декабря. В состав Собора вошли все оказавшиеся за рубежом и сумевшие добраться до Карловцев русские архиереи и члены Поместного Собора 1917–1918 годов, а также делегаты от приходов, от эвакуированной армии, от монашествующих и приглашенные по усмотрению митрополитом Антонием, архиепископом Евлогием, архиепископом Анастасием (Грибановским) - управляющим русскими православными общинами в Константинополе, и епископом Вениамином — управляющим военно–морским духовенством. Среди 163 членов Собора было 11 епископов, из них — 2 сербских; 22 представителя монашествующих и белого духовенства, 67 делегатов были политическими и военными деятелями. Председателем Собор избрал митрополита Антония, его товарищами — архиепископа Кишиневского Анастасия, протоиерея С. Орлова, А. Крупенского, князя Ширинского–Шихматова.

Участие в Соборе руководителей Эмигрантского Военного Монархического Совета Н. Маркова, А. Трепова, которым сочувствовали митрополит Антоний, придавало его деяниям подчеркнуто политический характер. Об атмосфере острой нетерпимости к инакомыслию, которая сложилась на Соборе, говорит то обстоятельство, что Председатель Государственной Думы при Временном Правительстве М. Родзянко, появившийся на Соборе в Карловцах как член Всероссийского Поместного

Собора, был с негодованием изгнан с его заседаний. Его обвиняли в развале Российской Империи. Собор составил два послания: "Народы Европы! Народы мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу народ русский, попавший в руки мировых злодеев! Не поддерживайте их, не укрепляйте их против ваших детей и внуков! А лучше помогите честным русским гражданам. Дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевизм, этот культ убийства, грабежа из России и всего мира". Легко было предвидеть опасные последствия для Русской Церкви от этого воззвания, тем более что все постановления Собора начинались со слов: "По благословению Святейшего Тихона", хотя на деле ни один из документов карловацкого Собора не был послан на утверждение Патриарху.

Во втором послании Собора, обращенного к чадам Русской Церкви в рассеянии и изгнании сущим, были такие слова: "И ныне пусть неусыпно пламенеет молитва наша — да укажет Господь пути спасения и строительства родной земли; да даст защиту Вере и Церкви и всей земле Русской и да осенит Он сердце народное; да вернет на всероссийский Престол Помазанника, сильного любовью народа, законного православного Царя из Дома Романовых". Против этого места из обращения возражали многие на Соборе. Архиепископ Евлогий призывал к благоразумию: "Поберегите Церковь, Патриарха. Заявление несвоевременно. Из провозглашения ничего не выйдет. А как мы отягчим положение! Патриарху и так уже тяжело!". 34 члена Собора, в том числе архиепископы Евлогий и Анастасий, епископы Вениамин (Федченков), Аполлинарий (Кошевой), Сергий (Королев), Максимилиан, 12 священников, сделали письменное заявление: "Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что данная большинством Отдела "Духовное возрождение России" постановка вопроса о монархии с упоминанием при том и династии носит политический характер и, как таковая, обсуждению Церковного Собрания не подлежит, почему мы в решении этого вопроса и голосовании не считали возможным принять участие". Но Собор не внял голосу оппозиции. Митрополит Антоний, возражая тридцати четырем, сказал: "Вопрос династии — не политический, а чисто церковный, ибо отвергать этот вопрос — значит отвергать существующие, никем не отмененные основные законы, соглашаться с так называемыми "завоеваниями революции", то есть одобрять низвержение Государя с царственной династией, уничтожение русского народа и вместе с тем подвергать народ русский кровопролитию и ужасам бонапартизма и самозванщины. Вопрос этот моральный,

нравственный, и следовательно — чисто церковный". Впоследствии митрополит Евлогий писал: "Только злой дух мог продиктовать "Обращение".

Карловацкий Собор образовал Высшее церковное управление за границей под председательством митрополита Антония, которому Собор усвоил звание Заместителя Патриарха. Высшее Церковное Управление состояло из Архиерейского Синода и Церковного Совета. Оно претендовало на возглавление церковной жизни всего русского зарубежья.

Вскоре после окончания карловацкого Собора Патриарх Тихон направил Сербскому Патриарху Димитрию грамоту: "Сердце Наше тем более исполнено чувством радости и благодарности Вашему Блаженству, что Мы живо сознаем все то добро, какое сделано и делается Вами по отношению к русским изгнанникам — епископам, клирикам и мирянам, которые силою обстоятельств, оказавшись за пределами своей Родины, нашли себе радушие и приют в пределах Сербской Патриархии". Многими русскими клириками эти слова были восприняты как косвенное одобрение постановлений карловацкого Собора.

Между тем, 5 мая 1922 года в Москве на соединенном присутствии Священного Синода и Высшего Церковного Совета под председательством Патриарха Тихона было вынесено постановление, которое в виде Указа Патриарха было выслано митрополиту Антонию и возведенному 30 января 1922 года в сан митрополита Евлогию, временному управляющему Западноевропейскими русскими приходами: "1. Я признаю карловацкий Собор заграничного духовенства и мирян не имеющим канонического значения и послание его о восстановлении династии Романовых и обращение к Генуэзской конференции не выражающими официального голоса Русской Церкви. 2. Ввиду того, что заграничное русское церковное управление увлекается в область политических выступлений, а с другой стороны, заграничные русские приходы уже поручены попечению проживающего в Германии Высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия, Высшее Церковное Управление упразднить. 3. Священному Синоду иметь суждение о церковной ответственности некоторых духовных лиц за границей за их политические от имени Церкви выступления".

Получив этот Указ, митрополит Антоний решил подчиниться ему, но большая часть членов Высшего Церковного Управления склонялась к тому, чтобы не исполнять воли Патриарха. 1 сентября 1922 года в Карловцах состоялось заседание Высшего Церковного Управления, на котором доклад об Указе Патриарха сделал секретарь Высшего Церковного Управления

Е. И. Махароблидзе. Он высказал ряд доводов против подчинения Патриаршему Указу. Митрополит Евлогий заявил о недопустимости тона, которым ведется обсуждение Указа Святейшего Патриарха.

На следующий день в Карловцы из Константинополя прибыл архиепископ Анастасий, и 2 сентября 1922 года там состоялся Архиерейский Собор, в котором участвовали митрополиты Антоний и Евлогий, архиепископы Анастасий и Феофан, епископы Черноморский Сергий, Курский Феофан, Челябинский Гавриил, бывший Екатеринославский Гермоген, управляющий приходами в Греции Александровский Михаил, Царицинский Дамиан, Севастопольский Вениамин и Лубенский Серафим — управляющий русскими приходами в Болгарии. Собор постановил выразить сыновнее послушание Патриарху, упразднить Высшее Церковное Управление, созвать Русский Всезаграничный Церковный Собор Русской Православной Церкви, которому и были впоследствии переданы все полномочия Высшего Церковного Управления.

В Синод были избраны митрополиты Антоний и Евлогий, архиепископ Феофан, епископы Гавриил и Гермоген. Епископ Вениамин предлагал, чтобы Синод возглавил митрополит Евлогий. Но вынесено было решение, чтобы председательствовал старейший иерарх — митрополит Антоний.

Таким образом, воля Патриарха была исполнена лишь формально; в действительности карловацкий церковный центр не был упразднен, а сохранил свое существование под новым наименованием. Митрополит Евлогий, расходясь с большинством членов Синода, выводил свои полномочия из Указа Патриарха и не считал себя подчиненным Синоду. В Париже, где он обосновался, образовав там свое Епархиальное управление, архипастырь нашел себе крепкую поддержку в церковно–общественных кругах со стороны таких деятелей, как П. Струве, А. В. Карташев, Н. А. Бердяев, протоиерей Сергий Булгаков, Г. П. Федотов. Митрополита Евлогия поддерживал и митрополит Платон, возглавивший Северо–Американскую епархию; митрополит Антоний, не желая быть камнем преткновения, решил в канун Рождества 1922 года удалиться на Афон и принять схиму. Но Афонский Протат, согласившись вначале на приезд маститого русского архипастыря, потом отказал ему в разрешении поселиться на Афоне.

31 мая 1923 года в Сремских Карловцах состоялся очередной Архиерейский Собор, на котором присутствовало 12 епископов. 16 других заграничных архиереев прислали письменные мнения. Всего за рубежом тогда находилось 32 русских епископа. Собор

вынес ряд постановлений. В одном из них говорилось: "Представители епархий, находящихся за пределами России, в их совокупности выражают голос свободной русской заграничной Церкви, но ни отдельное лицо, ни Собор иерархов этих епархий не представляет собой власти, которой принадлежали бы права, коими во всей полноте обладает Всероссийская Церковь в лице ее законной иерархии… Все находящееся за пределами России русские православные епископии… суть неразрывная часть автокефального Московского Патриархата".

В постановлении Собора о Западноевропейской епархии было сказано, что она "на основании прав, данных митрополиту Евлогию указами Святейшего Патриарха Всероссийского…, и вследствие того, что территория ее обнимает не одну страну, как в прочих епархиях, а заключает в себе большую часть европейских государств — выделяется в автономный митрополичий округ".

Но на Архиерейском Соборе, состоявшемся в Карловцах 16 октября 1924 года, был поднят вопрос о статусе Западно–европейской митрополии в связи с тем, что митрополит Евлогий не признавал за Архиерейским Синодом канонической власти. 8 голосами против при нескольких воздержавшихся вынесено было решение об упразднении автономии Западноевропейской митрополии. По настоянию митрополита Евлогия, Собор, однако, согласился отложить исполнение этого постановления до утверждения его Патриархом.

Напряженные отношения между митрополитом Евлогием и карловацким центром в 1926 году привели к формальному разрыву. На очередном Архиерейском Соборе в Карловцах в июне 1926 года митрополит Евлогий потребовал в первую очередь рассмотреть вопрос об управлении Русской Православной Церковью за границей. Собор отказался менять повестку дня, и митрополит Евлогий покинул Карловцы. Архиерейский Собор осудил митрополита Платона (Рождественского) за его попустительство автокефалистским тенденциям в Северно–Американской епархии. В ответ на это митрополит Платон тоже ушел с Собора. Решение Архиерейского Собора о выделении Германии в особую самостоятельную епархию во главе с епископом Тихоном (Лященко) вызвало резкий протест со стороны митрополита Евлогия. Разрыв стал свершившимся фактом. Митрополита Евлогия поддержала большая часть парижской эмиграции: бывший председатель Совета министров В. Коковцев, генералы и офицеры, профессора, литераторы, студенческая молодежь.

Во Франции и других западноевропейских странах строились православные храмы, открывались новые приходы. Для

подготовки священнослужителей в 1925 году в Париже был открыт Богословский институт, который по названию институтского храма стал называться институтом преподобного Сергия. В Институте преподавали известные русские богословы, церковные историки и религиозные философы: епископ Вениамин (Федченков), А. В. Карташев, протоиерей В. В. Зеньковский, С. С. Безобразов (впоследствии епископ Кассиан), протоиерей С. Н. Булгаков, Г. В. Флоровский (впоследствии протоиерей), Г. П. Федотов, Б. П. Вышеславцев, Н. Н. Афанасьев (впоследствии протоиерей), В. И. Ильин.

В юрисдикции Карловацкого Синода остались русские приходы на Балканах, в Германии и на Дальнем Востоке. На очередном Архиерейском Соборе, состоявшемся в январе 1927 года в Карловцах, митрополит Евлогий и его викарии были запрещены в священнослужении. В ответ на это митрополит Евлогий обратился с посланием к духовенству и приходам, в котором отверг решения, принятые в Карловцах, как неправомочные: "Собор и заграничный Архиерейский Синод в нынешнем их составе не являются моею канонической властью и посему не могут вмешиваться в дела моей епархии и не могут ведать и решать духовную совесть вверенной мне паствы. Отныне наша Западноевропейская митрополия становится на путь самостоятельного, не зависимого от заграничного Архиерейского Синода существования, так же как независимо от него живут Американская Русская Православная Церковь с митрополитом Платоном во главе и со всеми его епископами, Латвийская Церковь с Архиепископом Иоанном, Литовская с архиепископом Елевферием и другие".

Еще в 1926 году Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергий обратился к своим собратьям–архиереям, оказавшимся за рубежом, с настоятельным советом уклоняться от политической деятельности: отказ от антисоветской политики являлся непременным условием для того, чтобы сохранить их связь с Патриархией. Если же такая линия окажется слишком трудна для них, то митрополит Сергий предлагал им и иной выход — войти в юрисдикцию других автокефальных церквей и тем избавить Патриархию от ответственности за их политические выступления. Но карловацкие иерархи не последовали его совету, исполненному скорби о разделении, понимания сложности ситуации, в которую попали церковные деятели эмиграции, и заботой о сохранении канонических церковных устоев.

1 июля 1927 года Временный Синод в Москве издал постановление с требованием к зарубежному духовенству прислать в Патриархию обязательства в том, что оно "не допустит

в своей общественной, в особенности церковной, деятельности ничего такого, что может быть принято за выражение нелояльности Советскому правительству". Назначен был и срок — 15 октября, после которого не подавшие такого заявления увольнялись из клира Московской Патриархии. Увольнение грозило и нарушившим свои "обязательства". "Подписки о лояльности" были поданы митрополитом Евлогием, архиепископом Литовским Елевферием, архиепископом Японским Сергием и некоторыми другими архиереями, но епископы, находившиеся в ведении карловацкого Синода, решительно отказались пойти на этот шаг.

Митрополит Антоний в ответ на требование митрополита Сергия и Временного Патриаршего Синода издал окружное послание, составленное в крайне раздражительном тоне: "Ныне повсюду пропечатаны в газетах и читаются во многих храмах, которые еще недавно были православными, два послания моих, увы, когда-то единомышленников и любимых учеников — митрополитов Сергия и Евлогия, ныне отпавших от спасительного церковного единства и связавшихся с врагами Христа и Святой Церкви — гнусными богохульниками большевиками, подчинившимися во всем представителям еврейского лжеучения, которое известно под именем коммунизма или материализма… И пусть те новые обольстители не оправдываются, заявляя, что они не друзья большевиков и евреев, стоящих во главе большевистского царства: в душе они, может быть, и не друзья им, но они этим врагам Христовым, хотя бы и неохотно, подчинились и стараются расширить власть последних не только над злосчастными жителями Святой Руси, но и над всеми русскими людьми, хотя бы и далеко от Русской земли ушедшими".

Архиерейский Синод в Карловцах 5 июля 1928 года вынес постановление: "Настоящий указ в положение Заграничной Церкви ничего нового не вносит. Он является повторением того же пресловутого указа Святейшего Патриарха Тихона в 1922 году, в свое время решительно отвергнутого всей Заграничной Церковью…"

Часть священников во Франции, не подавших обязательств, перешла в юрисдикцию карловацкого Синода, который назначил в Париже епархиальным архиереем архиепископа Серафима (Лукьянова).

В 1930 году в связи с гонениями на Церковь в СССР по всей Англии были проведены моления о страждущей Русской Церкви. Митрополит Евлогий находился в это время в Англии и участвовал в этих молениях. 10 июля 1930 года Митрополит

Сергий и Временный Патриарший Синод уволил Митрополита Евлогия от управления русскими приходами в Западной Европе "за нарушение данного им обещания".

Управление Церквами в Западной Европе поручено было епископу Литовскому Елевферию. Но митрополит Евлогий не подчинился Патриархии. В феврале 1931 года он "без отпускной грамоты" вместе со своей митрополией перешел в юрисдикцию Патриарха Константинопольского, который образовал из русских приходов в Западной Европе Экзархат, даровав митрополиту Евлогию сан Экзарха. 30 апреля 1931 года митрополит Евлогий и его сторонники были запрещены в священнослужении Временным Патриаршим Синодом в Москве. Из викарных архиереев Западноевропейской митрополии верность Матери–Церкви сохранил епископ Вениамин (Федченков), в юрисдикцию которого вошло несколько православных приходов во Франции. Ревностным сторонником сохранения канонических уз русской православной эмиграции с Матерью–Церковью был В. Н. Лосский, выдающийся православный богослов XX века.

В марте 1933 года возведенный годом ранее в сан архиепископа Венимамин (Федченков) был направлен Патриархией в Соединенные Штаты временным Экзархом для устроения там канонически правомерной церковной жизни религиозной диаспоры. Автономия Северо–Американской епархии была упразднена, а митрополит Платон запрещен в священнослужении. Но приговору Московской Патриархии он не подчинился.

В апреле 1934 года Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола обратился к Патриарху Сербскому Варнаве, оказавшему гостеприимство карловацкому Синоду, с просьбой об увещевании архиереев, вышедших из повиновения Патриархии. Вновь высказано было предложение войти им в юрисдикцию других Церквей, в частности Сербской. Но отклика на призыв к нормализации церковных отношений не последовало, и 22 июня 1934 года митрополит Сергии вместе с Синодом издали указ о запрещении в священнослужении карловацких иерархов.

Ответом на этот акт явилось письмо митрополита Антония на имя архиепископа Киевского Елевферия: "Отрицая всякую силу за постановлениями митрополита Сергия и его "Синода", я глубоко скорблю, что мой бывший ученик и друг находится в таком не только физическом, но и нравственном пленении у безбожников. Признаю деяния его преступными и подлежащими суду будущего свободного Всероссийского Собора… Вам же, — обращался он непосредственно к архиепископу Елевферию, — удивляюсь, что,

будучи на свободе, Вы принимаете участие в разрушительных для Церкви актах наравне с плененными иерархами, для которых самое пленение их служит некоторым извинением".

10 сентября 1934 года Архиерейский Собор в Карловцах особым постановлением отверг указ митрополита Сергия о запрещении в священнослужении. Под соборным постановлением стоят подписи митрополита Антония, архиепископов Анастасия, Серафима Западноевропейского, Гермогена, Дамиана, Сергия, Феофана, Малетия, Нестора, Тихона, Виталия, Серафима Богучарского, епископов Тихона, Виктора, Серафима, Иоасафа, Димитрия и Иоанна.

Митрополит Антоний (Храповицкий) скончался 10 августа 1936 года. Новым Председателем Архиерейского Собора был избран Митрополит Анастасий (Грибановский), в прошлом занимавший Кишиневскую кафедру, возведенный в сан митрополита в 1935 году Патриархом Сербским Варнавой.

В августе 1938 года в Карловцах состоялся очередной Собор, который решительно осудил Константинопольскую Патриархию за захват русских церквей в рассеянии.

После гражданской войны несколько российских епархий оказались за пределами Советской России. На окраинах разрушенной Империи образовались новые государства: Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Восстановлена была польская государственность. В состав Польши, помимо собственно польских земель, входивших в состав прежней России, Германии и Австро–Венгрии, вошли также белорусские и украинские земли на Западе России и принадлежавшая Австро–Венгрии Галиция. После подписания Рижского мирного договора между РСФСР и Польшей в пределах Польского государства оказались Варшавская, Холмская, Гродненская епархии, а также часть Минской с Пинском, Литовской с Вильно и часть Волынской епархии с Луцком.

Указом Патриарха и Священного Синода 28 сентября 1921 года Православной Церкви в Польше предоставлена была широкая автономия. Но польское правительство инспирировало автокефалистское движение в православных епархиях на территории Польши. Однако лишь два архиерея в Польше сочувствовали этому движению: архиепископы Минский Георгий (Ярошевский) и Волынский Дионисий (Валединский). Назначенного Патриархом Тихоном на Варшавскую кафедру архимандрита Серафима (Чичагова) польские власти не впустили в страну. 5 октября 1921 года святой Тихон назначил своим Экзархом в Польше архиепископа Георгия, которого он знал как ревностного церковного труженика, с возведением его в сан

митрополита. Под давлением Польского правительства митрополит Георгий искал путь к автокефализации Православной Церкви в Польше. После его убийства 8 февраля 1923 года игуменом Смарагдом архиепископ Дионисий более интенсивно стал домогаться автокефалии. От Патриарха Константинопольского он в нарушение канонов был удостоен сана митрополита Варшавского и всей Польши. 17 сентября 1925 года на основании томоса от Патриарха Вселенского провозглашена была незаконная автокефалия Польской Церкви.

Епископы, не одобрившие этого шага и стремившиеся к сохранению единства с Русской Православной Церковью, — Елевферий (Богоявленский), Пантелеймон (Рожновский), Алексий (Громадский) подверглись преследованиям.

При Пилсудском Польское правительство, стремившееся к полонизации украинцев и белорусов, подвергло Православную Церковь — национальную святыню народов, исторически восходящих к древней Руси, — жестоким гонениям. В Польше было уничтожено более 200 православных храмов, разрушен кафедральный собор в Варшаве. В течение одного только месяца в 1937 году было взорвано 114 церквей. Часть православных церквей власти передали униатам, но попытки Польского правительства возродить унию в Западной Белоруссии и на Волыни не увенчались успехом. Очагом Православия в Польше в 20–30–е годы были Почаевская Лавра и Жировицкий Успенский монастырь.

Нормализация отношений между Русской Православной Церковью и Православной Церковью в Польше произошла уже после второй мировой войны на пути канонической законности и братского любовного снисхождения. Вмешательство Константинопольской Патриархии, провозгласившей при Патриархе Мелетии IV несостоятельную теорию о своей юрисдикции над всей православной диаспорой, возымело негативные последствия для устроения церковной жизни в Латвии, Эстонии и Финляндии. Патриарх Тихон даровал Финской Церкви автономный статус. Однако правительство Финляндии хотело, чтобы канонические узы Финской Православной Церкви с Московской Патриархией были разорваны: Вопреки протесту правящего архиепископа Серафима (Лукьянова) Герман (Аав) без пострига был хиротонисан в Константинополе в епископский сан. Архиепископ Серафим был удален из Финляндии, а Герман (Аав) возглавил Русскую Церковь, которая при нем перешла в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Этот шаг имел тяжелые последствия для Валаамского монастыря. Часть иноков выслали из монастыря, из оставшихся одни признали

юрисдикцию Германа (Аава), другие — старостильники — не признали. Лишь в 1957 году было восстановлено молитвенно–каноническое общение между Русской Православной Церковью и Финской автономной Церковью.

Русская Церковь своим снисхождением покрыла канонические нарушения, которые учинены были финской иерархией.

В 1923 году под нажимом Эстонского правительства в юрисдикцию Константинопольского Патриарха перешла автономная Эстонская Церковь, которую возглавлял архиепископ Александр (Паулус), возведенный Константинопольским Патриархом в сан митрополита.

Правительство Латвии также оказывало давление на православных, ставя своей целью отторжение их от Матери–Церкви. Латвийские власти не разрешили въезд в Латвию ни митрополиту Серафиму (Чичагову), ни архиепископу Геннадию (Туберозову), которых святитель Тихон предполагал назначить на Рижскую кафедру. Лишь после провозглашения самостоятельности Латвийской Православной Церкви власти разрешили приехать в Ригу архиепископу Иоанну (Поммеру), латышу по национальности. Патриарх Тихон предоставил ему широкие полномочия в рамках церковной автономии. Архиепископ Иоанн хранил верность Московской Патриархии, хотя, во избежание конфликтов с властями, и не афишировал этой верности. В ночь с 11 по 12 октября 1934 года он был убит. После его мученической кончины Латвийская епархия вошла в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Правящим архиереем ее стал митрополит Августин.

Митрополит Литовский Елевферий (Богоявленский), вынужденный перебраться из своего кафедрального города Вильнюса, где он подвергся преследованиям со стороны Польских властей, в столицу независимой Литвы Каунас, до конца своих дней хранил молитвенно–каноническое единение с Московской Патриархией; с 1930 года, помимо управления Литовской епархией, он возглавил приходы в Западной Европе, оставшиеся в юрисдикции Патриархии.

В 1940 году Эстония, Латвия и Литва вошли в состав Советского Союза. Епархии, расположенные на этой территории, в 1941 году были возвращены в юрисдикцию Московской Патриархии. Местоблюститель Патриаршего Престола назначил своим Экзархом в Прибалтике митрополита Сергия (Воскресенского), который после кончины митрополита Елевферия (в 1940 году) занял Виленскую кафедру.

* * *

Мировая и Отечественная война, война русского народа и союзных ему народов с поработителями вызвала размежевание в эмиграции. Решительное большинство ее исполнилось патриотических настроений. Русские в Америке, союзной СССР (большинство из них входило в митрополичий округ, который после смерти митрополита Платона (Рождественского; +1934) возглавлялся митрополитом Феофилом (Пашковским)) сочувствовали победам Красной Армии. Экзарх Московской Патриархии в Америке митрополит Вениамин (Федченков) выступал на многочисленных митингах, добивался скорейшего открытия второго фронта, организовывал сбор пожертвований в пользу Красной Армии.

О победе русского оружия втайне молился в оккупированном немцами Париже митрополит Евлогий. Своим близким он говорил тогда: "Сейчас мы переживаем вторую Отечественную войну, тот же всенародный подвиг спасения Родины". Так поступали и многие другие священнослужители Западноевропейского Экзархата. Русские патриоты участвовали во французском Сопротивлении. Многие из них были казнены фашистами. Мученическую кончину в концентрационном лагере приняли священники Димитрий Клепинин (+1944) и монахиня Мария (Кузьмина–Караваева; +1945); казнены были В. А. Оболенская, Б. Вильде, А. Левицкий. В Сопротивлении участвовали также архимандрит Афанасий (Сахаров), протоиерей Андрей Сергеенко, В. Н. Лосский, А. Блум (ныне митрополит Сурожский Антоний), И. А. Кривошеий, Н. А. Полторацкий.

Часть эмигрантов, однако, с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз связывала надежду на крушение большевизма. Эти надежды выразились в некоторых официальных заявлениях и проповедях карловацких иерархов и клириков. Митрополит Анастасий, находясь в стране, где развернулась ожесточенная борьба с оккупантами, воздерживался от заявлений в поддержку Германии. Но в пасхальном послании 1942 года он, касаясь положения русского народа на занятых немцами территориях, писал: "Настал день, ожидаемый им (русским народом), и он ныне подлинно как бы воскресает из мертвых там, где мужественный германский меч успел рассечь его оковы. И древний Киев, и многострадальный Смоленск, и Псков светло торжествуют свое избавление как бы из самого ада преисподнего. Освобожденная часть русского народа повсюду давно уже запела: "Христос воскресе".

26 мая 1942 года, с согласия Германского правительства, был

открыт Среднеевропейский митрополичий округ, в который вошли церкви Германии, Бельгии, Чехословакии, Венгрии, а также часть оккупированных западных областей СССР — Орловская, Смоленская и Белостокско–Гродненская епархии. Митрополитом этого округа был назначен православный немец Серафим (Лядэ), убитый после войны при невыясненных обстоятельствах; архиепископ Брюссельский Александр (Немоловский), состоявший в юрисдикции митрополита Евлогия, был арестован и выслан во Францию.

После избрания и интронизации Патриарха Сергия восемь карловацких епископов, собравшихся на совещание в Вене, вынесли постановление о недействительности этого избрания. Не признала Русская Зарубежная Церковь и избрание Патриарха Алексия.

Иначе воспринял весть об избрании Патриарха митрополит Евлогий и окружавшее его духовенство. Биограф митрополита Евлогия так описывает его настроение и последние месяцы Великой Отечественной войны: "Огромная непобедимая Россия…, гроза пограничных сильных держав, покровительница малых, сестра родная всех славян…, всемирный центр Православия…, казалось, теперь может развернуться со всей убедительностью исторической реальности… И было также убедительно, что Россия вознесена на вершину славы и справилась с врагом благодаря чьей-то железной воле, жестокость которой многим бы хотелось оправдать пользой…" В те дни побед впервые в Зарубежье стали раздаваться такие речи среди русских патриотов… Что-то незаметно сдвинулось, изменилось в старых привычных оценках, начала меркнуть самая о них память… Постепенно стало забываться незабываемое, о чем говорили так часто с амвона, в печати — о Соловках, о епископах–мучениках, об осквернении святынь… История перевернула страницу, и содержание следующей поглотило внимание, так оно казалось ново. Это новое — прекращение в России гонений на Церковь. Больше этого — согласие во взаимоотношениях государства и Церкви… Известие о прекращении гонений, а потом и о Соборе и избрании Патриарха Владыка воспринял как великую радость духовной победы, связанную с победой на полях сражений, как знак "прощенности" русского народа".

После победоносного окончания Великой Отечественной войны в августе 1945 года в Париж был направлен митрополит Крутицкий Николай. Целью его миссии было, воссоединение с Матерью–Церковью отделившихся от нее эмигрантов. Митрополит Николай вел переговоры с митрополитом Евлогием и митрополитом Серафимом (Лукьяновым), который возглавлял

приходы во Франции, находившиеся в юрисдикции карловацкого Синода. Переговоры завершились полным успехом. Оба митрополита воссоединились с Московской Патриархией, и митрополит Евлогий был назначен Патриаршим Экзархом Русской Православной Церкви в Западной Европе. Патриарх Константинопольский не возражал против этого.

После скорой кончины митрополита Евлогия, последовавшей 8 августа 1946 года, его преемником стал митрополит Серафим, старейший по хиротонии из русских архиереев во Франции.

Значительная часть "евлогианского" духовенства Экзархата, не желая подчиняться бывшему карловчанину, была недовольна этим назначением, и во главе с Владимиром (Тихоницким), возведенным Константинопольским Патриархом в сан митрополита, возвратилась в юрисдикцию Вселенского Патриархата. В 1965 году Священноначалие Русской Церкви сделало заявление о том, что подобное положение дел наносит вред межправославным отношениям. Константинопольская Патриархия, приняв во внимание позицию Московской Патриархии, упразднила свой Экзархат в Западной Европе, но приходы, входившие в ее состав, так и не установили нормальных отношений со Священноначалием Русской Церкви. Однако и в 1971 году Константинопольская Церковь воссоздала прежний Экзархат под новым названием Архиепископии в Западной Европе, в состав которой, помимо русских приходов, были включены и другие западноевропейские православные приходы, которые признавали юрисдикцию Константинопольской Патриархии.

Западноевропейский Экзархат Московской Патриархии возглавляли после митрополита Серафима (Лукьянова), в 1949 году ушедшего на покой и возвратившегося на Родину, последовательно архиепископ Фотий (Тапиро), архиепископ, позже митрополит Борис (Вик), архиепископ Николай (Еремин), митрополит Антоний (Блум), митрополит Никодим (Рогов), митрополит Филарет (Вахромеев) и митрополит Владимир (Сабодан). В состав Экзархата входили кафедры Сурожская (в Лондоне), Брюссельская, Цюрихская, Гаагская и Корсунская (в Париже). Архиерейский Собор 1989 года постановил упразднить зарубежные Экзархаты Русской Православной Церкви, подчинив зарубежные епархии Отделу внешних церковных сношений.

По–другому складывалась послевоенная история Зарубежной Русской Церкви, иначе именуемой карловацкой.

Сразу после своего избрания на Первосвятительский Престол 10 апреля 1945 года Патриарх Алексий I обратился к зарубежным иерархам со словами братского увещания: "Молим Господа, да

вразумит Он поставивших свой разум выше разума Церкви и в гордыне своей пребывающих в упорном коснении, да призовет заблудших в ограду Церкви своей".

10 августа 1945 года Патриарх Алексий I вновь обратился с увещевательным посланием к карловацкому епископату, духовенству и мирянам, в котором призывал их к воссоединению с Матерью–Церковью. Призыв этот возымел известный успех. В октября 1945 года в Харбин была направлена церковная делегация во главе с архиепископом Ростовским Елевферием (Воронцовым) для переговоров с архиереями карловацкой юрисдикции, находившимися в Китае. В результате переговоров архиепископ Елевферий и митрополит Мелетий (Заборовский), возглавлявшие Харбинское епископское совещание, подписали акт о воссоединении. В этом документе выражено горячее стремление духовенства и мирян Дальневосточной Православной Церкви "встать под высокую руку Святейшего Отца нашего Алексия, Патриарха Московского и всея Руси, законного преемника Святейшего Патриарха Тихона". С Матерью–Церковью воссоединилась и Российская духовная Миссия в Китае во главе с епископом Виктором (Святиным). На территории Китая в 1946 году был образован Восточноевропейский Экзархат, просуществовавший до 60–х годов, когда в ходе изуверской "культурной революции" церковная жизнь в Китае была разгромлена. Во главе Экзархата стояли последовательно: митрополит Нестор (Анисимов), архиепископ Виктор (Святин) и епископ Василий (Шуан), китаец по происхождению.

С Матерью–Церковью воссоединились и русские православные приходы на Балканах: в Югославии и Болгарии, а также некоторые приходы в Германии и Австрии, главным образом в советской оккупационной зоне (позже ГДР). В 1948 году Русская духовная Миссия в Иерусалиме, находившаяся прежде в ведении карловацкого Синода, перешла в юрисдикцию Московской Патриархии.

Большая часть карловацкого епископата и духовенства не возобновила, однако, общения с Патриархией. После войны зарубежный Синод не мог уже оставаться в Югославии, он перебрался вначале в Германию — в Мюнхен, а оттуда через океан в пригород Нью–Йорка Джорданвилл. До своей кончины, последовавшей в 1965 году, карловацкую иерархию возглавлял старейший по хиротонии в российском епископате митрополит Анастасий (Грибановский). Его преемником стал митрополит Филарет (Вознесенский), сын вернувшегося из Китая на Родину архиепископа Димитрия (Вознесенского). После кончины митрополита Филарета в 1985 году Первоиерархом Зарубежной

Русской Церкви был избран митрополит Виталий (Устинов).

После Великой Отечественной войны стремление к воссоединению с Матерью–Церковью проявилось в Американском митрополичьем округе, который в ту пору возглавлял митрополит Феофил (Пашковский). В ноябре 1946 года в Кливленде состоялся Собор, который принял решение о воссоединении с Московской Патриархией на условиях автономии. На деле, однако, митрополит Феофил и подчиненное ему духовенство не считались с административными распоряжениями Патриархии, и каноническое общение с нею было прекращено.

Только в 1970 году при, митрополите Иринее Американский митрополичий округ нормализовал отношения с Русской Православной Церковью, получив от Патриарха Алексия I статус автокефальной Церкви. Часть приходов, входивших прежде в Алеутскую и Северо–Американскую, а с 1963 года — в Нью–Йоркскую и Алеутскую епархии Русской Православной Церкви, остались и после образования Автокефальной Американской Православной Церкви в юрисдикции Московской Патриархии.

В состав Русской Православной Церкви входит Японская Автономная Церковь, нормализовавшая свои отношения с Московский Патриархией в 1970 году. Во главе Автономной Церкви, имеющей две епископские кафедры и более 20 тысяч прихожан, стоит архиепископ Токийский и митрополит всея Японии Феодосии.

XII Приложение

Обращение Священного Синода ко всем чадам Православной Российской Церкви по поводу отречения Императора Николая II и отказа Великого Князя Михаила воспринять власть до решения Учредительного Собрания. 1917 г.

Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути.

Возлюбленные чада Святой Православной Церкви!

Временное Правительство вступило в управление страной в тяжкую историческую минуту. Враг еще стоит на нашей земле, и славной нашей армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия. В такое время все верные сыны Родины должны проникнуться общим воодушевлением.

Ради миллионов лучших жизней, сложенных на поле брани, ради бесчисленных денежных средств, затраченных Родиною на защиту от врага, ради многих жертв, принесенных для завоевания гражданской свободы, ради спасения ваших собственных семейств, ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо России, доверьтесь Временному Правительству; все вместе и каждый в отдельности приложите усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы.

Святейший Синод усердно молит Всемогущего Господа, да благословит Он труды и начинания Временного Российского Правительства, да даст ему силу, крепость и мудрость, а подчиненных ему сынов Великой Российской Державы да управит на путь братской любви, славной защиты Родины от врага и безмятежного мирного ее устроения".

Члены Синода:

Владимир, митрополит Киевский; Махарий, митрополит Московский; Сергий, архиепископ Финляндский; Тихон, архиепископ Литовский; Арсений, архиепископ Новгородский; Михаил, архиепископ Гродненский; Иоаким, архиепископ Нижегородский; Василий, архиепископ Черниговский; протопресвитер Александр Дернов

9 марта 1917 года.
Церковные ведомости. 1917. № 9–15. С. 57.

Послание Патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров. 1918 г.

"Все, взявшие меч, мечом погибнут"

(Мф. 26, 52)

Это пророчество Спасителя обращаем Мы к вам, нынешние вершители судеб нашего отечества, называющие себя "народными" комиссарами. Целый год держите в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину Октябрьской революции. Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды.

Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания?

Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф. 7, 9 — 10). Народу, изнуренному кровопролитной войною, вы обещали дать мир "без аннексий и контрибуций".

От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унизительные условия которого даже вы сами не решались обнародовать полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото.

Вы отняли у воинов все, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили их, недавно еще храбрых и непобедимых, оставить защиту Родины, бежать с полей сражения. Вы угасили в сердцах воодушевлявшее их сознание, что "больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя" (Ин. 15, 13). Отечество вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что, когда дело касается защиты отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями.

Отказавшись защищать Родину от внешних врагов, вы, однако, беспрерывно набираете войска.

Против кого вы их ведете?

Вы разделили весь народ на враждующие между собой страны и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками

русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции.

Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного, вами введенного суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чем-либо провинились, но и тех, которые даже перед вами заведомо ни в чем не виновны, а взяты лишь в качестве "заложников", этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами не только им не единомышленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждению. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем невиновных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной "контрреволюционности". Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения — напутствия Святыми Тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.

Не есть ли все это верх бесцельной жестокости со стороны тех, которые выдают себя благодетелями человечества и будто бы сами когда-то много потерпели от жестоких властей.

Но вам мало, что вы обагрили руки русского народа его братскою кровью: прикрываясь различными названиями — контрибуций, реквизиций и национализации, вы толкнули его на самый открытый и беззастенчивый грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем "буржуев" грабили людей состоятельных, потом под именем "кулаков" стали уже грабить более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая, таким образом, нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу об отмщении грехами и преступлениями.

Вы обещали свободу…

Великое благо — свобода, если она правильно понимается,

как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы не дали: во всяческом потворстве низменным страстям толпы, безнаказанности убийств, грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинной гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно. Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может провезти себе пропитание, нанять квартиру, когда семьи, а иногда население целых домов выселяются, а имущество выкидывается на улицу, и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и разграбление?

Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение, без опасения попасть под обвинения в контрреволюции? Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили своею кровью мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного осуждения и обличения заглушён; печать, кроме узко большевистской, задушена совершенно.

Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы (епископ Тобольский Гермоген) и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей и не задумались нарушить их посмертную волю. Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей, без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины — приход, уничтожаете братство и другие церковно–благотворительные просветительные учреждения, разгоняете церковно–епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви. Выбрасывая из школ священные изображения и запрещая учить в школах детей вере, вы лишаете их необходимой для православного воспитания духовной пищи.

"И что еще скажу? Не достанет мне времени" (Евр. 11, 32), чтобы изобразить все те беды, какие постигли Родину нашу. Не буду говорить о распаде некогда великой и могучей России, о полном расстройстве путей сообщения, о небывалой продовольственной разрухе, о голоде и холоде, которые грозят смертью в городах, об отсутствии нужного для хозяйства в

деревнях. Все это у всех на глазах. Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя. Сбываются слова пророка — "Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови; мысли их — мысли нечестивые; опустошение и гибель на стезях их" (Ис. 59, 7).

Мы знаем, что Наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения нас в противлении власти, но чем выше будет подниматься "столп злобы" вашей, тем вернейшим будет оно свидетельством справедливости наших обличений.

Не Наше дело судить о земной власти, всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя Наше благословение, если бы она воистину явилась "Божиим слугой" на благо подчиненных и была страшная "не для добрых дел, а для злых" (Рим. 13, 34). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних, истребление невинных, простираем мы Наше слово увещения: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк. 11, 51) и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. 26, 52).

Тихон Патриарх Московский и всея России 13 (26) октября 1918 года

Томские епархиальные ведомости. — 1919. № 13–14; Вестник РСХА- 1968. N 89–90.

Послание Патриарха Тихона чадам Православной Российской Церкви. 1919 г.

Божиею милостью Мы, смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея России, всем верным чадам Святой Православной Российской Церкви.

Господь не перестает являть милости Свои Православной Русской Церкви. Он дал Ей испытать Себя и проверить Свою преданность Христу и Его заветам не во дни только внешнего Ее благополучия, а и во дни гонений. День ото дня прилагаются Ей новые испытания. День ото дня все ярче сияет Ее венец. Многажды беспощадно опускается на Ее озаренный смирением лик бич от враждебной Христу руки, и клеветнические уста поносят Ее безумными хулами, а Она, по–апостольски — в тщету вменяет горечь Своих страданий, вводит в сонм небожителей новых мучеников и находит утеху для Себя в благословении Своего небесного Жениха: "Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; Радуйтесь и веселитесь (Мф. 5, 11 — 12).

Чада Мои! Пусть слабостью кажется иным эта Святая незлобивость Церкви, эти призывы наши к терпеливому перенесению антихристианской вражды и злобы, это противопоставление испытаниям и обычной человеческой привязанности к благам земли и удобствам мирской жизни христианских идеалов; пусть "невместимо" и "жестоко" кажется омирщенному пониманию радость, черпающая себе источник в страданиях за Христа, — но Мы умоляем вас, умоляем всех Наших православных чад не отходить от этой единственной спасительной настроенности христианина, не сходить с пути крестного, ниспосланного Нам Богом, на путь восхищения мирской силы или мщения. Не омрачайте подвига своего христианского возвращением к такому пониманию защиты благополучия, которое бы унизило Ее и принизило бы вас до уровня действий Ее хулителей. Убереги, Господи, нашу Православную Русь от такого ужаса.

Трудная, но и какая высокая задача для христианина сохранить в себе великое счастье незлобия и любви и тогда, когда ниспровергнут твой враг, и когда угнетенный страдалец призывает изречь свой суд над недавним своим угнетателем и гонителем. И Промысл Божий уже ставит перед некоторыми из чад Русской Православной Церкви это испытание. Зажигаются страсти, вспыхивают мятежи. Создаются новые и новые лагеря.

Разрастается пожар, сведение счетов. Враждебные действия переходят в человеконенавистничество. Организованное взаимоистребление — в партизанство со всеми его ужасами. Вся Россия — поле сражения! Но это еще не все. Дальше еще ужас. Доносятся вести о еврейских погромах, избиении племени, без разбора возраста, вины, пола, убеждений. Озлобленный обстоятельствами жизни человек ищет виновников своих неудач и, чтобы сорвать на них свои обиды, горе и страдания, размахивается так, что под ударом его ослепленной жаждой мести руки падает масса невинных жертв. Он слил в своем сознании свои несчастья с злой для него деятельностью какой-либо партии и с некоторых перенес свою озлобленность на всех. И в массовой резне тонут жизни вовсе непричастных причинам, пролившим такое озлобление.

Православная Русь, да идет мимо тебя этот позор. Да не постигнет тебя это проклятье. Да не обагрится твоя рука в крови, вопиющей к Небу. Не дай врагу Христа, диаволу, увлечь тебя страстию отмщения и посрамить подвиг твоего исповедничества, посрамить цену твоих страданий от руки насильников и гонителей Христа. Помни: погромы — это торжество твоих врагов. Помни: погромы — это бесчестие для тебя, бесчестие для Святой Церкви! Для христианина идеал — Христос, не извлекавший меча в Свою защиту, утихомиривший сынов грома, на кресте молившийся за Своих врагов. Для христианина путеводный светоч — завет святого Апостола, много претерпевшего за своего Спасителя и смертью запечатлевшего преданность Ему: "Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: "Мне отмщение, и Аз воздам, говорит Господь". Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. (Рим. 12, 19).

Мы не говорим уже о том, что пролитая кровь всегда взывает к новой крови. И отмщение — к новому возмездию. Строительство на вражде — строительство на вулкане. Взрыв — и снова царство смерти и разрушения. Наша боль — боль за светлость и счастье Нашей Святой Церкви, Наших чад. Наши опасения, что некоторых из них может прельстить этот новый, уже показывающий зияющую пасть зверь, исходящий из бездны клокочущего страстями сердца человечества. Одним порывом мщения навсегда запятнаешь себя, христианин, и вся светлая радость нынешнего твоего подвига — страдания за Христа померкнет, ибо где тогда дашь ты место Христу.

Мы содрогаемся, читая, как Ирод, ища погубить Отроча, погубил тысячи младенцев. Мы содрогаемся, что возможны такие

явления, когда при военных действиях один лагерь защищает передние свои ряды заложниками из жен и детей противного лагеря. Мы содрогаемся варварству нашего времени, когда заложники берутся в обеспечение чужой жизни и неприкосновенности. Мы содрогаемся от ужаса и боли, когда после покушений на представителей нашего современного правительства в Петрограде и Москве как бы в дар любви им и в свидетельство преданности, и в искупление вины злоумышленников, воздвигались целые курганы из тел лиц совершенно непричастных к этим покушениям и безумные эти жертвоприношения приветствовались восторгом тех, кто должен был остановить подобные зверства. Мы содрогались, — но ведь эти действия шли там, где не знают или не признают Христа, где считают религию опиумом для народа, где христианские идеалы — вредный пережиток, где открыто и цинично возводится в насущную задачу истребление одного класса другим и междоусобная брань.

Нам ли, христианам, идти по этому пути. О, да не будет! Даже если бы сердца наши разрывались от горя и утеснений, наносимых нашим религиозным чувствам, нашей любви к родной земле, нашему временному благополучию, даже если бы чувство наше безошибочно подсказывало бы нам, кто и где наш обидчик. Нет, пусть лучше нам наносят кровоточащие раны, чем нам обратиться к мщению, тем более погромному, против наших врагов или тех, кто кажется нам источником наших бед. Следуйте за Христом! Не изменяйте Ему. Не поддавайтесь искушению. Не губите в крови отмщения и свою душу. Не будьте побеждены злом. Побеждайте зло добром (Рим. 12, 21).

Чадца мои! Все православные русские люди! Все христиане! Когда многие страдания, обиды и огорчения стали бы навевать вам жажду мщения, стали бы проталкивать в твои, Православная Русь, руки меч для кровавой расправы с теми, кого считала бы ты своим врагом, — отбрось далеко так, чтобы ни в минуты самых тяжких для тебя испытаний и пыток, ни в минуты твоего торжества, никогда — никогда рука твоя не потянулась бы к этому мечу, не умела бы и не хотела бы нести его.

О, тогда воистину подвиг твой за Христа в нынешние лукавые дни перейдет в наследие и научение грядущим поколениям, как лучший завет и благословение: что только на камени сем — врачевания зла добром — созиждется нерушимая слава и величие нашей Святой Православной Церкви в русской земле, и неуловимо даже для врагов будет Святое имя Ее и чистота подвига Ее чад и служителей.

Тем, которые поступают по сему правилу, мир им и милость.

"Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братия. Аминь" (Гал. 6, 18).

8 (21) июля 1919 года

Послание архисвятейшего Патриарха Тихона к архипастырям Русской Православной Церкви. 1919 г.

Многократно с церковной кафедры обращались Мы к верующим со словом пастырского назидания о прекращении и распрей и раздоров, породивших кровавую международную брань, но и доныне эта брань не прекращается и кровь обильным потоком льется по всему обширному пространству Русской земли, взаимная вражда между борющимися сторонами все больше и больше разгорается, все чаще и чаще проявляется в жестоких кровавых расправах не только над теми, кто принимал непосредственное и деятельное участие в этой борьбе, но и над теми, кто только подозревается в таковом участии, иногда и без достаточных к тому оснований.

Если ужасы кровавой расправы враждующих между собой лагерей не могут не производить гнетущего впечатления на сердце каждого христианина, то неизмеримо более тягостное впечатление производят эти ужасы тогда, когда жертвами их делаются нередко неповинные люди, непричастные к этой страстной политической борьбе.

Не мимо идут эти ужасы и нас, служителей Церкви Христовой, и много уже и архипастырей, и пастырей, и просто клириков сделались жертвами кровавой политической борьбы… И все это за весьма, быть может, немногими исключениями, только потому что мы, служители и глашатели Христовой Истины, подпали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы к ниспровержению Советского строя. Но Мы с решительностью заявляем, что такие подозрения несправедливы: установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает Себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение.

Говорят, что Церковь готова будто бы благословить иностранное вмешательство в нашу разруху, что она намерена звать "варягов" придти помочь нам наладить наши дела… Обвинение голословное, неосновательное: Мы убеждены, что никакое иноземное вмешательство, да и вообще никто и ничто не спасет России от нестроения и разрухи, пока Правосудный Господь не приложит гнева Своего на милосердие, пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих, а через

то не возродится духовно "в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины" (Еф. 4, 24).

Указывают на то, что при перемене власти служители Церкви иногда приветствуют эту смену колокольным звоном, устроением торжественных богослужений и разных церковных празднеств. Но если это и бывает где-либо, то совершается или по требованию самой новой власти, или по желанию народных масс, а вовсе не по почину служителей Церкви, которые по своему сану, должны стоять выше и вне всяких политических интересов, должны памятовать канонические правила Святой Церкви, коими Она возбраняет Своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать каким-либо партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций.

Памятуйте, отцы и братья, и канонические правила, и завет Святого Апостола, "блюдите себя от творящих распри и раздоры", уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, повинуйтесь "всякому человеческому начальству" в делах мирских (1 Пет. 2, 13), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность Советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, ибо Богу, по апостольскому наставлению, должно повиноваться более, чем людям (Деян. 4, 19; Гал. 1, 10).

Посвящайте все свои силы на проповедь Слова Божия, Истины Христовой, особенно в наши дни, когда неверие и безбожие дерзновенно ополчились на Церковь Христову, и "Бог любви и мира да будет с вами" (2 Кор. 13, 11). Аминь.

25 сентября (8 октября) 1919 года Распоряжение Высшей Церковной Власти. 1919. N 21–22.

Послание Патриарха Тихона о помощи голодающим и изъятии церковных ценностей. 1922 г.

Среди тяжких бедствий и испытаний, обрушившихся на землю нашу, за наши беззакония, величайшим и ужаснейшим является голод, захвативший обширное пространство с многомиллионным населением.

Еще в августе 1921 года, когда стали доходить до Нас слухи об этом ужасном бедствии, Мы, почитая долгом Своим придти на помощь страждущим духовным чадам Нашим, обратились с посланием к главам отдельных христианских Церквей (Православным Патриархам, Римскому Папе, Архиепископу Кентерберийскому и епископу Йоркскому) с призывом, во имя христианской любви, произвести сборы денег и продовольствия и выслать их за границу умирающему от голода населению Поволжья.

Тогда же был основан Нами Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим, и во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначавшихся на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана излишней, и все собранные Церковью денежные суммы потребованы к сдаче и сданы правительственному Комитету.

Однако в декабре правительство предложило Нам делать, при посредстве органов Церковного Управления: Священного Синода, Высшего Церковного Совета, Епархиального, Благочиннического и Церковного приходского Совета — пожертвования деньгами и продовольствием для оказания помощи голодающим. Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, Мы нашли возможным разрешить церковноприходским советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, о чем и оповестили православное население 6 (19) февраля сего года особым воззванием, которое было разрешено правительством к напечатанию и распространению среди населения.

Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах по отношению к духовным руководителям Церкви, 10 (23) февраля ВЦИК для оказания помощи голодающим постановил изъять из храмов все драгоценные духовные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие богослужебные церковные предметы.

С точки зрения Церкви, подобный акт является актом святотатства, и Мы священным Нашим долгом почли выяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных духовных чад Наших. Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таковым пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство — миряне отлучением от Нее, священнослужители — извержением из сана (Апостольское правило 73, Правило 10 Двукратного Вселенского Собора).

15 (28) февраля 1922 года

Завещание Патриарха Тихона. 1925 г.

В редакцию газеты "Известия"
Гр. Редактор!
Просим не отказать поместить в газете "Известия" при сем прилагаемое Воззвание Патриарха Тихона, подписанное им 25 марта (7 апреля) 1925 года.
Петр (Полянский), митрополит Крутицкий
Тихон (Оболенский), митрополит Уральский
1 (14) апреля 1925 года.

"Божиею милостию, Смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея Церкви Российския.

Благодать вам и мир от Господа и Спаса нашего Иисуса Христа.

В годы великой гражданской разрухи по воле Божией, без которой в мире ничто не совершается, во главе Русского государства стала Советская власть, принявшая на себя тяжелую обязанность — устранение жутких последствий кровопролитной войны и страшного голода.

Вступая в управление Русским государством, представители Советской власти еще в январе 1918 года издали декрет о полной свободе граждан веровать во что угодно и по этой вере жить. Таким образом, принцип свободы совести, провозглашенный Конституцией СССР, обеспечивает всякому религиозному обществу и в том числе и нашей Православной Церкви права и возможность жить и вести свои религиозные дела, согласно требованиям своей веры, поскольку это не нарушает общественного порядка и прав других граждан. А поэтому Мы в свое время в посланиях к архипастырям, к пастырям и пасомым всенародно признали новый порядок вещей и рабоче–крестьянскую власть народов, правительство коей искренне приветствовали. Пора понять верующим христианскую точку зрения, что "судьбы народов от Господа устрояются", и принять все происшедшее как выражение Воли Божией. Не погрешая против Нашей веры и Церкви, не переделывая чего-либо в них, словом, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на

общее благо, сообразуя распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая всякое сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитацию против нее.

Вознося молитвы Наши о ниспослании благословения Божия на труд народов, объединивших силы свои во имя общего блага, Мы призываем всех возлюбленных чад богохранимой Церкви Российской в сие ответственное время строительства общего благосостояния народа слиться с Нами в горячей молитве ко Всевышнему о ниспослании помощи рабоче–крестьянской власти в ее трудах для общенародного блага. Призываем и церковноприходские общины, и особенно их исполнительные органы, не допускать никаких поползновений неблагонамеренных людей в сторону антиправительственной деятельности, не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что Советская власть — действительно Народная рабоче–крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая. Мы призываем выбирать в церковноприходские советы людей достойных, честных и преданных Православной Церкви, не политиканствующих и искренне расположенных к Советской власти. Деятельность православных общин должна быть направлена не в сторону политиканства, совершенно чуждого Церкви Божией, а на укрепление веры Православной, ибо враги Святого Православия — сектанты, католики, протестанты, обновленцы, безбожники и им подобные — стремятся использовать всякий момент в жизни Православной Церкви во вред Ее. Враги Церкви прибегают ко всякого рода обманным действиям, понуждениям и даже подкупам в стремлении достигнуть своих целей. Достаточно посмотреть на происходящее в Польше, где из 350 находившихся там церквей и монастырей осталось всего лишь 50. Остальные же или закрыты, или обращены в костелы, не говоря уже о тех гонениях, каким подвергается там наше Православное духовенство.

Ныне Мы, с милостию Божией оправившись от болезни, вступая снова на служение Церкви Божией, призываем вас, возлюбленные братья–архипастыри и пастыри, осудив еще раз всякое сопротивление власти, злонамеренные против нее умышления, мятежи и всякую против нее вражду, разделить Наш труд по умиротворению паствы Нашей и благоустроению Церкви Божией.

В сознании лежащей на Нас обязанности блюсти чистоту жизни Церкви, первее всего ищущей спасения людей и осуществления в жизни вечных Божественных начал, Мы не можем не осуждать тех, кто в забвении Божьего, злоупотребляя

своим церковным положением, отдается без меры человеческому, часто грубому политиканству, иногда носящему и преступный характер, и потому по долгу Первосвятительского служения Нашего благословляем открыть действия особой при Нас комиссии, возложив на нее обследование и, если понадобится, и отстранение в каноническом порядке от управления тех архипастырей и пастырей, кои упорствуют в своих заблуждениях и отказываются принести в них раскаяние перед Советской властью, предавая таковых суду Православного Собора.

Вместе с этим с глубокой скорбью Мы должны отметить, что некоторые из сынов России, и даже архипастыри и пастыри, по разным причинам покинули Родину, занялись за границей деятельностью, к коей они не призваны, и во всяком случае вредной для Нашей Церкви. Пользуясь Нашим именем, Нашим авторитетом церковным, они создают там вредную и контрреволюционную деятельность. Мы решительно заявляем: у Нас нет с ними связи, как это утверждают враги Наши, они чужды Нам, Мы осуждаем их вредную деятельность. Они вольны в своих убеждениях, но они в самочинном порядке и вопреки канонам Нашей Церкви действуют от Нашего имени и от имени Святой Церкви, прикрываясь заботами о Ее благе. Не благо принес Церкви и народу так называемый Карловацкий Собор, осуждение коего Мы снова подтверждаем, и считаем нужным твердо и определенно заявить, что всякие в этом роде попытки впредь вызовут с Нашей стороны крайние меры вплоть до запрещения священнослужения и предания суду Собора. Во избежание тяжких кар Мы призываем находящихся за границей архипастырей и пастырей прекратить свою политическую с врагами нашего народа деятельность и иметь мужество вернуться на Родину и сказать правду о себе и Церкви Божией.

Их деяния должны быть обследованы. Они должны дать ответ церковному Православному сознанию. Особой комиссии Мы поручаем обследовать деяния бежавших за границу архипастырей и пастырей, и в особенности митрополитов: Антония (Храповицкого) - бывшего Киевского, Платона (Рождественского) - бывшего Одесского, а также и других, и дать деятельности их немедленную оценку. Их отказ подчиниться Нашему призыву вынудит Нас судить их заочно.

Наши враги, стремясь разлучить Нас с возлюбленными чадами, вверенными Богом Нам — пастырям, распространяют ложные слухи о том, что Мы на патриаршем посту не свободны в распоряжении словом Нашим и даже совестью, что Мы засилены мнимыми врагами народа и лишены возможности общения, с паствою Нами ведомою. Мы объявляем за ложь и соблазн все

измышления о несвободе Нашей, поелику нет на земле власти, которая могла бы связать Нашу Святительскую совесть и Наше патриаршее слово. Необязательно и с великим упованием взирая на грядущие пути Святого Православия, Мы смиренно просим вас, возлюбленные чада Наши, блюсти дело Божие, да ничтоже успеют сыны беззакония.

Призывая на архипастырей, пастырей и верных Нам чад благословение Божие, молим вас со спокойной совестью, без боязни погрешить против Святой веры, подчиниться Советской власти не за страх, а за совесть, памятуя слова Апостола: "Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены" (Рим. 13, 1).

Вместе с этим Мы выражаем твердую уверенность, что установка чистых, искренних отношений побудит Нашу власть относиться к нам с полным доверием, даст Нам возможность преподать детям Наших пасомых закон Божий, иметь богословские школы для подготовки пастырей, издавать в защиту Православной веры книги и журналы.

Всех же вас да укрепит Господь в преданности Святой Православной вере, Церкви и Ее иерархии.

Патриарх Тихон Москва, Донской монастырь. 25 марта (7 апреля) 1925 года".

Обращение православных епископов из Соловецкого лагеря особого назначения к правительству СССР ("Соловецкое послание"). 1926 г.

Несмотря на основной закон Советской власти, обеспечивающий верующим полную свободу совести, религиозных объединений и проповеди, Православная Российская Церковь до сих пор испытывает весьма существенные стеснения в Своей деятельности и религиозной жизни. Она не получает разрешения открыть правильно действующие органы Центрального и Епархиального управления; не может перевести свою деятельность в ее исторический центр — Москву; ее епископы или вовсе не допускаются в свои епархии, или допущенные туда бывают вынуждены отказываться от исполнения самых существенных обязанностей своего служения — проповеди в церкви, посещения общин, признающих их духовный авторитет, иногда даже посвящения. Местоблюститель Патриаршего Престола и около половины православных епископов томятся в тюрьмах, в ссылке или на принудительных работах. Не отрицая действительности фактов, правительственные органы объясняют их политическими причинами, обвиняя православный епископат и клир в контрреволюционной деятельности и тайных замыслах, направленных к свержению Советской власти и восстановлению старого порядка. Уже много раз Православная Церковь, сначала в лице покойного Патриарха Тихона, а потом в лице его заместителей пыталась в официальных обращениях к правительству рассеять окутывавшую Ее атмосферу недоверия.

Их безуспешность и искреннее желание положить конец прискорбным недоразумениям между Церковью и Советской властью, тяжелым для Церкви и напрасно осложняющим для государства выполнение его задач, побуждает руководящий орган Православной Церкви еще раз с совершенной справедливостью изложить перед правительством принципы, определяющие ее отношение к государству.

Подписавшие настоящее заявление отдают себе полный отчет в том, насколько затруднительно установление взаимных благожелательных отношений между Церковью и государством в условиях текущей действительности и не считают возможным об этом умолчать. Было бы неправдой, не отвечающей достоинству Церкви и притом бесцельной и ни для кого не убедительной, если

бы они стали утверждать, что между Православной Церковью и государственной властью Советских республик нет никаких расхождений. Но это расхождение состоит не в том, в чем желает его видеть политическая подозрительность и в чем его указывает клевета врагов Церкви. Церковь не касается перераспределения богатств или их обобществления, так как всегда признавала это правом государства, за действия которого не ответственна. Церковь не касается и политической организации власти, ибо лояльна в отношении правительств всех стран, в границах которых имеет своих членов. Она уживается со всеми формами государственного устройства от восточной деспотии старой Турции до республики Северо–Американских Штатов. Это расхождение лежит в непримиримости религиозного учения Церкви с материализмом, официальной философией коммунистической партии и руководимого ею правительства Советских республик.

Церковь признает бытие духовного начала, коммунизм его отрицает. Церковь верит в Живого Бога, Творца мира, Руководителя его жизни и судеб, коммунизм не допускает Его существования, признает самопроизвольность бытия мира и отсутствие разумных конечных причин в его истории. Церковь полагает цель человеческой жизни в небесном призваний духа и не перестает напоминать верующим об их небесном Отечестве, хотя бы жила в условиях наивысшего развития материальной культуры и всеобщего благосостояния, коммунизм не желает знать для человека никаких других целей, кроме земного благоденствия. С высот философского миросозерцания идеологическое расхождение между Церковью и государством нисходит в область непосредственного практического значения, в сферу нравственности, справедливости и права, коммунизм считает их условным результатом классовой борьбы и оценивает явления нравственного порядка исключительно с точки зрения целесообразности. Церковь проповедует любовь и милосердие, коммунизм — товарищество и беспощадность борьбы. Церковь внушает верующим возвышающее человека смирение, коммунизм унижает его гордостью. Церковь охраняет плотскую чистоту и святость плодоношения, коммунизм не видит в брачных отношениях ничего, кроме удовлетворения инстинктов. Церковь видит в религии животворящую силу, не только обеспечивающую человеку постижение его вечного предназначения, но и служащую источником всего великого в человеческом творчестве, основу земного благополучия, счастья и здоровья народов. Коммунизм смотрит на религию как на опиум, опьяняющий народы и расслабляющий их энергию, как на источник их бедствий и

нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм — ее уничтожения. При таком глубоком расхождении в самых основах миросозерцания между Церковью и государством не может быть никакого сближения или примирения, как невозможно примирение между положением и отрицанием, между да и нет, потому что душою Церкви, условием Ее бытия и смыслом Ее существования является то самое, что категорически отрицает коммунизм.

Никакими компромиссами и уступками, никакими частичными изменениями в своем вероучении или перетолковываниями его в духе коммунизма Церковь не могла бы достигнуть такого сближения. Жалкие попытки в этом роде были сделаны обновленцами: одни из них ставили своей задачей внедрить в сознание верующих мысль, будто христианство по существу своему не отличается от коммунизма, и что коммунистическое государство стремится к достижению тех же целей, что и Евангелие, но свойственным ему способом, то есть не силой религиозных убеждений, а путем принуждения. Другие рекомендовали пересмотреть христианскую догматику в том смысле, чтобы ее учение об отношении Бога к миру не напоминало отношение монарха к подданным и более соответствовало республиканским понятиям, третьи требовали исключения из календаря святых "буржуазного происхождения" и лишения их церковного почитания. Эти опыты, явно неискренние, вызывали глубокое негодование людей верующих.

Православная Церковь никогда не станет на этот недостойный путь и никогда не откажется ни в целом, ни в частях от Своего, обвеянного святыней прошлых веков, вероучения в угоду одному из вечно сменяющихся общественных настроений. При таком непримиримом идеологическом расхождении между Церковью и государством, неизбежно отражающемся на жизнедеятельности этих организаций, столкновение их в работе дня может быть предотвращено только последовательно проведенным законом об отделении Церкви от государства, согласно которому ни Церковь не должна мешать гражданскому правительству в успехах материального благополучия народа, ни государство стеснять Церковь в Ее религиозно–нравственной деятельности.

Такой закон, изданный в числе первых революционным правительством, вошел в состав Конституции СССР и мог бы при изменившейся политической системе до известной степени удовлетворить обе стороны. Церковь не имеет религиозных оснований не принять его. Господь Иисус Христос заповедал предоставлять "кесарево", то есть заботу о материальном

благополучии народа, "кесарю", то есть государственной власти, и не оставил нам, Своим последователям, завета влиять на изменение государственных форм или руководить их деятельностью. Согласно этому вероучению и традициям, Православная Церковь всегда сторонилась политики и оставалась послушной государству во всем, что не касалось веры. Оттого внутренне чуждая правительству в древнеримской империи или в недавней Турции, Она могла оставаться и действительно оставалась лояльной в гражданском отношении. Но и современное государство со своей стороны не может требовать от Нее ничего большего. В противоположность старым политическим теориям, считавшим необходимым для внутреннего скрепления политических объединений религиозное единодушие граждан, оно не признает последнего важным в этом отношении, решительно заявляет, что не нуждается в содействии Церкви в достижении им поставленных задач и предоставляет гражданам полную религиозную свободу.

При создавшемся положении Церковь желала бы только полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении Церкви от государства. К сожалению, действительность далеко не отвечает этому желанию. Правительство как в своем законодательстве, так и в порядке управления не остается нейтральным по отношению к вере и неверию, но совершенно определенно становится на сторону атеизма, употребляя все средства государственного воздействия к его насаждению, развитию и распространению, в противовес всем религиям. Церковь, на которую Ее вероучением возлагается религиозный долг проповеди Евангелия всем, в том числе и детям верующих, лишена по закону права выполнить этот долг не достигшим 18–летнего возраста, между тем в школах и организациях молодежи детям самого раннего возраста и подросткам усиленно внушаются принципы атеизма со всеми логическими выводами из них. Основной закон дает гражданам право веровать во что угодно, но он сталкивается с законом, лишающим религиозное общество права юридического лица и связанного с ним права обладания какой бы то ни было собственностью, даже предметами, не представляющими никакой материальной ценности, но дорогими и ценными, священными для верующих исключительно по своей религиозной значимости. В целях противорелигиозной пропаганды по силе этого закона у Церкви отобраны и помещены в музей почитаемые Ею останки святых.

В порядке управления правительство принимает все меры к подавлению религии — оно пользуется всеми поводами к

закрытию церквей и обращению их в места публичных зрелищ и упразднению монастырей, несмотря на введение в них трудового начала, подвергает служителей Церкви всевозможным стеснениям в житейском быту, не допускает лиц верующих к преподаванию в школах, запрещает выдачу из общественных библиотек книг религиозного содержания и даже только идеалистического направления и устами самых крупных государственных деятелей неоднократно заявляло, что та ограниченная свобода, которой Церковь еще пользуется, есть временная мера и уступка вековым религиозным навыкам народа.

Из всех религий, испытывающих на себе всю тяжесть перечисленных стеснений, в наиболее стесненном положении находится Православная Церковь, к которой принадлежит огромное большинство русского населения, составляющего подавляющее большинство и в государстве. Ее положение отягчается еще тем обстоятельством, что отколовшаяся от Нее часть духовенства, образовавшая из себя обновленческую схизму, стала как бы государственной Церковью, которой Советская власть, вопреки ею же изданным законам, оказывает покровительство в ущерб Церкви Православной. В официальном акте правительство заявило, что единственно законным представителем Православной Церкви в пределах СССР оно признает обновленческий Синод. Обновленческий раскол имеет действующие беспрепятственно органы высшего и епархиального управления, его епископы допускаются в епархии, им разрешается посещение общин, в их распоряжение почти повсеместно переданы отобранные у православных соборные храмы, обыкновенно вследствие этого пустующие. Обновленческое духовенство в известной степени пользуется даже материальной поддержкой правительства, так например, его делегаты получили бесплатные билеты по железной дороге для проезда в Москву на их так называемый "Священный Собор" 1923 года и бесплатное помещение в Москве в 3–м доме Московского Совета. Большая часть православных епископов и священнослужителей, находящихся в тюрьме или в ссылке, подверглась этой участи за их успешную борьбу с обновленческим расколом, которая по закону составляет их бесспорное право в порядке управления, но рассматривается в качестве противодействия видам правительства.

Православная Церковь не может по примеру обновленцев засвидетельствовать, что религия в пределах СССР не подвергается никаким стеснениям и что нет другой страны, в которой она пользовалась бы полной свободой. Она не скажет вслух всему миру этой позорной лжи, которая может быть

внушена только или лицемерием, или сервилизмом, или полным равнодушием к судьбам религии, заслуживающим безграничного осуждения в ее служителях. Напротив, со всей справедливостью Она должна заявить, что не может признать справедливыми и приветствовать ни законов, ограничивающих Ее в исполнении Своих религиозных обязанностей, ни административных мероприятий, во много раз увеличивающих стесняющую тяжесть этих законов, ни покровительства, оказываемого в ущерб Ей обновленческому расколу. Свое собственное отношение к государственной власти Церковь основывает на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели, Она никогда не призывает к оружию и политической борьбе, Она повинуется всем законам и распоряжениям гражданского характера, но Она желает сохранить в полной мере Свою духовную свободу и независимость, предоставленные Ей Конституцией и не может стать слугой государства. Лояльности Православной Церкви Советское государство не верит. Оно обвиняет Ее в деятельности, направленной к свержению нового порядка и восстановлению старого. Мы считаем необходимым заверить правительство, что эти обвинения не соответствуют действительности. В прошлом, правда, имели место политические выступления Патриарха, дававшие повод к этим обвинениям, но все изданные Патриархом акты подобного рода направлялись не против власти в собственном смысле. Они относятся к тому времени, когда революция проявляла себя исключительно со стороны разрушительной, когда все общественные силы находились в состоянии борьбы, когда власти в смысле организованного правительства, обладающего необходимыми орудиями управления, не существовало. В то время слагающиеся органы центрального управления не могли сдерживать злоупотреблений и анархии ни в столицах, ни на местах. Всюду действовали группы подозрительных лиц, выдававших себя за агентов правительства, а в действительности оказавшихся самозванцами с преступным прошлым и еще более преступным настоящим. Они избивали епископов и священнослужителей, ни в чем не повинных, врывались в дома и больницы, убивали там людей, расхищали там имущество, грабляли храмы и затем бесследно рассеивались. Было бы странным, если бы при таком напряжении политических и своекорыстных страстей, при таком озлоблении одних против других, среди этой всеобщей борьбы одна Церковь оставалась равнодушной зрительницей происходящих

нестроений.

Проникнутая Своими государственными и национальными традициями, унаследованными Ею от Своего векового прошлого, Церковь в эту критическую минуту народной жизни выступила на защиту порядка, полагая в этом Свой долг перед народом. И в этом случае Она не разошлась со Своим вероучением, требующим от Нее послушания гражданской власти, ибо Евангелие обязывает христианина повиноваться власти, употребляющей свой меч во благо народа, а не анархии, являющейся общественным бедствием. Но с течением времени, когда сложилась определенная форма гражданской власти, Патриарх Тихон заявил в своем воззвании к пастве о лояльности в отношении к Советскому правительству, решительно отказался от всякого влияния на политическую жизнь страны. До конца своей жизни Патриарх оставался верен этому акту. Не нарушили его и православные епископы. Со времени издания его нельзя указать ни одного судебного процесса, на котором было бы доказано участие православного клира в деяниях, имевших своею целью ниспровержение Советской власти.

Епископы и священнослужители, в таком большом количестве страждущие в ссылке, тюрьмах или на принудительных работах, подверглись этим репрессиям не по судебным приговорам, а в административном порядке, без точно сформулированного обвинения, без правильно расследованного дела, без гласного судебного процесса, без предоставления им возможности защиты, часто даже без объяснения причин, что является бесспорным доказательством отсутствия серьезного обвинительного материала против них. Православную иерархию обвиняют в сношении с эмигрантами в отношении их политической деятельности, направленной против Советской власти. Это второе обвинение так же далеко от истины, как и первое. Патриарх Тихон осудил политические выступления зарубежных епископов, сделанные ими от лица Церкви. Кафедры ушедших с эмигрантами епископов были замещены им другими лицами. Когда созванный с его разрешения Карловацкий Собор превысил свои церковные полномочия, вынес постановление политического характера, Патриарх осудил его деятельность и распустил Синод, допустивший уклонение Собора от его программы. Хотя канонически православные епархии, возникшие за границей, подчинены Российскому Патриарху, однако в действительности управление ими из Москвы и в церковном отношении невозможно по отсутствию легальных форм сношений с ними, что снимает с Патриарха и его заместителей ответственность за происходящее в них. Можем заверить

правительство, что мы не принимаем участия в их политической деятельности и не состоим с ними ни в открытых, ни в тайных сношениях по делам политическим. Отсутствие фактов, уличающих православную иерархию в преступных сношениях с эмигрантами, заставляет врагов Церкви, для которых выгодно возбуждать против Нее недоверие правительства, прибегать к гнусным подлогам.

Таков "документ", предъявленный в октябре 1925 года Введенским, именующим себя митрополитом, на так называемом "Священном Соборе" обновленцев, не постыдившимся сделать вид, что он поверил в подлинность этой грубо сфабрикованной подделки. Свои отношения к гражданской власти на основе законов об отделении Церкви от государства Церковь мыслит в такой форме. Основной закон нашей страны устраняет Церковь от вмешательства в политическую жизнь. Служители культа с этой целью лишены как активного, так и пассивного избирательного права, и им запрещено оказывать влияние на политическое самоопределение масс силою религиозного авторитета. Отсюда следует, что Церковь, как в Своей открытой деятельности, так и в Своем интимном пастырском воздействии на верующих, не должна подвергать критике или порицанию гражданские мероприятия правительства, но отсюда вытекает и то, что Она не должна и одобрять их, так как не только порицание, но и одобрение правительства — есть вмешательство в политику, и право одобрения предполагает право порицания или хотя бы право воздержания от одобрения, которое всегда быть может понято как знак недовольства и неодобрения. Соответственно этому Церковь и действует.

С полной искренностью мы можем заверить правительство, что ни в храмах, ни в церковных учреждениях, ни в церковных собраниях от лица Церкви не ведется никакой политической пропаганды. Епископы и клир и на будущее время воздержатся от обсуждения политических вопросов в проповедях и пастырских посланиях. Церковные учреждения, начиная приходскими советами и кончая Патриаршим Синодом, отнесутся к ним как к предметам, выходящим за пределы их компетенции. Они не будут также вносимы в программу приходских собраний, благочиннических и епархиальных съездов, Всероссийских Соборов и не будут на них затрагиваемы. В избрании членов церковных учреждений и представительных собраний Церковь совершенно не будет считаться с политическими взглядами, с социальным положением, имущественным состоянием и партийной принадлежностью избираемых, каковы бы они ни были, и ограничится предъявлением к ним исключительно

религиозных требований и чистоты веры, ревности о нуждах Церкви, безупречности личной жизни и нравственного характера.

В Республике всякий гражданин, не пораженный в политических правах, призывается к участию в законодательстве и управлении страной, в организации правительства и влиянию, в законом установленной форме, на его состав. И это является не только его правом, но и обязанностью, гражданским долгом, в выполнении которого никто не в праве стеснять его. Церковь вторглась бы в гражданское управление, если бы, отказавшись от открытого обсуждения вопросов политических, стала влиять на направление дел путем пастырского воздействия на отдельных лиц, внушая им либо полное уклонение от политической деятельности, либо определенную программу таковой, призывая к вступлению в одни политические партии и к борьбе с другими. У каждого верующего есть свой ум и своя совесть, которые и должны указывать ему наилучший путь к устроению государства. Отнюдь не отказывая вопрошающим в религиозной оценке мероприятий, сталкивающихся с христианским вероучением, нравственностью и дисциплиной, в вопросах чисто политических и гражданских Церковь не связывает их свободы, внушая им лишь общие принципы нравственности, призывая их добросовестно выполнять свои обязанности, действовать в интересах общего блага, не с малодушной целью угождать силе, а по сознанию справедливости и общественной пользы.

Совершенное устранение Церкви от вмешательства в политическую жизнь в Республике с необходимостью влечет за собой и Ее уклонение от всякого надзора за политической благонадежностью Своих членов. В этом лежит глубокая черта различия между Православной Церковью и обновленческим расколом, органы управления которого и его духовенство, как это видно из их собственных неоднократных заявлений в печати, взяли на себя перед правительством обязательство следить за лояльностью своих единоверцев, ручаться в этом отношении за одних и отказывать в поруке другим.

Православная Церковь считает сыск и политический донос совершенно несовместимым с достоинством пастыря. Государство располагает специальными органами наблюдения, а члены Церкви, Ее клир и миряне ничем не отличаются в глазах современного правительства от прочих граждан, и потому подлежат политическому надзору в общем порядке. Из этих принципов вытекает недопустимость церковного суда по обвинению в политических преступлениях. Обновленческий раскол, возвращая себя в положение государственной Церкви, такой суд допускает.

На так называемом обновленческом Соборе 1923 года по обвинению в политических преступлениях были подвергнуты церковным наказаниям (по справедливости вмененными Православной Церковью в ничто) Патриарх Тихон и епископы, удалившиеся с эмигрантами за границу. Православная Церкоэь такой суд отменяет.

Те церковно–гражданские законы, которыми руководилась Церковь в христианском государстве, после падения его утратили силу, а чисто церковные законодательства, которыми единственно в настоящее время может руководиться Церковь, не предусматривают суда над клириками и мирянами по обвинению в политических преступлениях и не содержат в своем составе еще канонов, которые налагали бы на верующих наказания за преступления подобного рода.

В качестве условий легализации церковных учреждений представителями ОГПУ неоднократно предъявлялось Патриарху Тихону и его заместителям требование доказать свою лояльность по отношению к правительству путем церковного осуждения русских епископов, действующих за границей против Советской власти.

Исходя из изложенных выше принципов, Мы не можем одобрить обращения Церковного амвона и учреждений в одностороннее орудие политической борьбы, тем более, что политическая заинтересованность зарубежного епископата бросает тень на представителей Православной Церкви в пределах СССР, питает недоверие к их законопослушности и мешает установлению нормальных отношений между Церковью и государством. Тем не менее, Мы были бы поставлены в большое затруднение, если бы от Нас потребовали бы выразить Свое неодобрение в каком-нибудь церковном акте судебного характера, так как собрание канонических правил, как было сказано, не предусматривает суда за политические преступления.

Но если бы даже Православная иерархия, не считаясь с этим обстоятельством, по примеру обновленцев, решилась приступить к такому суду, то встретила бы целый ряд специальных затруднений, создающих неустранимые препятствия для закономерной постановки процесса, при которой единственно определения суда могут получить непререкаемый канонический авторитет и быть приняты Церковью.

Зарубежных епископов мог бы судить только Собор православных епископов, но вполне авторитетный Собор не может состояться уже потому, что около половины православных епископов находятся в тюрьме или ссылке и, следовательно, их кафедры не могут иметь законного представительства на Соборе.

Согласно церковным правилам вселенского значения, необходимо личное присутствие обвиняемых на суде и только в случае злонамеренного уклонения их от суда разрешается заочное слушание дела. Зарубежные епископы, тяжкие политические преступники в глазах Советской Власти, в случае их прибытия в пределы СССР были бы лишены гарантии личной безопасности, а потому их уклонение и не могло быть признанным злонамеренным.

Всякий суд предполагает судебное следствие. Православная Церковь не располагает органами, через которые Она могла бы расследовать дело о политических преступлениях православных епископов за границей.

Но Она могла бы произнести Свой суд и на основании того обвинительного материала, который собран правительственными учреждениями, и если бы он даже был представлен на Собор, так как в случае возражения против него со стороны обвиняемых или представления ими новых данных или оправдывающих документов, Собор был бы поставлен в необходимость пересмотра правительственного расследования, что со стороны Церкви было бы совершенно недопустимым нарушением гражданских законов.

Обновленческий Собор 1923 года, сделавший опыт суда, которого от нас требуют и пренебрегший церковными законами, которые его не допускают, тем самым сделал свои постановления ничтожными и никем не признанными. Закон об отделении Церкви от государства двусторонен, он запрещает Церкви принимать участие в политике и гражданском управлении, но содержит в себе и отказ государства от вмешательства во внутренние дела Церкви и Ее вероучения, богослужение и управление.

Всецело подчиняясь этому закону, Церковь надеется, что и государство добросовестно исполнит по отношению к Ней те обязательства по сохранению Ее свободы и независимости, которые в этом законе оно на себя приняло.

Церковь надеется, что не будет оставлена в этом бесправном и стесненном положении, в котором Она находится в настоящее время, что законы об обучении детей закону Божию и о лишении религиозных объединений прав юридического лица будут пересмотрены и изменены в благоприятном для Церкви направлении, что останки святых, почитаемых Церковью, перестанут быть предметом кощунственных действий и из музеев будут возвращены в Храм.

Церковь надеется, что Ей будет разрешено организовать епархиальное управление, избрать Патриарха и членов Священного Синода, действующих при нем, созвать для этого,

когда Она признает это нужным, епархиальные съезды и Всероссийский Православный Собор.

Церковь надеется, что правительство воздержится от всякого гласного или негласного влияния на выборы членов этих съездов (Собора), не стеснит свободу обсуждения религиозных вопросов на этих собраниях и не потребует никаких предварительных обязательств, заранее предрешающих сущность их будущих постановлений.

Церковь надеется также, что деятельность созданных таким образом церковных учреждений не будет поставлена в такое положение, при котором назначение епископов на кафедры, определения о составе Священного Синода, им принимаемые решения — проходили бы под влиянием государственного чиновника, которому, возможно, будет поручен политический надзор за ними.

Представляя настоящую памятную записку на усмотрение правительства, Российская Церковь еще раз считает возможным отметить, что Она с совершенной искренностью изложила перед Советской властью, как затруднения, мешающие установлению взаимно–благожелательных отношений между Церковью и государством, так и те средства, которыми они могли бы быть устранены. Глубоко уверенная в том, что прочное и доверчивое отношение может быть основано только на совершенной справедливости, Она изложила открыто, без всяких умолчаний и обоюдностей, что Она может обещать Советской власти, в чем может отступить от Своих принципов и чего ожидает от правительства СССР.

Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, Она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если Ее ходатайство будет отклонено, Она готова на материальные лишения, которым подвергается, встретит это спокойно, памятуя, что не в целости внешней организации заключается Ее сила, а в единении веры и любви преданных Ей чад Ее, наипаче же возлагает Свое упование на непреоборимую мощь Ее Божественного Основателя и на Его обетование неодолимости Его Создания".

Май 1926 года

Вестник Русского Студенческого Христианского движения. Париж. 1927. Июль.

Послание заместителя патриаршего местоблюстителя, Митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и временного при нем Патриаршего Священного Синода ("Декларация" Митрополита Сергия). 1927 г.

Божиею милостию, смиренный Сергий (Страгородский) митрополит Нижегородский Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Временный Патриарший Священный Синод.

Преосвященным архипастырям, боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Святой Всероссийской Православной Церкви.

О Господе радоватися.

Одною из забот почившего Святейшего Отца нашего Патриарха Тихона пред его кончиной было поставить нашу Православную Русскую церковь в правильные отношения к Советскому правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования. Умирая, Святейший говорил: "Нужно бы пожить еще годика три". И, конечно, если бы неожиданная кончина не прекратила его святительских трудов, он довел бы дело до конца. К сожалению, разные обстоятельства, а главным образом, выступления зарубежных врагов Советского государства, среди которых были не только рядовые верующие нашей Церкви, но и водители их, возбуждая естественное и справедливое недоверие правительства к церковным деятелям вообще, мешали усилиям Святейшего, и ему не суждено было при жизни видеть своих усилий, увенчанных успехом.

Ныне жребий быть временным Заместителем Первосвятителя нашей Церкви опять пал на меня, недостойного митрополита Сергия (Страгородского), а вместе со жребием пал на меня и долг продолжать дело Почившего и всемерно стремиться к мирному устроению наших церковных дел. Усилия мои в этом направлении, разделяемые со мною и православными архипастырями, как будто не остаются бесплодными: с учреждением при мне Временного Патриаршего Священного Синода укрепляется надежда на приведение всего нашего церковного управления в должный строй и порядок, возрастает и уверенность в возможности мирной жизни и деятельности нашей в пределах закона.

Теперь, когда мы почти у самой цели наших стремлений,

выступления зарубежных врагов не прекращаются: убийства, поджоги, налеты, взрывы и им подобные явления подпольной борьбы у нас всех на глазах. Все это нарушает мирное течение жизни, создавая атмосферу взаимного недоверия и всяческих подозрений. Тем нужнее для нашей Церкви и тем обязательнее для нас всех, кому дороги Ее интересы, кто желает вывести Ее на путь легального и мирного существования, тем обязательнее для нас теперь показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством.

Засвидетельствовать это и является первой целью настоящего нашего (моего и Синодального) послания. Затем извещаем вас, что в мае текущего года по моему приглашению и с разрешения власти, организовался Временный при Заместителе Патриарший Священный Синод в составе нижеподписавшихся (отсутствуют Преосвященные Новгородский митрополит Арсений (Стадницкий), еще не прибывший, и Костромской архиепископ Севастиан, по болезни). Ходатайство наше о разрешении Синоду начать деятельность по управлению Православной Всероссийской Церковью увенчалось успехом. Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление; а мы надеемся, что легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление: епархиальное, уездное и так далее. Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся таким образом в положении нашей Православной Церкви, Ее духовенства, всех церковных деятелей и учреждений… Вознесем же наши благодарственные молитвы ко Господу, тако благоволившему о святой нашей Церкви. Выразим всенародно нашу благодарность и Советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения, а вместе с тем, заверим правительство, что мы не употребим во злое оказанного нам доверия.

Приступив, с благословения Божия, к нашей синодальной работе, мы ясно сознаем всю величину задачи, предстоящей как нам, так и всем вообще представителям Церкви. Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой — наши

радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому, сознается нами, как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза "не только из страха наказания, но и по совести", как учил нас Апостол (Рим. 13, 5). И мы надеемся, что с помощью Божиею, при вашем общем содействии и поддержке, эта задача будет нами разрешена.

Мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы Советской власти устроению церковной жизни на началах лояльности. Это — недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране. Утверждение Советской власти многими представлялось каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным. Забывали люди, что случайностей для христианина нет и что в совершившемся у нас, как везде и всегда, действует та же десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели. Таким людям, не желающим понять "знамений времени", и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже монархией, не порывая с Православием. Такое настроение известных церковных кругов, выражавшееся, конечно, и в словах, и в делах и навлекшее подозрения Советской власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирные отношения Церкви с Советским правительством. Недаром ведь Апостол внушает нам, что "тихо и безмятежно жить по своему благочестию мы можем лишь повинуясь законной власти (1 Тим. 2, 2); или должны уйти из общества. Только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как наша Православная Церковь со всей Ее организацией, может существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти. Теперь, когда наша Патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, решительно и бесповоротно становится на путь лояльности, людям указанного настроения придется или переломить себя и, оставив свои политические симпатии дома, приносить в Церковь только веру и работать с нами только во имя веры; или, если переломить себя они сразу не смогут, по крайней мере, не мешать нам, устранившись временно от дела. Мы уверены, что они опять и очень скоро возвратятся работать с нами, убедившись, что изменилось лишь отношение к власти, а вера и православно–христианская жизнь остаются незыблемы.

Особенную остроту при данной обстановке получает вопрос о духовенстве, ушедшем с эмигрантами за границу. Ярко противосоветские выступления некоторых наших архипастырей и

пастырей за границей, сильно вредившие отношениям между правительством и Церковью, как известно, заставили почившего Патриарха упразднить заграничный Синод (5 мая — 22 апреля 1922 года). Но Синод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими притязаниями на власть даже расколол заграничное церковное общество на два лагеря. Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности к Советскому Правительству во всей своей общественной деятельности. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии. Думаем, что размежевавшись так, мы будем обеспечены от всяких неожиданностей из-за границы. С другой стороны, наше постановление, может быть, заставит многих задуматься, не пора ли и им пересмотреть вопрос о своих отношениях к Советской власти, чтобы не порывать со своей родной Церковью и Родиной.

Не менее важной своей задачей мы считаем и приготовление к созыву и самый созыв нашего Второго Поместного Собора, который изберет нам уже не временное, а постоянное центральное церковное управление, а также вынесет решение и о всех "похитителях власти" церковной, раздирающих хитон Христов. Порядок и время созыва, предметы занятий Собора и прочие подробности будут выработаны потом. Теперь же мы выразим лишь наше твердое убеждение, что наш будущий Собор, разрешив многие наболевшие вопросы нашей внутренней церковной жизни, в то же время своим соборным разумом и голосом даст окончательное одобрение и предпринятому нами делу установления правильных отношений нашей Церкви к Советскому правительству.

В заключение усердно просим вас всех, Преосвященные архипастыри, пастыри, братие и сестры, помогите нам каждый в своем чину вашим сочувствием и содействием нашему труду, вашим усердием к делу Божию, вашей преданностью и послушанием Святой Церкви, в особенности же вашими за нас молитвами ко Господу, да даст Он нам успешно и Богоугодно совершить возложенное на нас дело к славе Его Святого имени, к пользе Святой нашей Православной Церкви и к нашему общему спасению.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любы Бога и Отца и причастие Святого Духа буди со всеми Вами. Аминь.

16 (29) июля 1927

Послание патриаршего местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Российской Церкви. 1925 г.

Божией милостию Патриарший Местоблюститель Митрополит Крутицкий, смиренный Петр, Возлюбленным о Христе архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Российской Церкви — Благодать Вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

Уже более трех месяцев прошло с тех пор, как Господу угодно было призвать к Себе Кормчего Русской Церкви, благостнейшего Отца нашего Святейшего Патриарха Тихона. Тяжела для нас эта утрата, особенно в настоящее время, когда корабль церковный приходится вести к тихой пристани среди бушующих волн житейского моря.

Много врагов у Православной Христовой Церкви. Теперь они усилили свою деятельность против Православия. Католики, вводя наш богослужебный обряд, совращают, особенно в западных, издревле православных обителях, верующий народ в унию и тем самым отвлекают силы Православной Церкви от более неотложной борьбы с неверием.

Так называемые евангелисты или баптисты, а также и другие сектанты, всюду, где только возможно, проповедуют свои вероучения и увлекают доверчивые души мнимою святостию своей жизни и обещанием материальной помощи. И бедная, немощная православная душа, не будучи в состоянии познать всю ложность сектантских учений, восторгаясь воодушевлением их проповедников, а нередко и соблазняясь и материальными расчетами, пьет яд духовной отравы и гибнет, отпадая от Святой Церкви Православной… Все это происходит в то время, когда широкой волной разливается неверие, проникая во все слои нашего общества.

К глубокому прискорбию, попущением Божиим, произошло разделение и внутри самой Православной Церкви. По слову Божию, "они вышли от нас, но не были наши; ибо если бы они были наши, то остались бы с нами" (1 Ин. 2, 19). Мы разумеем так называемых живоцерковников, обновленцев, возрожденцев, самосвятов и тому подобных — все они своей самочинной иерархией и самочинным устроением церковной жизни, как в

исконной России, так и на Украине и в других местах, отделяются от единого Тела Христова, то есть от Святой Его Православной Церкви, и тем смущают православный народ. Но непреложны слова Господа: то, что утаено от премудрых и разумных, Господь действительно открыл младенцам (Лк. 10, 21). Наш православный русский народ простым сердцем своим почувствовал внутреннюю неправоту обновленческого движения и всю его опасность. Где ему только возможно, он со справедливым негодованием отвергает это движение и не посещает обновленческих храмов.

В настоящее время так называемые обновленцы все более и более говорят о соединении с нами. По городам и уездам они собирают собрания, приглашают на них православных клириков и мирян для совместного обсуждения вопроса о соединении с нами и для приготовления к созываемому ими осенью текущего года своему новому лжесобору. Но должно твердо помнить, что, по каноническим правилам Вселенской Церкви, все самочинно устраиваемые собрания, как и бывшее в 1923 году живоцерковное собрание, незаконны. Поэтому на них присутствовать православным христианам, а тем более выбирать от себя представителей на предстоящее собрание, канонические правила воспрещают. По 20–му правилу Антиохийского Собора, "никому да не будет позволено составляти соборы самим по себе, без тех епископов, коим вверены митрополии". В Святой Божией Церкви законно и канонично только то, что благословенно Богоучрежденною Церковною Властию, преемственно сохраняющейся от времен Апостольских. Все же Самочинное, все, что свершалось обновленцами без благословения в Бозе почившего святейшего Патриарха, все что теперь совершается без благословения нашей мерности — Местоблюстителя Патриаршего, действующего в единении со всей Православной законной иерархией, все это не имеет силы по канонам Святой Церкви Христовой (Апостольское правило 34, 39), ибо истинная Церковь едина, и едина пребывающая в ней благодать Всесвятаго Духа: не может быть двух церквей и двух благодатей. "Едино тело и един дух якоже и звани бымте во едином уповании звания вашего. Един Господь, едина вера, едино крещение, един Бог и Отец всех" (Еф. 4,4–6).

Не о соединении с Православной Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях. Главные их заблуждения состоят в том, что отступив самочинно от законной иерархии и ее главы, Святейшего Патриарха, они пытались обновить Христову Церковь самочинным учением ("Живая Церковь", № 1 — 11), они извратили церковные правила, установленные Вселенскими

Соборами (Постановление лжесобора 4 мая 1923 года), они отвергли власть Патриарха, соборно установленную и признанную всеми восточными православными Патриархатами, то есть отвергли то, что признало все Православие и, кроме того, на своем лжесоборе осудили его. Вопреки правилам святых апостолов, Вселенских Соборов и Святых Отцов (Апостольское правило 17, 18; VI Вселенского Собора правило 3, 12, 48; святителя Василия Великого 12) они разрешают епископам быть женатыми и клирикам двоеженцами, то есть нарушают то, что вся Вселенская Церковь признает для себя законом и что может быть изменено только Вселенским Собором. Таким образом, разрывают связь с церковным священным Преданием и подпадают под соборное осуждение за нарушение Предания (догматические определения 7 Вселенского Собора). Даже первоначальные деятели обновленческого движения (епископ Антонин и другие) сами сознавали всю неканоничность своих заблуждений, о чем открыто и настойчиво заявляют в своих проповедях и воззваниях…

Присоединение к Святой Православной Церкви так называемых обновленцев возможно только при том условии, если каждый из них в отдельности отречется от своих заблуждений и принесет покаяние в своем отпадении от Церкви. И мы непрестанно молим Господа Бога, да возвратит Он заблудших в лоно Святой Православной Церкви.

Богомудрые и Боголюбезные Архипастыри, честные Пастыри и все возлюбленные православные христиане! В столь тяжелое переживаемое ныне время церковной жизни, уповая на божественное, пекущееся о нас, Промышление, будем пребывать в союзе мира и любви между собою, будем едино (Ин. 17, 21 — 23), помогая друг другу охранять нашу Православную веру, являя везде и всюду примеры доброй жизни, любви, кротости, смирения и повиновения существующей Гражданской Власти, в согласии с заповедями Божиими (Мк. 12, 17; Рим. 13, 1; Деян. 4, 18 — 19), памятуя, что Церковь Христова ведет верующих только к духовно–нравственному совершенству и нет в ней никакого места для политической борьбы, дабы Власть видела это и Дух Божий возглаголал бы через нее благая о Церкви Святой (1 Пет. 11, 12 — 14).

Будем усердно молить Милостивого Бога, да незыблему сохранит Он в Православии нашу Русскую Церковь.

"Утверди, Господи, Церковь, Юже стяжал еси честною Твоею Кровию" (святого Космы Маиумского ирмос 3–й песни на Сретение Господне)".

28 июня 1925 года

Литература

1. Венок на могилу Высокопреосвященного митрополита Владимира (+ 25 января 1918 года). — Киев, 1992. — (Репринт, изд., 1918).

2. Виноградов В., протопресвитер. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Патриарха Тихона. — Мюнхен, 1959.

3. Гидулянов П. В. Отделение Церкви от государства в СССР. // Полное собрание документов, ведомственных распоряжений и определений Верховного суда РСФСР и других Советских Социалистических Республик. — М., 1926.

4. Граббе Г., протопресвитер. Правда о Русской Церкви на Родине и за Рубежом. — Нью–Йорк, 1961.

5. Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн.1. — Тверь, 1992.

6. Иеромонах Дамаскин (Орловский). Я теперь не умру… // "Журнал Московской Патриархии", 1993, № 1. — С. 20–32.

7. Деяния Русского Всезаграничного Собора. — Сремски Карловцы, 1922.

8. Деяния Второго Всезаграничного Собора Русской Православной Церкви. — Белград, 1939.

9. Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. — Париж, 1947.

10. Елевферий, митрополит. Неделя в Патриархии. — Париж, 1933.

11. Зеленогорский М. Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). — М., 1991.

12. Иоанн, митрополит Санкт–Петербургский и Ладожский. Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. — СПб., 1993.

13. Иоанн, митрополит Санкт–Петербургский и Ладожский. Церковные расколы в Русской Церкви 20–х и 30–х годов XX столетия - григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. — Изд. 2., доп. Сортавала, 1993.

14. Козаржевский А. Ч. Церковноприходская жизнь Москвы 1920–1930–х годов. Воспоминания прихожанина. — "Журнал Московской Патриархии", 1992, № 11–12, с. 21–28.

15. Константинов Дмитрий, протоиерей. Гонимая Церковь (Русская Православная Церковь в СССР). — Нью–Йорк, 1967.